

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

На правах рукописи

БАЙ ЯН

**ПОЭТИКА РУССКОГО ХАРАКТЕРА
В ТВОРЧЕСТВЕ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА 1950-1960-Х ГОДОВ**

Специальность 10.01.01 – Русская литература

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор
Сорокина Наталия Владимировна

Тамбов 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. РОССИЯ И РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК В ПОЭЗИИ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА	15
1.1. Образ России в цикле «Тюремные-лагерные-ссылные стихи».....	17
1.2. Поэтика любви в лагерных стихах А.И. Солженицына.....	32
1.3. Роль мотива пути-дороги в заглавии и формировании фабулы поэмы «Дороженька»	47
ГЛАВА 2. ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В РАННЕЙ ПРОЗЕ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА	79
2.1. Вопросы духовной жизни русских людей в прозе писателя.....	79
2.2. Пространственно-временные координаты в прозе А.И. Солженицына 1950-1960-х годов.....	112
2.3 Роман «В круге первом»: общенациональное и индивидуальное в судьбах героев.....	137
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	147
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	154

ВВЕДЕНИЕ

А.И. Солженицын (1918–2008) – один из крупнейших писателей и общественных деятелей XX века, обогативший русскую и мировую литературу яркими открытиями не только в сфере поэтики словесного искусства, но и в области истории, философии.

Писатель родился в многострадальном прошедшем столетии и стал свидетелем многочисленных социальных перемен и общественных потрясений. Жизнь писателя наполнена драматическими перипетиями, отраженными в его творчестве. Художественный спектр его наследия гораздо шире, чем описание в своих трудах темного царства ГУЛАГа. В неограниченном творческом пространстве Солженицын стремился воссоздавать подлинные картины русской истории, жизнь русского народа. Отсюда проистекал его постоянный интерес к истокам русской революции, стремление понять перспективы развития страны. Он заслуженно стал ярким представителем плеяды национальных мыслителей.

Творческое наследие писателя представлено разнообразными жанрами в прозе, поэзии, драматургии, публицистике, мемуарах, историко-литературных и литературно-критических исследованиях. Они формируют художественный мир писателя в единое целое. Огромные по количеству опубликованные и неопубликованные труды позволяют читателю войти в него с разных ракурсов.

Исследователи стремятся раскрыть не только специфику творческого мышления писателя, но, главное, путем изучения его произведений более четко представить себе и понять историю России, русский характер и явление русскости, о котором с неотступным постоянством думали и писали А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский, Н.С. Лесков, А.П. Чехов, С.А. Есенин и другие классики.

Степень разработанности темы исследования. На сегодняшний день А.И. Солженицын является одним из наиболее изучаемых не только в России русских классиков XX – начала XXI веков. Значителен вклад научного отдела при

Доме русского зарубежья имени А.И. Солженицына¹. В ряду многочисленных работ, посвященных его творчеству, достойное место занимают те, которые создаются в российских научных центрах по изучению наследия писателя: в Благовещенском педагогическом государственном университете², Научно-просветительском центре по изучению наследия А.И. Солженицына Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина³. Исследование творчества А.И. Солженицына – одно из ведущих направлений научной деятельности литературоведческой кафедры Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского⁴.

Изучение творчества А.И. Солженицына, особенно активизировавшееся со второй половины 1980-х годов в связи с широкой публикацией произведений писателя в России, отражено в немалом количестве монографических трудов⁵. Достижения современного солженицыноведения закреплены в работах российских и зарубежных литературоведов: М.М. Голубкова, Жень Гуансюань (Китай), Н.В. Ковтун, В.Я. Лакшина, А.С. Немзера, Ж. Нива (Франция), М. Николсона (Великобритания), Л.И. Сараскиной, П.Е. Спиваковского, Н.М. Щедриной, А.В. Урманова и многих других ученых. По проблематике

¹ Солженицынские тетради: Материалы и исследования: альманах. Вып. 1 / Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына; гл. ред. А.С. Немзер. М.: Русский путь, 2012. – 344 с.; Вып. 2. М.: Русский путь, 2013. – 344 с.; Вып. 3. М.: Русский путь, 2014. – 304 с.; М.: Русский путь, 2015. – 296 с.; М.: Русский путь, 2016. – 376 с.

² «Один день Ивана Денисовича» А.И. Солженицына: Художественный мир. Поэтика. Контекст: Сборник научных статей. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003; «Красное Колесо» А.И. Солженицына: Художественный мир. Поэтика. Культурный контекст: Международный сборник научных трудов. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2005; Проза А. Солженицына 1990-х годов: Художественный мир. Поэтика. Культурный контекст: Международный сборник научных трудов / Отв. ред. А. В. Урманов. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2008; Малые жанровые формы в творчестве А. Солженицына: Художественный мир. Поэтика. Культурный контекст: Международный сборник научных трудов / Отв. ред. А.В. Урманов. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011 и др.

³ См.: Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина: Посвящается 95-летию со дня рождения А.И. Солженицына. Рязань: Редакционно-издательский центр РГУ имени С.А. Есенина, 2013. №3/40; Наследие А.И. Солженицына в современном культурное пространство России и зарубежья (к 95-летию со дня рождения писателя): сборник материалов Международной научно-практической конференции (16–17 декабря 2013 г.) / Отв. ред. А.А. Решетова. Рязань: Изд-во «Концепция», 2014.

⁴ А.И. Солженицын и русская культура: Межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. и сост. проф. А.И. Ванюков. Саратов: Изд-во Саратовского пед. ин-та, 1999; А.И. Солженицын и русская культура: Науч. докл. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2004; Герасимова Л.Е. Этюды о Солженицыне. Саратов: Новый ветер, 2007; А.И. Солженицын и русская культура: сборник научных трудов. Вып. 3 / Отв. ред. и сост. проф. Л.Е. Герасимова. Саратов: Изд. центр «Наука», 2009; *Алтынбаева Г.М.* Литературная критика А.И. Солженицына / под научн. ред. проф. Л.Е. Герасимовой. LAP LAMBERT, 2011; Литературоведение: К 95-летию А.И. Солженицына // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. 2014. Т. 14. Вып. 2. С. 22-119 и др.

⁵ *Сараскина Л.И.* Солженицын. М.: Молодая гвардия, 2008. – 935 с.; *Сараскина Л.И.* Солженицын. М.: Молодая гвардия, 2009. – 959 с.; *Урманов А.В.* Художественное мироздание Александра Солженицына: монография. М.: Русский путь, 2014. – 624 с.; *Щедрина Н.М.* «Красное колесо» А. Солженицына и русская историческая проза второй половины XX века. М.: Памятники исторической мысли, 2010. – 336 с.

произведений А.И. Солженицына и литературно-историческому контексту его творчества защищены докторские¹ и кандидатские² диссертации.

Из трудов последнего десятилетия необходимо специально отметить многолетний опыт работы А.В. Урманова, который воплотился в научный труд – «Художественное мироздание Александра Солженицына» (2014)³. В этой монографии поэтика Солженицына рассматривается как отдельный предмет исследования: исследуется эстетическая значимость различных художественных явлений; выделяются основные конструктивные принципы, объединяющие мироустройство писателя. Анализируя огромное количество разножанровых прозаических произведений и связанных с ними других материалов, ученый стремится постичь и составить целостное представление о творческой индивидуальности писателя.

В трудах М.М. Голубкова сформулированы общие творческие принципы Солженицына. Утверждая, что «предметом исследования А. Солженицына стал русский национальный характер в его разных личностно-индивидуальных проявлениях», ученый анализирует «процесс мучительной ломки национального

¹ Щедрина Н.М. Исторический роман в русской литературе последней трети XX века: Пути развития. Концепция личности. Поэтика: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 1995; Урманов А.В. Поэтика прозы А.И.Солженицына: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2001; Шешунова С.В. Национальный образ мира в русской литературе: П.И. Мельников-Печерский, И.С. Шмелев, А.И. Солженицын: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Дубна, 2006.

² Лавренов П.П. Проблемы русского национального характера в творчестве А.И. Солженицына: нравственно-философский аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1992; Белопольская Е.В. Роман А.И.Солженицына «В круге первом»: Проблематика и поэтика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1996; Кузьмин В.В. Рассказы А.И.Солженицына: Проблемы поэтики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1997; Прокопова Е.В. Сюжет и характер в художественной прозе А.И.Солженицына: На материале романа «В круге первом» и повести «Раковый корпус»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1998; Ким Ын Хи. Формы художественного повествования в «малой прозе» А.И.Солженицына: автореф. дис. ... канд. филол. М., 2000; Тыщук О.А. Эстетические функции пейзажа в художественной прозе А.И. Солженицына: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Армавир, 2006; Фатеев Д.Н. Фольклорные пространственные мотивы в прозе Л. Леонова («Русский лес») и А. Солженицына («Матренин двор»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006; Чуриков Г.А. Герой как объект насильственного воздействия и как субъект ценностного «самостояния» в творчестве А.И. Солженицына 1960-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2007; Алтынбаева Г.М. Литературная критика А.И. Солженицына: проблемы, жанры, стиль, образ автора: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2007; Гаркавенко О.В. Христианские мотивы в творчестве А.И. Солженицына: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2007; Ли Хси-мэй. Проблема личности в ранней прозе А.И. Солженицына: малые формы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008; Султанова А.М. Нравственно-философская проблематика романа А.И. Солженицына «В круге первом»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2008; Амджад Х.Ф. Субъектные и внесубъектные способы выражения авторской позиции в прозе А.И. Солженицына 1960 – первой половины 1970-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2013.

³ Урманов А.В. Художественное мироздание Александра Солженицына: моногр. М.: Русский путь, 2014.

сознания», особенности воплощения в эпических произведениях писателя русского характера «в процессе деформаций»¹.

В изучение наследия Солженицына фундаментальный вклад внесла Л.И. Сараскина. В ее монографии «Александр Солженицын» (2008)² представлены множественные ценные материалы, собранные в прижизненном периоде творчества писателя, в частности, документы из его личного архива писателя и записи, основанные на беседах с самим Солженицыным и близкими ему людьми. В монографии отмечены автобиографические сведения, отраженные в произведениях Солженицына, что предоставляет возможность подробно изучать вопрос о художественном воплощении жизненных перипетий художника.

Событием в науке стал серьезный исследовательский труд Н.М. Щедриной – ««Красное колесо» А. Солженицына и русская историческая проза второй половины XX века» (2010)³. В этой монографии акцентируется особое внимание на путях развития творческих замыслов писателя, на исторической концепции эпопеи «Красное колесо». В ней всесторонне рассматривается поэтика писателя через изучение исторически-социального аспекта: осмысляются философские, нравственные, этические и идейно-эстетические проблемы, отраженные в художественном мире писателя; анализируется взаимосвязь типологической организации художественного текста с цельностью мирозданческих представлений писателя; проясняется жанровое своеобразие романа-эпопеи, в частности, определяется особенность жанрового синтеза произведения. В целом значимость «Красного колеса» представлена в монографии на общем фоне развития литературного процесса, прослеживаются основные вопросы исторической прозы второй половины XX века.

Наследие Солженицына постоянно привлекает внимание зарубежных, в том числе китайских, читателей и исследователей. В Китае впервые его произведение было опубликовано в 1963 г., через год после выхода в СССР рассказа «Один день Ивана Денисовича» (1962). В поле зрения китайского литературоведения

¹ Голубков М.М. Русская литература XX века: После раскола. М., 2003. С. 245.

² Сараскина Л. И. Александр Солженицын. М.: Молодая гвардия, 2008.

³ Щедрина Н.М. «Красное колесо» А. Солженицына и русская историческая проза второй половины XX века. М.: Памятники исторической мысли, 2010. – 336 с.

творчество писателя вошло с середины 1970-х годов: история изучения творчества писателя в Китае, таким образом, продолжается уже более 40 лет. Однако, несмотря на наличие научных трудов, в т. ч. монографий, посвященных творчеству писателя, на сегодняшний день в Китае солженицыноведение как отрасль науки о литературе все же нуждается в активизации и расширении проблематики. В 2013 г. труд Л.И. Сараскиной «Александр Солженицын» (2008)¹ был переведен на китайский язык (переводчик – Жень Гуансюань)², и в настоящий момент остается единственной крупной монографией о личности и творческом пути А. Солженицына.

Большое количество исследований, однако, не означает, что изучение трудов Солженицына достаточно. Напротив, всё очевиднее становится, что основная работа по освоению богатого наследия писателя еще впереди. На это нацеливают и регулярные публикации издательством «Русский путь» новых материалов о жизни и творчестве писателя³, что стимулирует исследовательскую деятельность солженицыноведов.

Однако в работах, посвященных анализу художественного воплощения национальной специфики в прозе А.И. Солженицына, исследователи обращают внимание преимущественно на мировоззрение определенных типов героев, рассматривают эстетические функции отдельных образов и на этой основе анализируют нравственно-философскую, идеологическую и социально-историческую концепцию писателя в целом. Лишь в немногих случаях русское национальное начало рассматривается как один из основополагающих аспектов в изучении поэтики писателя. Только одна диссертационная работа⁴ посвящена исключительно проблеме национального характера в творчестве Солженицына.

¹ Сараскина Л.И. Александр Солженицын: моногр. М.: Молодая гвардия, 2008. – 935 с.

² 索尔仁尼琴传 / (俄罗斯) 萨拉斯金娜著; 任光宣译. 北京: 人民文学出版社, 2013年. – 1062页.

³ Между двумя юбилеями (1998–2003): Писатели, критики, литературоведы о творчестве А.И. Солженицына: Альманах / Сост. Н.А.Струве, В.А.Москвин. М.: Русский путь, 2005; Александр Солженицын: Изпод глыб: Рукописи, документы, фотографии: К 95-летию со дня рождения: [Выставка в ГМИИ им. А.С.Пушкина, 9 декабря 2013 – 9 февраля 2014] / Министерство культуры РФ; ГМИИ им. А.С.Пушкина; Архив А.И.Солженицына. М.: Русский путь, 2013. Жизнь и творчество Александра Солженицына: На пути к «Красному Колесу»: Сб. ст. / Сост. Л.И. Сараскина. М.: Русский путь, 2013.

⁴ Лавренов П.П. Проблемы русского национального характера в творчестве А.И. Солженицына: нравственно-философский аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1992.

Между тем со временем произведения писателя все более актуализируются и открывают новые перспективы для рассмотрения особенностей его художественного мира. В 2018 г. ожидается крупное юбилейное событие – 100 лет со дня рождения писателя. Без сомнения, это событие даст новый импульс процессу изучения творческого наследия художника. Наступило время обстоятельного переосмысления художественных ценностей, заложенных в произведениях писателя, в соответствии с новыми общемировыми вызовами. Это подчеркивает **актуальность** диссертационного исследования, в рамках которого проанализированы ранее не нашедшие должного внимания исследователей аспекты художественности, необходимые для понимания масштаба писательского зрения и интереса художника к русскому характеру, русской судьбе.

Материалом исследования послужили поэтические и прозаические произведения А.И. Солженицына 1950-60-х годов: поэма «Дороженька» (1947-1952), «Тюремно-лагерно-ссылные стихи» (1946-1953), рассказы «Один день Ивана Денисовича» (1961), «Матренин двор» (1961), «Правая кисть» (1960), «Случай на станции Кочетовка» (1962), «Для пользы дела» (1963), «Захар-Калита» (1966), «Как жаль» (1965), «Пасхальный крестный ход» (1966), цикл лирических миниатюр «Крохотки» (1958-1960), роман «В круге первом» (1955-1968), повесть «Раковый корпус» (1963-1966).

Объектом исследования стала авторская концепция русского характера, воплощенная в художественном слове А.И. Солженицына.

Предметом исследования являются особенности отражения русского национального характера в художественно-философской структуре поэзии и прозы А. Солженицына.

Цель работы – определить специфику создания русского национального характера в поэзии и прозе Солженицына 1950-1960-х годов через анализ его оригинальной системы художественной выразительности.

В настоящей диссертационной работе предстоит рассмотреть поэтику писателя в контексте русских национальных культурных традиций, понять логику творческих поисков писателя, попытаться постичь глубины его художественного

мироощущения и на этой основе расшифровать коды русской национальной идентичности.

Поставленная цель предполагает решение обусловленных ею **задач**:

- исследовать миропредставление и мировосприятие солженицынского человека в парадигме русской ментальности, мотивы его поведения, критерии писательской оценки;

- рассмотреть особенности изображения духовной жизни героев Солженицына в сложных социально-исторических условиях;

- выявить тематические связи лагерной поэзии с прозаическими произведениями писателя 1950-1960-х гг., определить характер и уровень автобиографизма;

- описать особенности стихосложения и стихотворной организации ранней поэзии писателя, проанализировать художественные приемы воплощения национального начала в его лирике;

- дать расширенное толкование семантики заглавий поэтических и прозаических произведений Солженицына обозначенного периода;

- выявить и охарактеризовать особенности хронотопа писателя и мотивной структуры его произведений;

- проанализировать поэтические средства писателя, в том числе рассмотреть стилистику, символические коды, колористическую особенность письма, исследовать художественные образы и детали, имеющие культурно-эстетическую значимость;

- изучить особенности авторской системы графических выделений.

Художественная ценность поэтических и прозаических произведений А.И. Солженицына 1950-1960-х гг. определяется в контексте широкого спектра русской литературы и общечеловеческого культурного наследия. Внимание акцентируется на поэтике и философской концепции писателя, рассматриваются стихотворные и прозаические произведения Солженицына, в которых проявляются черты уникального русского характера как цельное художественное явление.

Методологической и теоретической основой диссертации являются труды крупнейших русских философов, критиков, литературоведов, современных теоретиков и историков литературы. Осмыслены наблюдения и оценки наиболее известных русских солженицыноведов, работы филологов из других стран.

В диссертации учитываются и используются общетеоретические литературоведческие труды русских и зарубежных учёных: Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, П.Б. Вышеславцева, И.А. Ильина, Н.О. Лосского, В.С. Соловьёва, А.Ф. Лосева (философия национального характера); Р. Барта, М.М. Бахтина, А.Н. Веселовского, В.В. Виноградова, Д.С. Лихачева, Ю.М. Лотмана, Б.В. Томашевского, Е.В. Хализева, Б.О. Кормана (научные концепции в области теоретической и исторической поэтики); Г.Д. Гачева, В.В. Колесова, Ю.С. Степанова, Б.И. Бурсова (теории развития национальных культур и языков).

Работа выполнена в рамках программы ведущей научной школы Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина «Исследование русской литературы в национальном культурном контексте». Учен опыт кафедры русской и зарубежной литературы, журналистики ТГУ имени Г.Р. Державина в исследовании русской литературы XX века, в частности, работы с проблематикой поэтики русского характера¹.

В основу методологии исследования положен комплексный подход – историко-литературный принцип исследования, опирающийся на проблемно-тематический, структурно-поэтический, сравнительно-типологический, биографический, описательный и текстологический **методы и подходы**.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Творческая индивидуальность А.И. Солженицына складывалась и развивалась на основе наследования и продолжения традиций классической

¹ Желтова Н.Ю. Проза первой половины XX века: поэтика русского национального характера: монография. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2004; Полякова Л.В. "Господи, помилуй, как мучительно трудно быть русским": скифский сюжет русской литературы // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Вып. 7. С. 9-21; Она же. Голгофа русской литературы в ракурсе национальной антропологии // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки.. 2015. Вып.3. С. 342-364; Она же. Русская характерология в «малой прозе» А.И. Солженицына // Полякова Л.В. Русская литература: индивидуально-творческий колорит: монография. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. С. 528-542; Сорокина Н.В. «Тепло великого единства, сознание национального бессмертия...» (Военная тема в романе Л.М. Леонова «Русский лес») // Вестник Воронежского государственного университета. 2005. № 1. С. 35-43; Она же. Типология романистики Л.М. Леонова. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2006 и другие работы.

русской литературы. В произведениях писателя, отмеченных яркой национальной выразительностью, отражаются нравственно-философские представления русского человека о любви, добре и зле, истине и справедливости.

2. Внимание писателя к национальной идентичности в социально-культурном контексте на основе социально-исторических и автобиографических фактов обнаруживает христианско-православные корни мировоззрения русского человека, способствует выявлению самобытности русской ментальности.

3. Русский характер в поэзии и прозе А.И. Солженицына раннего периода творчества формируется под воздействием исторических событий, корректирующих поведенческие и душевно-нравственные черты русского человека. Образ России создается из художественных и публицистических решений писателя, поступков и поведения его героев, особенностей русской жизни, описаний русской природы, детализированного изображения быта.

4. «Тюремно-лагерно-ссылные стихи» А.И. Солженицына являются истоком многих тем, сюжетов, мотивов и композиционных решений прозаических произведений. Художественное воплощение русского характера, синтезировавшее на начальных этапах творчества писателя автобиографические и исторические реалии, формировалось с учетом опыта поэтического творчества.

5. Важной составляющей пространственно-временных характеристик творчества А.И. Солженицына является мотив дороги, что отчетливо запечатлено в названии раннего произведения – поэмы «Дороженька» и зримо реализовалось потом в эпиграфах, сюжетах, визуально-шрифтовой организации текстов и последовательности событий, выстроенных автором. Тема дороги раскрывает стиль мышления, особенности миропонимания и миромоделирования русского народа. В ней наглядно представлено художественное воплощение христианско-православного мотива пути искания, испытаний и покаяния героев.

Научная новизна работы. Становится все более очевидным, что поэтические произведения, созданные автором преимущественно в лагерный период его жизни, необходимо рассматривать как часть единого творческого процесса, как звено в цепи объемного и многогранного мира А.И. Солженицына –

художника, мыслителя, общественного деятеля, гражданина своего Отечества. Эти стихи во многом стали идейно-художественным истоком творчества писателя. В них рассматриваются мотивы, воплощенные в последующих произведениях Солженицына: рассказе «Один день Ивана Денисовича», романе «В круге первом», «Раковом корпусе», «Архипелаге ГУЛАГ», «Красном Колесе» и многих других его произведениях. Это обусловило одну из сторон научной новизны работы, которая определяется расширением возможностей для целостного представления о художественном мире писателя, исследованием поэтических и прозаических произведений писателя как единого целого творческого феномена воплощения русского национального характера. Обращение к исследованию национальной характерологии отвечает философским представлениям Солженицына, сформулированным им так: «Народные характеры <...> создаются наслоением опыта народной истории, традиций, обычаев, мировосприятия <...> С течением веков, а когда и десятилетий, он [национальный характер.– Б. Я.] меняется в зависимости от окружающей среды и питающего душу ландшафта, от происходящих с народом событий, от духа эпохи, особенно резкой в изломах. Менялся и русский характер»¹.

Теоретическая значимость диссертационного исследования обусловлена расширением категориальных понятий, связанных с поэтикой национального характера, уточнением структурно-тематических возможностей поэзии в художественном постижении национального мировосприятия. Работа построена на системном подходе к анализу образного воплощения русского национального характера в авторской концепции классика, что определяет значение диссертации для расшифровки кодов национальной идентичности в русском культурном контексте.

Практическое значение исследования определяется возможностью обращения к его материалам в лекционных курсах по творчеству А.И. Солженицына при изучении истории русской литературы XX века в вузе и школе. Материалы диссертации могут быть использованы и в научном

¹ Солженицын А.И. Россия в обвале. М.: Русский путь, 2006. С. 160, 166.

осмыслении творческого наследия писателя, в комментировании его произведений 1950-1960-х гг. Работа представляет интерес и для иностранной, прежде всего китайской, аудитории; она может быть использована при разработке методических рекомендаций по проблемам исследования этнопоэтики, вопросам национального своеобразия русского культурного наследия и таким образом содействовать совершенствованию переводческой деятельности.

Апробация результатов исследования. Основные положения работы и отдельные ее материалы обсуждались на заседаниях кафедры русской и зарубежной литературы, журналистики, на научных семинарах Международного научного центра изучения творческого наследия Е.И. Замятина Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина. По проблематике работы представлены доклады на международных, всероссийских и региональных научных конференциях: международная научно-практическая конференция «Наследие А.И. Солженицына в современном культурном пространстве России и зарубежья (к 95-летию со дня рождения писателя)» (Рязань, 2013); всероссийская студенческая научно-практическая конференция «Наследие А.И. Солженицына глазами молодых исследователей» (Рязань, 2014); российские XVIII, XIX «Державинские чтения» (Тамбов, 2013, 2014); международная научная конференция «Творчество Евгения Сверстюка в контексте украинской и мировой литературы» (Украина, Луцк, 2015); XX Пятиримвские духовно-образовательные чтения (Тамбов, 2015); VII, VIII Международная научная конференция «Славянский мир: духовные традиции и словесность» (Тамбов, 2016, 2017); международная научно-практическая конференция «Русская литература в иноязычном культурном пространстве: монолог, диалог, полилог» (III Конкинские чтения) (Саранск, 2016); международный научный форум «Родное и вселенское: отечественная литературно-философская мысль, проблемы национальной идентичности, судьбы русского языка и культуры» (Ульяновск, 2016).

По тематике диссертации опубликовано 12 статей, из них 3 – в изданиях из списка ВАК Министерства образования и науки РФ. Общий объем опубликованных работ – 5,4 п. л.

Структура диссертации включает Введение, две главы («Россия и русский человек в поэзии А.И. Солженицына», «Художественное воплощение русского национального характера в ранней прозе А.И. Солженицына»), Заключение. Прилагается список использованной литературы, включающий 235 источников.

ГЛАВА 1.

РОССИЯ И РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК В ПОЭЗИИ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА

Ранние стихотворные опыты А.И. Солженицына 1940-1950-х годов пока не вошли в активный читательский и исследовательский оборот, что связано с трудной судьбой их написания и опубликования. Между тем целостную картину наследия Солженицына без этой части его творчества уже невозможно представить.

В настоящее время имеется электронный общедоступный вариант поэтических произведений А.И. Солженицын¹. Есть и аудиозаписи, воспроизводящие авторское чтение стихов². Однако стихи не входят в абсолютное большинство собраний сочинений писателя. Только несколько работ на сегодняшний день посвящены рассмотрению различных аспектов стихотворной деятельности писателя³. Систематический анализ поэзии А.И. Солженицына лагерных времен только начинается.

Сам писатель высоко оценивал значение лагерных произведений, ибо они дали ему душевную поддержку, чтобы достойно выстоять в тяжелых условиях. В прозаическом «Пословии» поэмы автор метафорично сравнил «Дороженьку» с деревом, родившимся на скалах в негодной почве, однако, удивительным образом, чудом выжившим. В этом сравнении раскрылась многострадальная судьба всех произведений Солженицына 1950-60-х гг.

Поэзия занимает особое место в творчестве А.И. Солженицына. История создания и публикации стихотворных текстов писателя драматична. Поэма

¹ См.: официальный сайт А.И. Солженицына: <http://www.solzhenitsyn.ru/proizvedeniya/rannee/> [электронный ресурс]. (дата обращения: 30.04.2017).

² См.: Звучащая литература. CD-обозрение Павла Крючкова. Голос Солженицына // Новый мир. 2008. № 12.

³ См., например: *Гаркавенко О.В.* Мотив покаяния в поэме А.И. Солженицына «Дороженька» // Филологические этюды. Саратов, 2001. Вып. 4. С. 106-109; *Немзер А.С.* В Начале: изданы ранние сочинения Александра Солженицына [Электронный ресурс] // Время новостей. 2004. № 206. URL: http://www.ruthenia.ru/nemzer/isaich_rannij.html (дата обращения: 9. 09. 2016); *Васюточкин Г.С.* «Дороженька» Александра Солженицына [Электронный ресурс] // На перевале тысячелетий: страницы публицистики. СПб.: Изд-во Александра Сазанова, 2011. С. 356-363. URL: http://www.solzhenitsyn.ru/o_tvorchestve/articles/works/index.php?ELEMENT_ID=1476 (дата обращения: 9. 09. 2016); *Николсон М.* «Да где ж ты была, Дороженька?» Жанровые поиски Солженицына в 40–50-е годы // Путь Солженицына в контексте большого времени: сб. памяти: 1918-2008. М.: Русский путь, 2009. С. 256-264.

«Дороженька» написана в 1947-1952 годах во время пребывания автора в тюрьме и лагере, в это же время созданы почти все лагерные стихи. Подробная хронология написания стихотворений (с точностью до месяца, а иногда и дня) и их публикации воспроизведена Л.И. Сараскиной¹. Первое стихотворение «Воспоминание о Бутырской тюрьме» написано (устно, в памяти) 6 ноября 1946 года. За ним последовала серия стихотворных произведений. Осенью того же года написана «Мечта арестанта», в течение 1947 года – «Через две решетки», «Ванька-встанька», «Романс», начата поэма «Дороженька». В 1948-1952 годах созданы стихотворения «Когда я горестно листаю...», «Отсюда не возвращаются», «Отречение», «С верхней полки столыпинского вагона», «Каменщик», «Хлебные четки», «Право узника», «Седьмая весна», «Россия?», «Прощание с каторгой» и другие. «Лагерные стихи, – отмечает Л.И. Сараскина, – начатые в 46-м, высвободили замерший, онемевший дар, стихия сочинительства дала силы преодолеть кризис надвигающегося одиночества»². Рифмованные строки сохранили многие чувства и ощущения автора.

Автобиографической эпопеей называет «Дороженьку» Ж. Нива, восстанавливая особенности написания (а, точнее, сочинения в уме и запоминания) поэмы с помощью палочек, которые писатель «чертит карандашом на бумаге, а на пересылке и потом в Экибастузе начнет использовать для этого четки: палочкой, а потом бусинкой четок отмечалась каждая десятая строка, каждую десятую Александр Исаевич помнил твердо, и если на бусинку попадала другая строка – он знал, что ошибся, и повторял заново последние десять, ища пропавшую строку»³.

С мая 1953 года Солженицын «начинает вынимать» тексты «Дороженьки» из памяти и записывать их⁴. В декабре 1961 года писатель передает лагерные стихи А.Т. Твардовскому.

Впервые «Дороженька» и «Лагерные стихи» вместе с неоконченной

¹ Сараскина Л.И. Александр Солженицын. М.: Молодая гвардия, 2009. – 959 с.

² Сараскина Л.И. Александр Солженицын. М.: Молодая гвардия, 2009. С. 340.

³ Нива Ж. Александр Солженицын: Борец и писатель / Пер. с франц. В.А. Петрова в сотрудничестве с автором. СПб.: Вита Нова, 2014. С. 23

⁴ Сараскина Л.И. Александр Солженицын. М.: Молодая гвардия, 2009. С. 933.

повестью «Люби революцию» и очерком «Протеревши глаза» были напечатаны в сборнике «Протеревши глаза» (1999)¹. Сам автор придавал особое значение долгожданной печатной публикации. В сборнике он кратко рассказал читателям о непростой судьбе собственных творений: «Они [лагерные произведения. – Б. Я.] тихо, неназойливо пролежали 45 лет. Теперь, когда мне за 80, я счел, что время их и напечатать»².

Жанр поэмы «Дороженька» автор определил как «повесть в стихах». В ней содержатся «Зарождение», «Вступление», 11 глав основного содержания: «Мальчики с луны», «Медовый месяц», «Серебряные орехи», «Ту, кого всего сильней», «Беседь», «Ванька», «Семь пар нечистых», «Как это ткётся», «Прусские ночи», «И тебе, болван Тмутараканский!», «Дым Отечества» – и «Пословие». Объем стихотворного текста поэмы составляет более семи тысяч строк. В произведении затронуты события русской истории больше чем двадцатилетней протяженности, в стихи «вместились годы позднего нэпа, начало, середина и конец тридцатых, война, победа и первое послевоенное время...»³. Несомненно, что содержание «Дороженьки» является насыщенным, наполненным огромным количеством автобиографических сюжетов и исторических явлений.

1.1. Образ России в цикле «Тюремные-лагерные-ссылные стихи»

Сборник «Тюремные-лагерные-ссылные стихи» А.И. Солженицына во многом стал идейно-художественным истоком творчества писателя. Авторские раздумья о судьбе России пронизывают все стихотворения цикла. В размышлениях лирического героя воссоздаются русская природа, история, быт и бытие русского народа, духовно-нравственные основы национального характера. Раскрытие многогранного образа России подчинен богатый писательский арсенал поэтических средств.

¹ Солженицын А.И. Протеревши глаза. М.: Наш дом–L'Age d'Homme, 1999. – 368 с.

² Там же. С. 3.

³ Васюточкин Г.С. «Дороженька» Александра Солженицына [Электронный ресурс] // На перевале тысячелетий: страницы публицистики. СПб.: Изд-во Александра Сазанова, 2011. С. 356. URL: http://www.solzhenitsyn.ru/o_tvorchestve/articles/works/index.php?ELEMENT_ID=1476 (дата обращения: 9.09.2016).

Для А.И. Солженицына тема России и русского человека является самой важной и неисчерпаемой. Писатель уделил большое внимание чертам русского характера и анализу формирования самосознания русского народа. Именно поэтому русскость красной нитью пронизывает все произведения писателя. Она отчетливо проявляется в ранних прозаических и поэтических произведениях. Рассмотрим в данном ракурсе «Тюремные-лагерные-ссылные стихи» А.И. Солженицына, созданные писателем в 1940-1950-х годах.

В лагерных стихах А.И. Солженицына русский характер проявляется во многих вариативных понятиях, которые непосредственно связаны с художественным образом России. Это природа России, быт России, судьба России, русский народ и русские интеллигенты. И по происхождению все упомянутые понятия, так или иначе, связаны с понятиями «Русь, Россия, русские, россияне»¹. Для писателя образ России – образ, насыщенный многими уточняющими, дополняющими образами, возникшими из русской жизни, в них рассматриваются внутренние качества русских людей. Образ России представляет совокупность факторов русской жизни. В таком аспекте постараемся раскрыть художественную ценность стихотворения под названием «Россия?»².

Стихотворение «Россия?» написано автором в 1952 г. в Экибастузском лагере. Произведение, состоящее из 18 четверостиший, 72 строк, является самым длинным по объему среди всех 28 лагерных стихотворений сборника.

В заглавии «Россия?» писателем поставлен вопрос. С первого взгляда, слово *Россия* с вопросительным знаком подразумевает объяснение причины, почему возник вопрос. Прочитав до конца стихотворение, становится ясно, что название – риторический вопрос, в котором просматривается и сожаление, и переживание лирического героя о трагическом состоянии нынешней России. И использованный знак препинания в очередной раз позволяет читателям осмыслить, какая именно Россия предстает перед их глазами и глазами лирического героя.

В стихотворении «Россия?» лирический герой является человеком,

¹ Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2004. С. 154.

² Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Время, 2016. Т. 18. Раннее. С. 235-237.

искренно ищущим идеальную Россию. Однако представление героя о России разделилось на две противоположные части. С одной стороны, это идеальный образ России, который был создан классической русской литературой; с другой стороны, это нынешняя Россия, в которой живут герой и его современники.

По мнению автобиографического героя, настоящая, идеальная Россия – это божественная страна, в которой распоряжается народная мудрость, воспитанная веками. Мудрость, наследуемая из старинной Руси от предков и передаваемая из поколения в поколение, является квинтэссенцией ежедневной народной жизни: «Есть много России в России, / В России несхожих России. / Мы ó-слово-словом красивым, / Как кремешками кресим ...»¹. Россия предстает святой многоликой страной, богатой неопикуемой красотой. Герой восхищается Россией, это Россия с восклицательным знаком; обильные эмоции и восторг героя воплощены в одном слове – «Россия!»². Это страна до революции, до блоковских строк о революции. Упоминание «блоковские лики»³ довольно символично. Оно разделило состояние России до и после революции, поскольку у А. Блока сложилось весьма сложное отношение к революции; творческий путь, общественная деятельность, личная жизнь поэта, так или иначе, искажены под влиянием социальных перемен.

Для лирического героя и писателя Россия, в первую очередь, – это русские люди. Герой ищет Россию через своих «соплеменников» и «одноземцев»⁴. Однако настойчивый поиск героя закончился полным разочарованием: «Среди соплеменников диких / России я не нахожу...»⁵. Герой, бывший зэк, страдающий на пересыльных этапах, все еще отчетливо помнит и ценит прежние выдающиеся качества русских людей. Он является одним из немногочисленных настоящих русских: «Я – с подлинным русским. Но что же / Так мало я их нахожу?...»⁶. С недоумением герой старается прояснить, прежде всего, для себя: какие русские люди существуют в нынешней России? И ему важно узнавать праоснову настоящих русских людей: «Так еле заметно их проткань / Российскую теплит

¹ Там же. С. 235.

² Там же. С. 235.

³ Там же. С. 235.

⁴ Там же. С. 235.

⁵ Там же. С. 235.

⁶ Там же. С. 235.

ткань»¹. Слово «проткань» – из авторского словарного запаса, оно акцентирует внимание на первоначальном качестве русских людей, которые определяются в большей степени внутренним достоинством, нежели внешним. Это качество является устойчивым и мало изменившимся со временем.

Как заключенный, сознающий «Что даже порой за решёткой / Вершит и ликует рвань»², лирический герой, напротив, любит и очень высоко ценит некоторых каторжан как настоящих русских людей, которые теперь высылаются в неприятные края по всей России: «Но так полюбил их, что ложно / Собрал промелькнувших враздробь, / Торивших свой путь непроложный / На Вымь, Индигирку и Обь...»³. И здесь неслучайно введены знакомые названия мест, которые позже появятся в «Архипелаге ГУЛАГ», а характеры разных интеллигентов – в романе «В круге первом». Восприятие героем бывших каторжан как своих единомышленников заставляет читателей задуматься: неужели настоящие русские люди есть только в глуши страны? И сам герой усердно ищет ответ на вопрос: «О, где ты, Россия моя?»⁴.

В последующих десяти строфах герой-писатель уделил большое внимание русскому быту, в котором старается прояснить, что такое настоящий русский характер, какими качествами обладают подлинные русские люди и далека ли нынешняя Россия от идеальной страны. Можно сказать, до восьмой строфы авторский замысел концентрировался на поиске настоящего образа России. Начиная с восьмой строфы, картины русской жизни конкретизируются на бытовом уровне и бытийных понятиях.

В стихотворении «Россия?», являющемся программным в художественной галерее А.И. Солженицына, писателем определяются ценностные ориентиры русского народа. Прежде всего, автор назвал положительные качества в ментальности русских людей: «Россия людей прямодушных, / Горячих, смешных чудаков, / Россия порогов радушных, Россия широких столов»⁵. Эти качества

¹ Там же. С. 235.

² Там же. С. 235.

³ Там же. С. 235.

⁴ Там же. С. 236.

⁵ Там же. С. 236.

традиционно олицетворяют богатую русскую душу. С другой стороны, с помощью использования отрицательной частицы *не (нет)* писатель выражает негативное отношение к неразумному поведению современных русских людей по отношению к соотечественникам. Задаваемые вопросы превращаются в риторические, а отрицание переходит в утверждение. Автор кратко представляет отношения, которые должны быть между русскими людьми, подчеркивает, что самоуважение, взаимное уважение и равноправие должны быть необходимыми ментальными составляющими народной жизни:

«Где пусть *не* добром за лихо,
Но платят добром за добро,
Где робких, податливых, тихих
Не топчет людское юро?

Где *нет* азиатской опеки
За волосы к небесам?
Где чтит человек в человеке
Не худшего, чем он сам?

Где в драке и гневный *не* станет
Лежачего добивать?
Где вспомнят *не* только при брани,
Что есть у каждого мать?

Где рабство *не* стало потребой
Угодливых искренно душ,
Где смертных *не* вносят на небо,
Где смелых *не* ломают вкрушь?

Где, если *не* верят в Бога,
То пошло над ним *не* трунят?
Где, в дом заходя, с порога
Чужой почитают обряд?

Где поживших предков опыт
Не кроет презренья пыльца?
Где цветен, оперен и тёпел
Играющий вспорх словца?»¹
[курсив мой. – Б. Я.]

Для писателя образ России неотъемлем от образа русской матери, от православного верования, от многонационального народа и его обрядов, от русской природы, русского языка и литературы. И каждый из перечисленных факторов формирует общее представление о русском характере, и, с другой стороны, дает уникальную возможность постижения сущности русской ментальности.

Писатель уделил внимание народной жизни в СССР. Учитывая политический ракурс, читатели увидели изначально негативное отношение к советской власти. С сарказмом писатель намекает Сталину и его соратникам на злую волю как источник трагедии, которую принесет советским людям

¹ Там же. С. 236.

отсутствие свободного размышления и здравомыслия: «Где, зная и что у нас плохо, / И что у нас хорошо, / Не ломаются в спор до издоха, / Что наше одно гожо»¹. Жизнь советских людей порой является бесправной, поэтому герой требует справедливости ради народа; однако, с горестью и с иронией герой признал, что «...народное дело / С помоями смыл в лохань»². Сатирический прием усиливается курсивом.

По мнению героя, сложившаяся тоталитарная государственная система подобна монголо-татарскому игу, поскольку тяготеет над русскими людьми и угрожает ликвидацией духовного верования и высокой нравственности: «Татарщин родимые пятна / И красной советчины гнусь / На всех нас! Во всех нас! Треклятна / Не стала б для мира – Русь!»³. Восклицание героя выражает сожаление и переживание о судьбе России, а также призыв соотечественникам к изменению пути развития страны.

В последней строфе автор дал ответ на вопрос, содержащийся в заглавии произведения «Россия?»: «Единственная Россия, / Неслышимая пока!..»⁴. Таким образом, лирический герой закончил свой поиск настоящей России – поиск страны, в которой должны быть достойные жизненные условия для народа в материальном, нравственном и духовном планах. Образ России в последней строфе является образом немощной и больной страны, что резко контрастирует с образом России в первой строфе стихотворения.

Для писателя и его автобиографических героев Россия – это Родина, гостеприимное, дорогое место. Несмотря на то, что под пером А.И. Солженицына Россия предстает многострадальной страной, писатель всегда обращался к ней на «ты», как к родному и близкому существу. Писатель всегда волновался о судьбе России; несмотря на разочарование в нынешнем состоянии России, он очень надеялся на ее спасение и подъем в будущее.

Как правило, в стихотворениях А.И. Солженицына, посвященных теме России, очень часто в заключительных частях проявляются волнение и надежда

¹ Там же. С. 237.

² Там же. С. 237.

³ Там же. С. 237.

⁴ Там же. С. 237.

писателя. С одной стороны, в соответствии с традиционной структурой поэтических произведений, чаще всего в последних строфах наблюдается эмоциональный подъем лирического героя. С другой стороны, в них часто подчеркивается центральная идея и лейтмотив творчества.

Проанализировав случаи подобных концовок в лагерных стихах А.И. Солженицына, попробуем с точки зрения поэта воссоздать образ России. Например, в «Воспоминании о Бутырской тюрьме» в финальной строфе читаем: «Неприятная Русь! Что ты знаешь? Быть может, / Этой самой закланною молодёжью / Ты когда-нибудь спасена?»¹. В «Романсе» увидим в последних двух строках «В тебе, погиблая девчѐнка, / Судьбу России я любил...»². И в «Праве узника» – в заключительном предложении: «И тогда лишь всплывѐт над усталой страной / Долгожданное Солнце России»³.

Один из ярких образов лагерных произведений, символизирующих мученичество, – терновый венец. Он олицетворяет не только мучения лирических героев, но и страдания русских людей и России. В лагерных стихотворениях четыре раза появляется образ тернового венца, лишь в «Отречении» герой сравнил свое мучение с другим символом: «Сердце ленточкой не обернуть, как ларец»⁴; написанные строки посвящены личному несчастью героя. А в стихотворениях «Романс» и «Отсюда не возвращается» увидим, в большей степени, несчастье России. В строках «Романса» узнаем героиню как женщину, способную к самопожертвованию, утратившую юность, женщину щедрую, однако, много страдающую. У героини «... тень от провол'ки колючей / Терновым венчиком на лбу»⁵, что символизирует ее непростую жизненную долю. И образ героини является святым; ее судьба символизирует судьбу России. А в стихотворении «Отсюда не возвращается» в строчках: «Мне к лицу нейдѐт веночек терновый –/ Оплетѐн железным тѐрном целый материк!»⁶ – видна роковая участь страны, поражающие масштабом страдания России. И в заключительном

¹ Там же. С. 216.

² Там же. С. 221.

³ Там же. С. 231.

⁴ Там же. С. 226.

⁵ Там же. С. 220.

⁶ Там же. С. 224.

стихотворении лагерного цикла лирический герой соотносит смерть с возвышенным чувством; стоя на краю жизни, он видит «Россию до ледяных венцов»¹. Нисколько не волнуясь, герой спокойно воспринимает смерть как вершину жизни; однако, прощаясь с Россией, сожалеет, что «Больше не видеть тебя мне распятой, / Больше не звать Воскресенья тебе»².

В лагерных стихах Солженицына Россия выступает многострадальной страной. Однако у России живучая и неисчерпаемая сила, которая получена от русской природы. И именно в русской природе воспитывается русская душа, широкая и непобедимая; в ней содержится сила успокоения и очищения. Для Солженицына природа является источником тишины и вдохновения; она помогает достичь душевного равновесия и внутреннего просветления. Именно в природе существует начало ясного разума, которое позволяет философствовать даже в несчастье. Поэтому во многих лагерных стихах просматривается стремление героя к природе. Например, в стихотворении «Мечта арестанта», написанном автором осенью 1946 г.:

«
<...>

Мне – бродить бы сейчас по степи
И встречать восход в овсах.

Мне – в Алтай бы!

<...>

Я грущу по коровьему пенью,
По оскалу улыбки коня.

Отличать бы от вяза – ясень,
От чижа и синицы – щегла,
Знать повадки леща, карася,
Знать приметы дождя, тепла.

Мне б – избёнку пониже. Нисколько
Не взмучая счастливую тьму,
Я б учил ребятишек, но только
Арифметике и письму»³.

В стихотворении природа выступает как спасительница души; она дает надежду зэку в страдании, согревает мысли лирического героя. Писатель-герой скучает по природе, скучает по свободе, свойственной русской природе, что созвучно с его внутренней потребностью. Обладание такой свободой для героя означает усиление чувства собственного достоинства; а отсутствие ее означает

¹ Там же. С. 250.

² Там же. С. 250.

³ Там же. С. 217.

мучение, прежде всего, душевное, а не физическое.

В «Седьмой весне» лирический герой тоскует о своей прошедшей юности в бесконечном лагерном сроке: «Шесть кряду лет – тоска весны и злая, / <...> / Моя тюремная весна седьмая, как бестревожна ты и как чужа»¹. Лагерная весна жестока тем, что воспоминание о природных пейзажах уже не пробудит у героя надежды к свободе; и услышав «Крик журавлей уже не будит боли, / И не следит за их цепочкой взгляд»². Остывшая боль и окаменевшее чувство героя означает глубокое отчаяние перед судьбой и бессилие перед несправедливостью и отсутствием свободы в сталинской системе. Подобная тоска лирического героя также видна в описании природных картин в стихотворении «С верхней полки «Вагон-зака»»³.

В другом лагерном стихотворении читаем: «Что-то стали фронтовые вёсны / Навещать меня, живые, как вчера... / Лица чистые, задумчивые сосны, / Русское протяжное «ура!»»⁴. В этих строках природа – одушевленная; она участвует в жизни, в социальных событиях русских людей. Природа, размышляющая о русской жизни, олицетворяет больше, чем просто пассивного свидетеля, поскольку природа вдохновляет героя на умственное озарение.

Природа побуждает героя прислушиваться к своей внутренней мысли. Сила природы противопоставлена людскому безумию; в природе порой ощущается тихая радость, которая редко бывает в тюрьме. В стихотворении «Вечерний снег», написанном автором в 1949 г. в спецтюрьме Марфино, вечерний снег является божественным природным явлением, которое освежает юные ощущения лирического героя и его память о дружбе.

Для А.И. Солженицына природа предстает священной силой, в которой содержится исконная мудрость, данная свыше. Эта сила дает автору-герою духовную поддержку в самые трудные времена. И в «Возвращении к звёздам» наблюдаем подобную мысль: «Над тьмью тупого, жестокого века / Какою надеждой вы блещете мне – / Кипяще, немислимо белая Вега / И факел Юпитера

¹ Там же. С. 233.

² Там же. С. 233.

³ Там же. С. 228.

⁴ Там же. С. 232.

в Божьем огне!»¹.

Кроме природы, в произведениях Солженицына образ России тесно связан с русскими людьми. Образ народа, образ русского человека обогащают ракурсы полноценной картины русской жизни и дополняют образ России.

А.И. Солженицын уделил большое внимание теме интеллигенции. Для него настоящие русские интеллигенты должны, прежде всего, иметь духовный стержень. В статье «Образованщина» писатель подробно проанализировал качества русских интеллигентов. Цитируя «Вехи», писатель поддержал мнение Н.А. Бердяева об интеллигенции как совокупности духовно-избранных людей страны². Интересно, что именно такой критерий возник сорок лет назад в лагерных стихотворениях, где среди русских интеллигентов Солженицын рисовал образы писателей как духовной элиты, как представителей интеллигенции, мучительно следящих за судьбой и развитием России. В стихотворении «Триумвирам» автор-лирический герой осмысляет свою ответственность; герой трезво реагирует на суждения о своих произведениях, он хотел бы, «Чтоб вызрел плод поэта / Не к ненависти – к добру»³.

В другом стихотворении автор-герой с горечью обращается и к русским классическим поэтам: «Поэты русские! Я с болью одинокой, / В тоске затравленной перебираю вас!»⁴, – и к современным российским поэтам: «Чума на нас, российские поэты!»⁵. Произведение напоминает о гибели Пушкина и Лермонтова, о многочисленных интеллигентах, ставших жертвами политических заговоров. Герой не боится собственной гибели, а болеет душой за бессмысленно пострадавших людей. Для героя русские поэты представляют душевную опору в тяжелом состоянии. И у него в руках эстафетная палочка от русских поэтов; вспоминая их, он испытывает чувство ответственности перед Россией.

Однако у Солженицына присутствует и совсем иная оценка некоторых советских писателей. В «Напутствии» читаем: «Мне э т а только мысль

¹ Там же. С. 241.

² Солженицын А.И. Образованщина // Новый мир. 1991. № 5. С. 28-46.

³ Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Время, 2016. Т. 18. Раннее. С. 241.

⁴ Там же. С. 247.

⁵ Там же. С. 247.

невыносима / Под скоморошьи бубны эС-эС-Пэ, / Что миру целому привидится
Россия / Бездарная, безвкусная, вглупе»¹ [ССП – Союз советских писателей. –
Б. Я.]. Отличающиеся, по мнению А.И. Солженицына, от настоящих русских
интеллигентов писатели из ССП подчиняются советской идеологии. Врядку
написано слово э т о, что подчеркивает презрительное отношение к пропаганде
советской власти. И с помощью звукописи писатель старается раскрыть главную
причину творческого безвкусыя советских писателей, которая является
следствием замкнутости и отсутствия свободного мышления.

В лагерных стихах А.И. Солженицына много раз упоминаются имена
русских прозаиков и поэтов, таких как Пушкин, Достоевский, Толстой, Гоголь,
Есенин и многие другие. Каждое писательское имя реализует конкретные
художественные задачи в произведении. Однако, когда эти имена
воспринимаются как совокупность русских писателей, тогда они, прежде всего,
предстают как духовная элита общества, как выдающиеся личности. И в их
творчестве просматривается содержание, соответствующее эстетическим и
этическим нормам русских людей. Например, в «Трех невестах», перечисляя
имена поэтов, писатель старается описать красоту героинь: «Так милы мне были
три головки русые, – / Блока белокрылого, Есенина смятенного, / Бунина
закатного, обдуманного Брюсова, – / <...> / Отцедил смолы янтарной Тютчева, /
Брызнул зелья чёрного Ахматовой»². Три девушки – три учительницы из
провинции, умелые рукодельницы. Их красота, прежде всего, является духовной –
это красота с высокой нравственностью.

Для уточнения отношения автора к советской власти необходимо еще раз
обратить внимание на образ Сталина и сюжеты о народных делах. Например, в
лагерном стихотворении «Пятое марта», написанном сразу после смерти Сталина
в 1953 г., писатель открыто выразил ненависть к Сталину. Эта ненависть является
не только собственной ненавистью героя-писателя, а выражает сильнейшее
недовольство всех слоев общества. Наконец-то герой дождался оправдания своей

¹ Там же. С. 249.

² Там же. С. 244.

невиновности. Для героя резкое отрицание в огромном масштабе из народа, отрицание в адрес Сталина, в адрес его ожесточения и безумия в народных делах – это некое явление, воодушевляющее человеческие души. Поэтому герой воспринял смерть Сталина как праздник, который означает освобождение. И в праздновании смерти Сталина прослеживается некий полифонизм, которым является народное многоголосие.

Образ Сталина ассоциируется со своевольным тираном, который из-за невежественности безгранично предавался узкому эгоизму в противовес народным интересам. Позже в своих произведениях писатель называл Сталина «Пахан», а в стихотворении автор-герой смело выразил свои эмоции: «Упрямый бес! <...> ушел от русской мести, / Перехитрил ты нас, кацо!»¹. В дате смерти Сталина время зафиксировано православным календарем, в строках прочитывается иронический оттенок: «Ты проскочил и первомартовские царские календы, / И не дожил до цезаревских мартовских же *ид!*»². Такими способами писатель повторно подчеркивал значение дня смерти Сталина как очень важной даты для России и русского народа.

Подобный ракурс оценки личности Сталина также просматривается в романе «В круге первом». В нем писателем создан яркий художественный образ советского вождя. В то же время во всех рассказах 1950-60-ых годов, таких как «Правая кисть», «Случай на станции Кочетовка», «Для пользы дела», «Захар-Калита», «Как жаль», рассматриваемая тема так или иначе связана с народными делами. В этих рассказах художественная задача Солженицына лежит именно в плоскости рассмотрения фундамента народной идеи.

Вернемся к разговору о «вещи в бытовом и бытийном измерениях»³. В стихотворении «Ванька-встанька», отражающем, как и многие другие, биографические моменты судьбы Солженицына, герой сравнивается с неваляшкой, которая, несмотря ни на какие препятствия, поднималась снова и снова. С одной стороны, раскачивание ваньки-встаньки символизирует весьма

¹ Там же. С. 240.

² Там же. С. 240.

³ Урманов А.В. Глава 3. Вещь в бытовом и бытийном измерениях // Художественное мироздание Александра Солженицына: монография. М.: Русский путь, 2014. С.99-168.

сложные перипетии судьбы писателя; с другой стороны, образ неваляшки является оптимистическим, он является символом некой непобедимой силы. В «Ваньке-встаньке» раскрывается не только судьба писателя, но и утверждается стойкость русского народа. Мы узнаем о раннем воспитании русских детей, и представляем позже сформированное миропредставление русских людей. Русский народ, вопреки многочисленным трагическим событиям национальной истории, остается мужественным, непреклонным, способным перенести тяжелые испытания, удары судьбы и вновь стать твердым, устойчивым.

В заключительных строках автор-герой задал вопрос: «К т о ж мне душу такую сделал, / Что опять я могу смеяться?»¹. Поиски писателем ответа на вопрос «К т о?» прошли долгий путь. В юности Солженицын искренно верил в марксизм-ленинизм. И только в лагере, в период официального атеизма в стране, писатель начал переосмысливать вопрос, связанный с религиозной темой. Во многих лагерных стихотворениях Солженицына рассматривается духовное приближение к православному верованию. Заимствуя понятие из церковной гимнографии, в 1952 г. в Экибастузском лагере писатель создал благодарственное пение – «Акафист». В заключительных строках «Акафиста» лирический герой благодарно восклицал: «Бог Вселенной! Я снова верую! / И с отрекшимся был Ты со мной...»².

В благословении и молитве А.И. Солженицына также создается образ России и воплощается миропонимание русских людей. В 1960-ых годах писатель в «Крохотках» написал «Молитву» (1963). Это молитва о благодати Господа. Лирический герой благодарен Божией силе, которая просветляет его путь. И эта сила является источником всех добрых сил, которая бесконечно дает ему надежду. И для писателя православная вера важна тем, что она просвещает каждую человеческую душу:

«Как легко мне жить с Тобой, Господи!
Как легко мне верить в Тебя!
Когда расступается в недоумении

¹ Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Время, 2016. Т. 18. Раннее. С. 219.

² Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 1. Рассказы и крохотки. М.: Время, 2006. С. 554.

или сникает ум мой,
 когда умнейшие люди
 не видят дальше сегодняшнего вечера
 и не знают, что надо делать завтра, –
 Ты снисылаешь мне ясную уверенность,
 что Ты есть
 и что Ты позаботишься,
 чтобы не все пути добра были закрыты.
На хребте славы земной
 я с удивлением оглядываюсь на тот путь
 через безнадёжность – сюда,
 откуда и я смог послать человечеству
 отблеск лучей Твоих.
 И сколько надо будет,
 чтобы я их ещё отразил, –
 Ты дашь мне.
 А сколько не успею –
 значит, Ты определил это другим»¹ [курсив мой. – Б. Я.]

Примечательно, что «Молитва» была написана ровно через год после опубликования «Одного дня Ивана Денисовича». Как свидетельствовал сам А.И. Солженицын, он был *на хребте славы земной*: «... моё имя уже было известно по всему миру, а в Советском Союзе усилилась травля и давление на меня. И, во весь этот период чувствуя всегда, молясь и чувствуя духовную поддержку, выше, чем от наших человеческих сил, я написал эту молитву, оценивая разные варианты, что может теперь со мной произойти»².

Под общим влиянием советской литературы «Молитва» А.И. Солженицына «менее всего относилась к перспективам получения Ленинской премии»³, однако, спустя 20 лет весной 1983 г. Солженицын был удостоен Темплтоновской премии («Templeton Prize for Progress Toward Research or Discoveries about Spiritual Realities»), которая является крупнейшей в мире наградой за прогресс в исследованиях духовности. Эта религиозная премия присуждается людям, «имеющим особые заслуги в укреплении духа перед лицом нравственного кризиса в мире», и впервые ее удостоивался кандидат православного вероисповедания. Премияльная формула не могла не вдохновлять: слово

¹ Там же. С. 571.

² Сараскина Л.И. Солженицын. М.: Молодая гвардия, 2009. С. 520-521.

³ Там же. С. 521.

Солженицына «доказывает жизненность православной духовной традиции в России» (основанием для присуждения послужили «Архипелаг ГУЛАГ» и «Молитва»)¹.

В 1990-х годах после возвращения на Родину А.И. Солженицын вновь продолжил писать «Крохотки»: «Только вернувшись в Россию, я оказался способным снова их писать, там не мог»². И спустя 40 лет, в зрелом творческом периоде Солженицын снова сочинил молитву – «Молитву о России»:

«Отче наш Всемилостивый!
 Россиюшку Твою многострадную
 не покинь в ошеломлении нынешнем,
 в её израненности, обнищании
 и в смутности духа!
 Господи Вседержитель!
 Не дай ей, не дай пресечься:
 не стать больше быть.
 Сколько прямодушных сердец
 и сколько талантов
 Ты поселил в русских людях.
 Не дай им загинуть, погрузиться во тьму, —
 не послуживши во имя Твоё!
 Из глубин Беды —
 вызволи народ Свой неукладный»³.

В этом произведении полномасштабно отражено авторское понимание России. Молитва состоит из 15 строк, ее объем является небольшим, однако очень содержательным. В нем прослеживается понимание и утверждение автором православия, теплого отношения к Родине, итог размышлений о русских людях и их духовных ценностях, об истории и о будущем страны. С большой любовью писатель назвал Россию Россиюшкой; кратко описал прошлое и нынешнее состояние страны. Он оценил прямодушие как одно из самых лучших качеств русских людей, восхитился их талантом. В то же время, признавая тяжелую судьбу русских людей, как православный верующий, писатель надеялся на Божью силу. Он молился за свою страну и русских людей, чтобы русский народ освободился от бед, и Россия и ее народ находились под Божьей защитой.

¹ Там же. С. 763-764.

² Сараскина Л.И. Солженицын. М.: Молодая гвардия, 2009. С. 851.

³ Солженицын А.И. Собрание сочинений.: в 30 т. Т. 1. Рассказы и крохотки. М.: Время, 2006. С. 571.

Таким образом, прослеживается глубокая связь ранних стихотворений А.И. Солженицына и его поздних лирических произведений. Тема России является основополагающей для всех периодов творчества писателя. Лагерные стихи определяют зарождение основных художественных приемов создания многогранного образа России.

1.2. Поэтика любви в лагерных стихах А.И. Солженицына

Анализ приемов создания писателем женских образов в поэтических произведениях 1947-1953 годов, особенностей раскрытия темы любви позволяет уточнить способы воплощения национального характера в творчестве А.И. Солженицына.

Теме любви уделено, как представляется, значительное внимание в сборнике «Тюремные–лагерные–ссылные стихи», состоящем из 28 стихотворений. И прежде всего надо заметить, что так же, как и другие произведения, написанные в эти годы, стихи А. Солженицына автобиографичны. Судьба лирического героя во многом создана на основе жизненных испытаний самого автора. Базируясь на своем жизненном опыте, автор писал о событиях, произошедших с близкими ему людьми и современниками, акцентируя свое внимание как художника на проблеме внутренней свободы личности и человеческого достоинства.

Уже в ранних стихотворениях писателя, как показал анализ, предчувствуется авторский замысел, реализованный в последующих произведениях, в них частично просматривается общая художественная концепция писателя, касающаяся роли любви в жизни и судьбе человека.

Тема любви зародилась почти в самом начале и развивалась на протяжении всего творческого пути писателя. Как правило, в произведениях А.И. Солженицына любовь несвободна, она вынуждена подчиняться общественной силе и историческим событиям. Любовь выступает как чувство,

подчиняющееся рациональной логике. Чаще всего герои с целью самосохранения в любовных отношениях действуют, исходя больше из разумных соображений, чем из сердечно-чувственных. Любовь была психологическим фактором, поддерживающим героев в тяжелых условиях жизненной неволи. Это чувство было иногда единственной опорой их внутреннего мира. Однако после длительных переживаний любовные отношения почти всех героев закончились разочарованием.

В «Лагерных стихах» тема любви явно присутствует в таких стихотворениях, как «Через две решетки» (1947), «Романс» (1947), «Отречение» (1950), «Вот и воли клочок...» (1953), «Под духмяной, дурманящей сенью джиды...» (1953), «Три невесты» (1953).

Прежде чем перейти к детальному анализу стихотворений, подчеркнем важные моменты в творческом мировоззрении писателя. Как замечено солженицыноведами, в произведениях писателя мужское миропредставление и критерии оценки являются доминирующими; художественный мир Солженицына создан на основе мужского понимания окружающей среды, а женские образы дополняют цельность мужских ракурсов. Женские образы были созданы, исходя из мужских взглядов: «...Солженицын не столько приписывает женщинам мужской взгляд на мир, сколько отражает то, что существует в действительности, что является проявлением и следствием серьезных деформаций, происходящих в современном обществе»¹. И женские образы Солженицына – образы, растворившиеся в мужском мире, они являются не настолько стереоскопическими, многогранными, как мужские. По сравнению с мужскими образами, женские образы, в большей степени, являются плоскими, второстепенными, способствующими созданию цельности художественной структуре, «играют символическую роль, важную, “производную” от мужской судьбы»².

¹ Урманов А.В. Художественное мироздание Александра Солженицына. М.: Русский путь, 2014. С.84.

² Нива Ж. Солженицын. М.: Художественная литература, 1992. С. 52.

Значительное большинство женских характеров Солженицына обладают духовной красотой, высокой нравственной силой. Женские образы у писателя продолжают классическое представление русской литературы о достоинстве женщин. И присущие им положительные качества соответствуют христианским требованиям целомудрия женского поведения.

Женские образы писателя неоднотипные, но у некоторых женских персонажей обнаруживаются общие черты, которые напоминают других созданных писателем героинь. А.В. Урманов заметил, что в позднем творческом периоде Солженицына «образ женщины-жены занимает особенно важное место, это едва ли не самая распространенная разновидность женских образов...»¹. Однако в раннем поэтическом творчестве, на наш взгляд, существует больше разновидностей персонажей, таких как женщины-жены, женщины-матери, женщины-невесты. И в то же время автор уделил внимание девушке-комсомолке, дочери крестьянина и другим женским характерам. Особенно интересно, что образы лирических героинь продолжали совершенствоваться в написанных автором позже прозаических произведениях, где писатель как будто раскрыл другие ракурсы описания героинь и расширил способы изображения их внутреннего мира, отчего художественные образы стали многогранными, насыщенными. А читатели, хорошо знавшие раннее творчество писателя, будут ассоциировать знакомые образы с новыми.

Более того, существуют подобные и мужские образы, которые развивались в творчестве Солженицына в течение долгих лет. И, безусловно, имеет смысл понять художественную эволюцию героев, выявить моменты сходства и связей, на основе чего исследовать типологию героев. А.В. Урманов считает, что концепция Эроса Солженицына «складывалась и эстетически разворачивалась постепенно, от произведения к произведению. <...> важно не только вывести итоговую, окончательную «формулу» сложившейся концепции, но и увидеть ее в развитии, в процессе становления. Важно понять логику этой эволюции...»².

¹ Урманов А.В. Художественное мироздание Александра Солженицына. М.: Русский путь, 2014. С. 81.

² Там же. С. 79.

Важен и плодотворен ранний творческий период писателя, т.к. в поэзии и в прозаических произведениях именно тех лет были созданы различные художественные образы, в них заложено художественное начало многих героев и творческой концепции автора в целом.

Вернемся к стихотворным произведениям. В «Лагерных стихах», именно в «Через две решетки» и «Отречении», читателям удалось познакомиться с образом женщины-жены, для которой характерно «самоотверженное и беззаветное служение мужу, полное подчинение ему, абсолютное самопожертвование, живое и заинтересованное участие в осуществлении его жизненных задач...»¹. Подобные образы напоминают героиню – Надю Нержину в романе «В круге первом», прототипом которой была Н.А. Решетовская.

Если учесть, что «Дороженька» определена автором как повесть в стихах, тогда «Отречение» резонно рассматривать как рассказ в стихах или фрагмент романа в стихах. Помимо исследования стихотворной особенности «Отречения», важно заметить в нем и качества прозы, воспринять его как воспоминание о тюремной встрече лирического героя. Содержание произведения визуально разделено на три части: первая часть – пролог, вторая – развитие и кульминация, встреча героев в тюрьме; третья – эпилог. И в первой, и в последней части описано сложное чувство героя после встречи.

Как в романе «В круге первом», так и в стихотворениях, автор выделил художественную деталь – обручальное кольцо на пальце героинь. Это одновременно символизирует и знак любви героев, и тяжелую ношу супруги зэка в безнадежном, бесконечном ожидании в непростых социально-исторических условиях эпохи Сталина. В ношении и снятии кольца автору удалось не столько описать неловкость супругов в момент лагерной встречи, сколько показать невыразимое глубокое сожаление и внутреннее противоречие жены и мужа.

Образ обручального кольца представляется именно той тонкой гранью, которая находится между ожиданием и разводом героев. Отказ от ношения кольца многое означает для героини. Подобное позволяет окружающим не воспринимать

¹ Там же. С. 81.

ее как жену зэка и не узнать ее социальной статус, поэтому героине удастся избежать людского осуждения и недоброжелательной мысли. Это, таким образом, облегчит жизнь и в психологическом, и в житейском планах. Непостоянное ношение на пальце обручального кольца дает возможность героине отдохнуть от тяжелых дум; ей не столько хотелось избавиться от положения «жены зэка», сколько хотелось выжить, ведь чтобы сохранить семью, надо, прежде всего, сохранить себя.

Не зная финала лагерной участи, прекрасно осознавая непредсказуемость будущего и тяжесть положения жены в длительном ожидании, герой не мог быть безучастным в утешении своего любимого человека, мужское самолюбие и супружеский долг не позволяли этого. Он обязан был поддержать решение об удалении женой кольца с руки, чтобы, в силу своих возможностей, максимально помочь ей; ведь единственное, что может сделать герой в лагере, – «настаивал, чтобы мы...развелись...»¹.

В романе «В круге первом», по сюжету, для того, чтобы продолжать жизнь, необходимо было в документах значиться незамужней, поэтому героине предстояло развестись и скрываться в другом городе. Подобные события означают для героя «начало конца»², которое и было описано в стихотворении «Отречение». Случившееся герой воспринимает не столько как неожиданный катастрофический удар и безутешную потерю, сколько как отчаяние из-за невозможности помочь жене изменить ситуацию к лучшему: «Сердце ленточкой не обернуть, как ларец,/ Не уснуть, не забыться до лучших времен./ Ты не знала ещё! Но я понял: *конец!*/ Это – он!»³.

Автор использовал графические способы оформления текста как художественный прием, выделив слово «*конец*» курсивом, и в следующей строке использовал только два слова. В то же время, соответствуя стихотворной форме, двухсложная строка начинается с заглавной буквы, заканчивается восклицательным знаком: «Это – он!». Строка пронизана мощной эмоцией и

¹ Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Время, 2011. Т. 2. В круге первом. С.273.

² Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Время, 2016. Т. 18. Раннее. С. 226.

³ Там же. С. 226-227.

своей компактностью выделяется в стихотворном тексте. Таким образом, автор акцентировал внимание на драматическом чувстве героя. И этот момент является кульминационным моментом в развитии чувств героя, разочаровавшегося долгожданной встречей.

В стихотворении подчеркнуто курсивом слово «развод». Требуется размышление об истинных причинах несчастья героев; необходимо понять, что именно структура социального устройства является виновником расторжения брака героев. Таким образом, несчастье любви отражается не только на личной жизни героев, но и в социальном масштабе. Интересно заметить, что с развитием русского языка современным читателям доступно более широкое понимание смысла, что позволяет дополнить авторский замысел и почувствовать каламбур в этой строке, поскольку переносное значение слова *развод* расширилось в разговорном языке сегодняшней молодежи до значения *ложь и обман*.

В заглавиях произведений А.И. Солженицына часто встречается недосказанность. Названия предстают как многослойное смысловое авторское образование, развивающееся затем в последующих сюжетах. Заглавия требуют уточняющих атрибутов и определений, чтобы раскрыть причины и структуру формирования этих названий, понять недоговоренность, символику и метафоры.

Название стихотворения «Отречение» довольно многозначное. Приходится догадываться, размышлять: отречение *от чего?* Прочитав стихи, читатель понимает, что героиня готова отречься от тяжести, немощи и горя, от тех невыносимых ощущений, как будто притягиваемых обручальным кольцом, которые довлеют над ее жизнью. А для героя отречение, пожалуй, означает большее. Можно предположить, что лагерное свидание само по себе является отвлечением от повторяющегося ежедневного режима в лагере. Увидев любимого человека, узнав ее жизнь, герой готов хотя бы на мгновение отрешиться от лагерной жизни. А после свидания герой никак не может забыть, отвлечься от каждой детали встречи, не может отречься от своей боли, досады и злобы к «жандармскому корпусу Сталина!»¹. Читатели все еще в недоумении: от чего и

¹ Там же. С. 227.

как отрекались герои? Ведь, сам герой был «...Поражен отречением твоим и своим»¹.

В «Отречении» и «Через две решетки» максимально соблюдается анапест как стихотворный размер, соответствуя стилю изложения. Реализация стихотворного метра дает возможность читателям воспринимать сюжет стихов как развивающуюся мысль лирического героя, как его внутренний монолог.

На самом деле в «Отречении» диалог между героем и героиней занимает небольшой объем. Реплики перемежаются с описанием психологического движения героя; как правило, они ускоряют развитие стихотворения. В репликах героев сохранился трехсложный анапест: «...В первый год / Предлагал мне, ты помнишь, когда-то развод... / А... – теперь?»². Сам речевой оборот является хорошей маскировкой героям, чтобы не создавать лишние поводы надзирателям, чтобы те не уловили так называемую подозрительную информацию из их разговора. Подобный стиль речи проявлен и в главе «Свидание» в романе «В круге первом»: Глеб Нержин «приглуша голос, успел спросить:

– Сологдину, жену, – знаешь?

Натренированная в таких оборотах, Надя успела перенестись:

– Да»³.

А в стихотворении анапест вместе с непривычным речевым поворотом усиливает медлительность и неловкость в специфической форме изложения речи героев.

Стихотворение насыщено стилистическими фигурами, которые создают художественную многогранность в восприятии произведения. Например, использованная метафора выражает негативное отношение к надзирателям: «...старшина / С голубою погонной каймой.<...> Не небо над нами – / Вурдалак с голубыми крылами»⁴. Старшина, эпизодический художественный образ, выступает как дьявольское начало; писатель вложил в его образ ненависть и

¹ Там же. С. 227.

² Там же. С. 226.

³ Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Время, 2011. Т. 2. В круге первом. С.275.

⁴ Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Время, 2016. Т. 18. Раннее. С.226.

враждебное чувство лирического героя к надзирателям, что создает намек на дурное предчувствие развода с героиней.

Чтобы создать тонкую психологию зэка и «жены зэка» и выразить их незримый внутренний текст в почти безмолвном разговоре, писатель усилил роль звукописи и синестезии: «И тогда ты взметнула с мольбой / Взгляд, как выкрик, как стон – пожалей! – / И сказала с улыбкой совсем не твоей, / Так легко, так легко: <...>/ И – не голосом, а – губами: /...»¹. Взгляд понят героем как выкрик, как стон, как огромное слуховое восприятие, а слова героини были тихими, едва слышными. Писатель создал большой контраст между внутренними бурными эмоциями героев и их внешним выдержанным спокойствием, между их внутренним горем и выражаемой ими неестественной улыбкой на лице. Услышав жалкий голос жены и ее решение о разводе, увидев ее бледное лицо, почувствовав, что она замучена роковым статусом «жены зэка», увидев ее беспомощность и ее хрупкий женский стан, требующий поддержки мужа, лирический герой вынужден был смириться с разводом. И вполне логично видим оголенную ненависть, вложенную в эпитеты последних строк второй части стихотворения: «...Но в папках засаленных / Подшивает бумажки проклятая нежить – / Жандармский корпус Сталина!»².

Заметим, что сюжеты рассматриваемых поэтических произведений, по большей степени, имеют сходство с затронутыми темами в романе «В круге первом», они являются существенными дополнениями к роману. Более того, они представляют новые ракурсы и новые возможности для постижения цельности художественного мира писателя. Заметим, в будущем читатели будут знакомиться с лагерным законом, описанным Солженицыным в «Архипелаге ГУЛАГ»: «...обязывая суды по первому требованию разводить супругов, если один из них, вольный, хочет расстаться с половиной, находящейся в заточении. И он не уставал повторять жене, что, при всей своей любви и нежности к ней, не хочет её закабалить <...>. Но время для радикальных решений тогда ещё не пришло...»³.

¹ Там же. С. 226.

² Там же. С. 227.

³ Сараскина Л.И. Солженицын. М.: Молодая Гвардия. 2009. С. 315.

Стихотворение «Три невесты» показательное для понимания темы женской красоты и одиночества. Героини – три женщины-невесты, ждущие своих невозвращающихся женихов. Это русские девицы, идеальные, обладающие женской красотой и достоинством, образованные девушки и умелые рукодельницы. Писатель сравнивал их с классическими образами: «Так милы мне были три головки русые, – / Блока белокрылого, Есенина смятенного, / Бунина закатного, обдуманного Брюсова, – / <...>/ Отцедил смолы янтарной Тютчева, Брызну зелья черного Ахматовой»¹. Светлые женские образы раскрываются в цветописии этих строк.

Стихотворение состоит из шести строф. В начальных пяти строфах писатель уделит основную силу созданию образа героинь, и лишь в предпоследней строке шестой строфы появляется слово «одиночество», характеризующее состояние девушек. Это стало большим контрастом предыдущему содержанию. Писатель выразил ощущение холода лирического героя, его психологическую неловкость и смущение от состояния одиночества прекрасных невест. Герой был впечатлен их механической ловкостью в занятии рукоделием, как будто им совершенно неинтересна была окружающая среда и они старались найти душевное равновесие в любимом физическом труде, чтобы отвлечься от одиночества. И в очередной раз автор заставляет читателя выяснять для себя причину одиночества героинь.

Вспомним Агнию в романе «В круге первом», чье имя созвучно со словом «ангел»; образ символизирует чистую душу и безвинное поведение. Существуют многие девушки Солженицына, отличающиеся возвышенностью чувств, несовременностью, которые ассоциируются с образами святых в древнерусской иконописи. И чаще всего поведение героинь соответствует высоким критериям женского поведения, которые сформированы веками в христианской традиции. Подобная несовременность также проявляется в лагерных стихах «Три невесты» и «Романс». В «Трех невестах» лирический герой, наблюдая вышивание трех невест, почувствовал, что в безмолвном ожидании девушек «Это было так

¹ Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Время, 2016. Т. 18. Раннее. С.244.

несовременно»¹. А в «Романсе» юноша влюбился в героиню, увидев святой девичий образ «Как на картине, на иконе...»²; для него это была яркая, впечатляющая девушка, и сам художественный образ является возвышенным.

Несовременность героинь – их необычный стиль поведения, непривычный современникам героев – это внешнее проявление их внутреннего мира, проявление духовности. Стиль совместим с исконной православной религиозной эстетикой женской красоты, несмотря на то, что содержание стихотворений глубоко не касается темы религии. Однако автор создал героинь не как идеальные женские образы, а как героинь с непростой женской долей, находящихся в определенных исторических условиях. Не менее важно понять события жизненного пути героинь, причинившие им трудность и смущение, чтобы увидеть происходящее в данный момент события глазами героев, и таким образом понять, в каком душевном состоянии находятся героини, соответственно понять их нынешнее поведение.

Стихотворение «Романс» посвящено Анне Бреславской (в тексте посвящения указаны только инициалы А.Б.), являющейся прототипом художественного образа Любы в драме «Олень и шалашовка» (первоначальное авторское название пьесы – «Республика труда», драма также посвящена Анне Бреславской); стихи были сочинены в 1947 г., через семь лет после «Оленя и шалашовки».

В «Романсе» представлен рост героини; ее судьба была разделена на разные жизненные этапы. Она была «дочь мужика»³, девушка, женщина; была подруга-невеста юноши, подруга-сестра зрелого мужчины и, наконец, женщина, чья судьба ассоциируется с судьбой России: стоит обратить только внимание на жизненные невзгоды героини и на трагическую историю России.

В первых четырех строфах рассматривается юность лирической героини. Героиня – из зажиточной крестьянской семьи, в судьбе ее отца угадываются автобиографические сюжеты «Дороженьки», касающиеся прототипа Захара

¹ Там же. С. 244.

² Там же. С. 220.

³ Там же. С. 220.

Фёдоровича Щербака – деда писателя со стороны матери: «Начавши с ничего и снова став ничем, / Всё потеряв – детей, стада, именье, – ...»¹. Судьба героини довольно символична. В ее жизни изначально было заложено некое злосчастье, героиня была названа «цветком призывного греха...»²; затем предчувствуется начало ее мученичества: «...снег мелькучий, / Пред вахтой рваную толпу / – И тень от провол'ки колючей / Терновым венчиком на лбу»³. Происхождение героини и перемены в ее жизни ассоциируются с событиями, происходившими накануне и во время революции. И находясь в «рваной толпе», достигая душевной близости с героиней, герой восхищался ее женской чистотой и возвышенностью.

Лирический герой был поражен перипетиями судьбы героини. Лишившись богатого быта, пожертвовав нежностью и юной красотой, многострадающая и склонная к самопожертвованию героиня, не потеряла «щедрый пыл»⁴; и с горечью герой сочувствовал ей, как сестре. Оставив юность позади, пройдя через непростую жизнь, герой воспринял героиню больше, чем женщину, ценил ее как достойную зрелую личность. И так, несмотря на тяжелую женскую долю, лирическая героиня всегда была любимой и любящей своих близких и родных.

Прочитав стихотворение, снова обратимся к его названию. Слово «романс» – термин, обозначающий вокально-поэтическое произведение с музыкальным сопровождением, преимущественно «...лирическое произведение, строфическое, со стихами средней длины, с характерной напевной интонацией...»⁵. И название «Романс» подсказывает, что в стихах писателем использованы особенная стихотворная ритмика и метрика.

Заметим, что постижение ритмики и схемы рифмовки стихов А.И. Солженицына требует неоднократного чтения и перечитывания с большой внимательностью. К счастью, в этом случае аудиозапись авторского чтения

¹ Там же. С. 44.

² Там же. С. 220.

³ Там же. С. 220.

⁴ Там же. С. 221.

⁵ Литературный энциклопедический словарь/ Под общ.ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М.: Сов.энциклопедия, 1987. С. 333.

позволяет уточнить ударение слогов и расшифровать ритм стихов¹. Важно понять, как сюжет стихотворений сочетается с их структурой; например, понять такие важные моменты, как является ли стихотворение белым стихом, в чем заключаются новинки и отличие стихов, почему автор именно использовал двухсложный, а не трёхсложный размер в стихах или почему, наоборот, не использовал?

Вернемся к «Романсу». При советской власти, при Сталине романс как художественное произведение подвергался гонениям как пережиток царских времен, вредный для строителей социалистического будущего. Так изначально в названии стихотворения был вложен мотив прошедших времен, что дополняло лирическое настроение.

Стихотворение состоит из 7 строф, 30 строк. Первая и последняя строфы состоят из пятистиший, остальные – из четырехстиший. В стихах доминирует перекрестная рифма. Со второй по пятую строфу нечетные строки объединены женской клаузулой, а четные строки – мужской клаузулой. В шестой строфе рифмующиеся строки расположены иначе, чем в предшествующих: первая, вторая, четвертая строки – женская, остальные – мужская клаузула.

«Да, я любил тебя!» – первые строки из первой и последней строфы частично повторяются. Помимо подчеркивания любви лирического героя к героине, повторение строки усиливает эмоции героя, что именно «Судьбу России я любил...», и таким образом, стихотворение было и содержательно и композиционно завершено. Более того, также заканчиваясь мужской клаузулой, ритм первой строки первой и последней строф по большей степени совпадает с ритмом второй строки. И так были объединены все строки стихотворения как единое дыхание.

Стихотворение написано преимущественно как четырехстопный ямб, несмотря на то, что в некоторых строках, написанных дибрахием, пропадают ударные слоги; в каждом строках четвертые и восьмые слоги постоянно являются

¹ *Солженицын А.И.* Дороженька. Стихи тюремно-лагерных лет (авторское исполнение).Изд-во Концерн "Группа СОЮЗ" ЗАО. 2010. CD-ROM.

ударными слогами, служащими как дежурные ударения. Под термином «дежурное ударение» мы понимаем неизменное, постоянное ударение внутри стиха, внутри строки. Такой способ соответствует напевности романса.

Интересно заметить, что дежурные ударения в стихотворных произведениях Солженицына играют огромную роль. Возьмем в качестве примера стихотворение «Три невесты», чтобы рассмотреть отмеченные ниже ударные и безударные слоги в стихах:

И куда, бывало, шаг я ни направлю, Сам не помню как, оказывался вместо — В комнате, где девушки из Ярославля, Жили три учительницы, жили три невесты.	-- ' - ' - ' - - - ' - ' - ' - - - ' - - - ' ' - - - ' - - - - - ' - ' - ' - ' - - - ' - ' - ' - ' -
Там висели зайчики смешные на стене, В безделушках дѣвичьих цвела душа живая, Над мотками розовых, зелёных мулине Девушки склонялись, вышивая.	' - ' - ' - - - ' - - - ' -- ' - ' - - - ' - ' - ' - - -- ' - ' - - - ' - - - ' ' - - - ' - - - ' - -
Это было так несовременно, Так милы мне были три головки русые, — Блока белокрылого, Есенина смятенного, Булнина закатного, обдуманного Брюсова, —	' - ' - ' - - - ' - - ' - ' - ' - ' - ' - ' - ' - - ' - - - ' - - - ' - - - ' - - - ' - - - ' - - - ' - - - ' - - -
Я метал им всё, что помнил только лучшего, Голову в жару свою охватывая, Отцедил смолы янтарной Тютчева, Брызнул зелья чёрного Ахматовой.	-- ' - ' - ' - ' - ' - ' - - ' - - - ' - ' - ' - ' - - - -- ' - ' - ' - ' - ' - - ' - ' - ' - - - ' - -
Клеткам счёт не потеряли, и на горле выемов Не поправили, и нити брали — те; Я списать не дам ли песенок из фильмов, — Лишь одна спросила в простоте.	' - ' - - - ' - - - ' - ' - - -- ' - - - ' - ' - ' - ' ' - ' - ' - ' - ' - - - ' - - ' - ' - ' - - - ' - -
Иглы быстрые мелькали так же почаству, Пальцы ловкие скользили по канве... И холодную, блестящую корону одиночества Я в ознобе ощутил на голове... ¹	' - ' - - - ' - ' - ' - - ' - ' - - - ' - - - ' -- ' - - - ' - - - ' - - - ' - - - ' - ' - - - ' - - - '

Заметим, что структура стихотворений у писателя разная. Часто в стихах отсутствует строгий единый стихотворный размер, и в одной и той же строфе

¹ Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Время, 2016. Т. 18. Раннее. С.244.

наблюдается свободное изменение длины стопы. Однако существуют стопы с неизменяемым количеством слогов, служащие как главные, пронизывающие все стихи, и второстепенные стопы, которые корректируют, дополняют ритмическую структуру стихотворения.

В стихах постоянно прослеживаются дежурные ударения на определенных по количеству слогам, и эти ударения дают фиксацию в восприятии. Они не только позволяют ориентировать на ритмическое чтение, но и выполняют содержательную и структурную функцию. Таким образом, использование четырехсложных стоп в «Трех невестах» позволяет усилить также ритм развивающейся мысли лирического героя, который раскручивается вместе с ритмом вышивания наблюдаемых им героинь.

В структуре сборника «Лагерные стихи» стихотворения «Вот и воли клочок. Новоселье...» и «Под духмяной, дурманящей сенью джиды...» следуют друг за другом. Стихотворения были написаны в 1953 г. в ссылке в Казахстане. В этих произведениях наблюдается значительное сходство в содержании: в объеме сюжетов, в художественных приемах и пафосе.

В феврале 1953 г. окончился срок заключения А.И. Солженицына, из Экибастуза он ссылался в Кок-Терекский район Джамбульской области. Как на глазах у писателя, так же и на глазах у лирического героя, начинается новый период жизни – не тюремный и не лагерный; и ожидание изменений было немедленно подчеркнуто в первой строке словом «новоселье»: «Вот и воли клочок. Новоселье / В бурой степи и голых стенах»¹. Во второй приведенной строке ясно заметен иронический поворот в судьбе героя, ведь его ожидает не менее суровое жизненное испытание, чем в тюрьме и в лагере; и тут увидим оксюморон в первом четверостишии первого стихотворения, где сочетаются несовместимые понятия: новоселье – голые стены.

Во втором стихотворении, «Под духмяной, дурманящей сенью джиды...», перед глазами читателей развернулась пейзажная картина ссылки в отдаленном краю. Можно примерно определить, что действие происходит летом:

¹ Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Время, 2016. Т. 18. Раннее. С. 242.

«В эту зарось колючих кустов джингиля, / Так обманчиво пахнувших нашей сиренью...»¹. Однако, прочитав стихотворение, увидим серость и одиночество в глубине души лирического героя.

В двух произведениях изложена тема любви и одиночества, продолжающая одну из наиболее важных тем в произведениях А.И. Солженицына – тему выбора. На этот раз героям предстояло выбрать между любовью и свободой: выбрать или сытую жизнь, но жить, отвергая сердечные порывы, или, как голодный холостяк, с трезвым умом, не изменить принципам перед соблазном любви. Здесь в стихах исследовался вопрос принципиальности и веры героя; и свобода, прежде всего, касается внутренней независимости свободной личности и ее свободного мышления. Герой, отказавшийся от заманчивой любви с комсомолкой, смирился с жизненными испытаниями. В стихотворении «Вот и воли клочок...» герой сравнивается с монахом-отшельником, дорожащим свободой, а в «Под духмяной, дурманящей сенью джиды...» он сравнивается с одинокой цаплей.

В указанных стихотворениях косвенно узнаем, что для идеальных женских образов А.И. Солженицына важны и «непреклонность», и «верность», и «стан»². Писателю и лирическому герою принципиально важны и внутренние качества героинь, и гармония их сочетания с внешней красотой. И образ женщины-комсомолки – образ, противоречащий классическим женским образам в русской литературной традиции. Образ имеет отрицательный иронический оттенок, подчеркивает легкомысленное любовное развлечение героев. В сопоставлении с тяжелейшими каторжными испытаниями любовь с комсомолкой является незначительной; и, вспоминая каторжные будни, лирический герой задает риторический вопрос: «Мог забыть я опухших больных доходяг? / И расстрел? и трех тысяч три дня голодовку?»³. Очевидно, что тут ощутимо знаменитое заключение в рассказе «Один день Ивана Денисовича»: «Таких дней в его сроке

¹ Там же. 243.

² Там же. С. 242.

³ Там же. С. 243.

от звонка до звонка было три тысячи шестьсот пятьдесят три. Из-за високосных годов – три дня лишних набавлялось...»¹.

Таким образом, темы, раскрывающиеся в серии лагерных стихов, связаны с лагерным испытанием героев и их восприятием и осмыслением пережитого в эти долгие мучительные периоды. Герои являются типичными героями Солженицына. Это тип таких, как Иван Денисович в рассказе «Один день Ивана Денисовича», Нержин в романе «В круге первом», Костоготов в «Раковом корпусе». Только в лагерных стихотворениях образы и психология героев раскрыты в сжатом виде. В силу особенностей лирики как рода литературы стихотворения А.И. Солженицына тонко и эмоционально раскрывают тему любви и связанные с ней образы женщин. Однако судьбы героев, их мышление, как правило, тесно связаны с судьбой России, также отражают и жизненные реалии в определенные исторические периоды.

1.3. Роль мотива *пути-дороги* в заглавии и формировании фабулы «Дороженька»

Путь-дорога относится к числу важных и популярных тем в мировой литературе. Как один из лейтмотивов, он многогранно представлен в русской литературе. Это одна из укоренившихся тем русской культуры, уходящая корнями в мифологическое начало русского фольклора.

На протяжении многих лет русской литературы тема дороги постоянно развивалась. Читатели наблюдали новые приемы художественного воплощения этого мотива, его эволюцию в разные историко-литературные периоды и у разных писателей. «Дорожная» тема занимает значительное место у русских авторов, поскольку предоставляет огромные возможности для создания сочинений высокой художественной ценности. А для тех, кто интересуется русской культурой и литературой, в этой теме раскрываются не только герои, ищущие

¹ Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 1. Рассказы и Крохотки. М.: Время, 2006. С. 114.

свой путь, но и стиль мышления, миропонимание и ментальность русского народа.

Традиционно «дорожный» сюжет позволяет писателю расширить географию действия, наполнить повествование массой подробностей и впечатлений, показать характер героя в различных ситуациях и встречах. По этому поводу М.М. Бахтин писал: «Значение хронотопа дороги огромно: редкое произведение обходится без каких-либо вариаций мотива дороги, а многие построены на хронотопе дороги и дорожных встреч и приключений»¹. Так было в «Дон-Кихоте» Сервантеса, «Мертвых душах» Н.В. Гоголя, «Кому на Руси жить хорошо?» Н.А. Некрасова² и других классических шедеврах.

В сочинениях А.И. Солженицына путь-дорога также представляется одной из ключевых тем, пронизывающих все творческие периоды писателя. Она, так или иначе, проявляется во многих его поэтических, прозаических и публицистических произведениях. Анализ темы пути-дороги создает важные ракурсы для раскрытия художественного мастерства автора. Кроме сюжета и фабулы, тема пути-дороги позволяет уточнить моменты, тесно связанные с образно-символической системой творчества писателя, с событиями личной судьбы и событиями русской истории. На основе анализа символики, автобиографизма и историзма можно обстоятельно выяснить, какие именно пути-дороги были созданы пером Солженицына и через что прошли его лирические герои. В процессе осмысления мотива пути-дороги Солженицына возможно более подробно изучить особенности поэтики писателя, представить образно-символическую систему и пространственно-временную организацию произведений, формирующих структурно-типологическую парадигму писателя.

Цель этой части работы – рассмотреть мотив пути-дороги с разных ракурсов; проанализировать, как он проявляется в одном из ранних поэтических произведений Солженицына – в поэме «Дороженька».

¹ Бахтин М.М. *Формы времени и хронотопа в романе* // Бахтин М.М. *Вопросы литературы и эстетики*. М.: Художественная литература, 1975. С. 248.

² Об образе дороги, например у Гоголя, см.: Манн Ю.В. *Поэтика Гоголя*. М.: Художественная литература, 1988. – 413 с.; Елистратова А.А. *Гоголь и проблемы западноевропейского романа*. М.: Наука, 1972. – 304 с.

Дорога, в соответствии с теорией М.М. Бахтина, представляет собой хронотоп¹. Дорога рассматривается в аспекте пространственно-временных координат произведения. Важно учитывать, что дорога представляет направление для ищущего человека, в дороге человек реализует себя. Именно с точки зрения движения и реализации жизненных установок художественных героев Ю.М. Лотман писал, что «“Дорога” – некоторый тип художественного пространства, “путь” – движение литературного персонажа в этом пространстве. “Путь” есть реализация (полная или неполная) или не-реализация “дороги”»².

В то же время интересно заметить, что в процессе чтения читатели также реализуют свои представления. В большинстве это осуществляется через сопереживание героям. Перед чередующимися событиями мы сознательно ориентируемся на понимание, поведение и выбор героев. А для писателей реализация героев означает важнейший смысл, что должно непременно завершиться до реализации читателей. Поэтому, в широком смысле, все писатели и читатели стремятся к реализации своей дороги. Процесс чтения – это та же дорога, путь.

В «Дороженьке» А.И. Солженицын создал широкий спектр темы пути-дороги. Это проявляется в заглавии произведений, эпиграфах, сюжетах; реализуется и в графической организации текста и последовательности событий, выстроенных автором. В то же время особенность стихотворного языка и специфический стиль Солженицына создают ощущение, что само чтение воспринимается так же, как движение по дороге.

Аудиозапись авторского чтения «Дороженьки» способствует более глубокому пониманию образа пути-дороги в произведениях Солженицына³. Она позволяет слушателям почувствовать авторскую интонацию, орфографию и пунктуацию, ознакомиться с последней редакцией стихотворений, которая во многих случаях отличается от ранних опубликованных версий в сборниках

¹ См., например: *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 3: Теория романа (1930-1961 гг.) М.: Языки славянских культур, 2012. С. 340-512.

² *Лотман Ю.М.* В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь: Кн. для учителя. М.: Просвещение, 1988. С. 290.

³ *Солженицын А.И.* Дороженька. Стихи тюремно-лагерных лет (авторское исполнение) [Электронный ресурс]. М.: Концерн «Группа СОЮЗ», 2010. CD-ROM.

«Дороженька» и «Протеревши глаза». К тому же, авторское исполнение поэмы благоприятствует выражению необычной ритмической структуры. В большой степени, именно благодаря особому стихосложению писателю удалось передать ощущение движения по дороге.

Вернемся к названию произведения. Слово «Дороженька» символично – это, прежде всего, путь автора, путь испытаний и страданий. Сюжет автобиографической поэмы охватывает период с 1930-х годов по 1945 год. В ней запечатлены юные годы, студенческий период, годы Великой Отечественной войны и арест писателя. Эти этапы жизни автора проходит и лирический герой. Более того, во многих строках дается воспоминание о детстве, об атмосфере, в которой вырос писатель, о домашнем воспитании, об окружении друзей и знакомых. И все эпизоды ранних лет раскрываются на фоне истории России 1920-1940-х годов, на фоне общественного состояния России после Октябрьской революции.

В поэме представлен личностный рост человека. Приобретя жизненный опыт, герой начал переосмысливать и корректировать свое поведение, в первую очередь, стараясь выяснить для себя причины социальных проблем. По этой причине в поэме наблюдается мотив поиска правды, чему автор уделил большое внимание в последующих произведениях. Можно сказать, что уже в момент создания «Дороженьки» восстановление подлинной исторической картины, стремление стать праведником и «жить не по лжи!» стало принципиально важным для писателя. И с тех пор в творчестве Солженицына наблюдается осмысление ценностей православной веры, духовной и душевной темы, достоинства человека.

Описанные в «Дороженьке» события происходили до лагерного периода, а само произведение создано в тюремно-лагерные годы автора. По мнению Солженицына, если не было бы лагеря, он «не оценил бы ни истинных задач своих, ни истинной обстановки в стране, и не получил бы той закалки, тех особенных способностей к твёрдому стоянию и к конспирации»¹, именно лагерь сформировал его таким, каким мы знаем его теперь. Именно в лагере он начал

¹ Сараскина Л.И. Солженицын. М.: Молодая гвардия, 2009. С. 268.

переценивать события, произошедшие до лагерного периода, переценивать свое представление о жизни. А «Дороженька» воплотила часть начальных размышлений писателя в лагерный период. При этом писатель определил жанр «Дороженьки» как повесть в стихах. Он оценил те события, на которых основаны автобиографические сюжеты в поэме, как небольшие фрагменты жизненных испытаний. И «Дороженька» является путем пройденным и, одновременно, дорогой, ведущей к будущему. В ней заложено начало многих художественных поисков писателя.

А.И. Солженицын относился к произведению с большим трепетом, поэтому озаглавил свой труд уменьшительно-ласкательным словом – дороженька. В частях «Зарождение» и «Пословие», в некоторых главах, а позже и в других произведениях писатель неоднократно напоминал значимость поэмы для него самого. В «Зарождении» автор устами лирического героя оценил бесценную роль поэмы в поддержке в тяжелых лагерных условиях, давшей ему надежду на реабилитацию и на светлое будущее. Он написал:

«Мой труд! Год-за-год со мной созреешь,
 Год-по-году Владимиркой пройдешь,
 Наступит день – не одного меня согреешь,
 Не одного меня ознобом обоймешь...»¹.

Писатель сравнил лагерную дорогу с образом «Владимирки» – так в народе именовали Владимирский тракт, грунтовую дорогу из Москвы на восток в сторону Владимира. Дорога печально известна тем, что в XVIII веке по ней отправляли ссыльных каторжан в Сибирь. Тема «Владимирки» отмечена в творчестве многих русских писателей. Тракт, например, был упомянут Ф.М. Достоевским в романе «Преступление и наказание» как предсказание о ссылке в Сибирь Раскольникова. Чаще всего образ «Владимирки» напоминает тяжелую жизненную долю героев.

В «Дороженьке» Солженицын, сравнив лагерную дорогу с «Владимиркой», раскрыл страдание лирического героя и его переживание о социальном состоянии

¹ Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Время, 2016. Т. 18. Раннее. С. 11.

страны. В образе дороги многогранно отражается настроение героя и его стремление к светлому будущему, а также созвучие судьбы героя с судьбой России.

В поэме лагерная дорога представляется как дорога бесконечная, монотонная. Внешний вид этого пространства – застывший, едва движущийся. Пространство – бесцветное, покрыто траурным оттенком. В «Дороженьке» цветопись и звукопись являются важнейшими художественными приемами; эти художественные приемы маленькими штрихами создают целостный образ дороги. В основных сюжетах, благодаря цветописи и звукописи, создаются яркие дорожные впечатления героя. Однако «Зарождение» представляет черно-белую картину, в которой фактически отсутствует другая окраска. На черно-белом фоне едва ли мелькнула «Заря. / И – день» прошел¹. Так и единственный оптимистический образ, «заря», исчез; осталось солнце, которое «Жестоко-медленно катится <...> по небу»².

Лагерная дорога является закрытым пространством. Эта огромная зона огорожена решетками. Она, как полосатое пространство, вытянута вверх. Внешнему наблюдателю / читателю она представляется малознакомым пространством; подобно огромному вакуумному ящику, изнутри наполняется неживой энергией. В «Зарождении» заключенные предстают безликой массой, которая существует как жалкие рабы, нумерованные, немые. Изображение схожего лагерного пространства и суровых испытаний зэков продолжилось в «Одном дне Ивана Денисовича» и «В круге первом» в более развернутом виде.

Лагерная дорога – это круг, вечно повторяющийся, круг мучения. Мотив круга восходит к «Божественной комедии» Данте Алигьери. В «Дороженьке» впервые Солженицын провел аллегорическое сравнение каторжан с грешниками в кругах ада. Позже тема круга закономерно продолжилась в «В круге первом». В романе объясняется, что заключенные в Марфинской тюрьме были «в аду, но поднялись в его лучший, высший круг – в первый»³, подобно тому, как Данте

¹ Там же. С. 9.

² Там же. С. 9.

³ *Солженицын А.И.* Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Время, 2011. Т. 2. В круге первом. С. 23.

поместил античных мудрецов в круге первом, чтобы эти светлоумные мужи не смешались с прочими грешниками и не были обречены на телесные пытки. А в «Дороженьке», цитируя строки В.С. Соловьева: *«Но и в цепях должны свершить мы сами / Тот круг, что боги очертили нам!»*¹, лирический герой начал свой круг: *«Свой круг начну и я. И поведу – стихами: / Созвучной, мерной, может быть, сумею уберечь / Такой ценой открывшуюся речь!»*². В своем круге писатель создавал поэму в качестве собственного воспоминания и записи свидетеля истории России.

В первых строках «Вступления» поэмы поставлена задача выяснить исходные причины несчастья России. Фактически с самого начала произведения лирический герой начал искать ответ на вопрос:

«Где и когда это началось?..

<...>

Чистое стёклышко мира ребячьего,

Грознодохнув, замутила беда?

Вспомним ли <...>

Ужаса безрассудного

Первый день?»³.

В этих строках интерес героя заключается не только в узнавании «где» и «когда». В первом предложении слово «это» обращает на себя внимание, требуя объяснения своего значения. С подобным пафосом в «Зарождении» вопрос прозвучал как внутренний голос лирического героя: *«Кто и когда узнает и напишет / Об этом обо всём?»*⁴. В поэме жизненный путь лирического героя и история других героев постепенно раскрываются со второй главы. И в пережитых ими событиях предстает путь поиска героем ответов на поставленные им же самим вопросы.

В «Дороженьке» лирический герой постоянно размышляет о счастье. При этом он стремится постичь природу и источник человеческого счастья, а также

¹ *Солженицын А.И.* Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Время, 2016. Т. 18. Раннее. С. 10.

² Там же. С. 10.

³ Там же. С. 12.

⁴ Там же. С. 10.

старается понять причины несчастья России. Таким образом, путь героя отождествляется с поисками человеком счастья.

Стремление к счастью дает герою силы на развитие и изменение к лучшему. Оно является внутренней потребностью к достижению собственного совершенства, ясного ума, внутренней свободы. В юности герой увлекался физикой и математикой. В начальной главе «Мальчики с луны» увидим, что благодаря любви к знанию молодой амбициозный человек решил одновременно поступить на исторический факультет МИФЛИ. Герой объяснил, что «...для души / <...> нам оказалось мало: / <...> точные науки – хороши, / да не строгости, а счастья людям не достало»¹.

На пути к счастью герой высоко ценит дружбу с Андреем: «Оба без отцов, ведь мы и шли бродяжить / По краям родной неведомой земли, / Чтоб мужскую взвесить эту тяжесть, / От которой матери, солгав, уберегли»². Схожее детство юношей способствовало формированию у них одинакового представления об ответственности и о системе оценки событий. Сближение друзей помогло им найти общий язык в науке и в жизненных ситуациях. Это поддерживает героев в трудных обстоятельствах, помогает им правильно оценить и понять свои возможности и состояние окружающего общества. До момента ареста лирический герой всегда испытывает радость, когда делится с другом своими мыслями и взглядами на жизнь. Спустя годы, накануне наступления в Восточной Пруссии, на фронте произошла неожиданная встреча героя с Андреем. Об этом повествуется в главе восьмой «Кто это ткётся». Поделившись с другом воспоминаниями о прошедших военных событиях, герой обрадовался тому, что Андрей – его единомышленник. Несмотря на прошедшие годы, «...Всегда с тобой мы будем / Два орешка одного грозда»³.

Для героя любовь является блаженным чувством. В главе «Медовый месяц» видно, что любовь освещает путь героя. Он наслаждается личным счастьем: будучи любимым и любящим человеком, живет материально достойно, имеет

¹ Там же. С. 15-16.

² Там же. С. 25.

³ Там же. С. 137.

страсть к науке. Герой ощутил, что «Есть у каждого годы удачи, / И таким обернулся мне минувший год – / Словно звёздным дождём мне дороги усыпало, / Словно горы верстались мне по плечу, / Словно есть это счастье, и мне оно выпало: / Всё могу, чего захочу!»¹.

Однако, на взгляд лирического героя, счастье представляется гораздо шире, чем личное благо. Родившийся после революции, он не был участником крупных социально-политических переворотов, решавших судьбу страны. Он постоянно следит за важными событиями, происходившими в России. В свое время много читавший произведений литературы, искренно веря в ленинизм, герой признавал, что после Октябрьской революции стране требуются изменения большого масштаба. С высоким чувством ответственности обращаясь к своим современникам, герой написал стихотворение «Моему поколению»². В стихах видится твердое убеждение героя посвятить жизнь послереволюционному строительству страны. Подобное самосознание героя рассматривается позже в повести «Люби революции»: «...в этом сознании были и счастье, и гордость. *Всему* поколению – лечь не жалко, если по костям его человечество взойдёт к свету и блаженству»³.

Оказалось, что самопожертвование героя ради высоких целей чуждо его молодой жене, поскольку оно далеко от теплого человеческого чувства и домашнего уюта. В качестве закадрового голоса замечено писателем, что тихое счастье между любящими сердцами «Дается не часто, / А не каждый его оценит»⁴. И писатель со своим героем продолжал выяснять истину счастья, задавая вопрос: «Два бунтующих сердца! Меж вами / Кто виновен? кто прав?..»⁵.

Подчеркнем: дороженька отождествляется с путем, через который прошел герой. Чтобы понять счастье и «где и когда это началось?..», герой начал переосмысливать события со времени детства: «Нет, не тогда это началось, – /

¹ Там же. С. 27-28.

² Там же. С. 34.

³ Там же. С. 258.

⁴ Там же. С. 29.

⁵ Там же. С. 35.

Раньше... гораздо раньше... / В детстве моем обозначилось, / В песнях, что пели мне, няньча, – / Ужаса безрассудного / Первый день»¹.

В поэме многие строки перекликаются. Это фрагменты, в которых подчеркиваются основные проблемы, волнующие героя. Они также помогают присоединить побочные сюжетные линии, в которых раскрывается суть истории лирического героя. Кроме повторяемого вопроса о «первом дне», существуют и другие эпизоды. Например, герой осмысливал, как сложился его путь к лагерю. В поэме не было подобного вопроса: является ли путь героя к тюрьме неким фатальным совпадением? Однако всегда присутствует ощущение, что на фоне истории 1920-1930-ых годов при Сталине человек, подобный лирическому герою, вряд ли смог избежать судьбы зэка.

Например, в главе «Серебряные орехи» дается сюжет о допросе двумя чекистами матери героя и деда Захара. В главе «Ту, кого всего сильнее» увидим описание страшного события, происходившего «под улицей, – застенки ГПУ»². Затем в главе «Беседь» прочитаем о дикой казни Николаева и бесчувственной реакции публики на жестокое событие. Эти события ориентируют, предсказывают лагерную участь героя.

«Всё детство революция воспринималась <...> как огромное событие, пережитое и семьёй, и страной»³; в свое время герой не смог постичь причин, внушающих страх. Но с тех пор мысль о справедливости не давала ему покоя.

На войне герой честно воевал, он «... любил солдат, / <...> / И они меня любили ...»⁴. Он ценил дружеское отношение и душевное общение между ними. Герой все время искал справедливости, человеческого равенства. Приехав в штаб дивизиона, он был изумлен, увидев большую разницу между обстановкой и военным настроением здесь – на передовой, и там – в тылу: «Как это устроено! – приди сюда из тыла – / Здесь передовая / И куда какая! – / Жить тебе не мило, / Свет тебе не мил, – / А приди сюда с передовой / – Тыл / Какой!...»⁵.

¹ Там же. С. 38.

² Там же. С. 42.

³ Сараскина Л.И. Солженицын. М.: Молодая гвардия, 2009. С. 134.

⁴ Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Время, 2016. Т. 18. Раннее. С. 91.

⁵ Там же. С. 76-77.

В главе «Беседа» кульминацией рассказа стала сама казнь. Герой был потрясен странным фронтовым весельем и «повешенный, до смерти домолчав»¹. Ему стало не по себе, он долго недоумевал: «Николаев! Почему не крикнешь?!? / Почему – молчишь?..»². Лишь во время собственного ареста герой печально осознал: «Теперь я, теперь понимаю, / Как мог, заморожен петлёй, / Так странно молчать Николаев, / Молчать перед ждущей толпой»³. Такое бессильное отчаяние героя передано в последней главе «Дым отечества».

Вернемся к теме счастья. В главах «Серебряные орехи» и «Ту, кого всего сильней» содержатся фрагменты о юности героя. Несмотря на социальное изменение, «проходит юность, в меру счастливо»⁴. Во время перехода к социализму «храмы закрылись, церковь была объявлена пережитком прошлого, и всякий школьник успел усвоить, что религия – опиум, а учение Маркса всесильно, ибо истинно»⁵. Однако героя воспитывали в семье с искренней простонародной верой, лишь спустя годы он по достоинству оценил светлое чувство и духовную ценность православия и задумчиво признался, что «Жарко-костровый, бледно-лампадный, / Рос я запутанный, трудный, двуправдный»⁶.

В поэме герой не размышлял над вопросом о вере. Однако в тексте встречаются соответствующие детали религиозной атрибутики (упоминание церквей, лампадок перед иконой и т.п.), формируются образы прихожан. Описание церквей в целом объясняет социальное состояние страны. Вместе с тем изображение некоторых храмов переносит внимание на внутреннее состояние героя и его чувства с акцентом на вопросах морали и нравственности.

В главе «Ванька» узнаем о военной страсти мужчины. Молодой капитан с высокой самооценкой «был сам в себя влюблённым – / В чёткость слов и в лёгкость на ходу»⁷. Приобретя опыт в военных испытаниях, герой повзрослел, утвердился в том, что «... Через год студента не узнаешь в офицере: / Где она,

¹ Там же. С. 81.

² Там же. С. 81.

³ Там же. С. 194.

⁴ Там же. С. 33.

⁵ Сараскина Л.И. Солженицын. М.: Молодая гвардия, 2009. С. 146.

⁶ Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Время, 2016. Т. 18. Раннее. С. 39.

⁷ Там же. С. 90.

сутулость, сторожность кабинетная / В этом быстром ловком звере? / <...> / Ты сказал – и будет! будет безотменно! – / Каково мальчишке это знать?»¹. Очевидно, герой был относительно удачлив в прохождении горнила войны. Однако, увидев жестокость войны, став свидетелем трагических случаев, герой начал переосмысливать значение военной доблести, задаваясь вопросом: «Намертво! дрались отчаянней, <...> – / Для кого? – несчастные! – для чьей короны?..»².

В главе «Семь пар нечистых» описано несколько несчастных случаев, рассказанных солдатами-штрафниками, об окружении, плене и аресте. Стоит заметить, что название глав «Дороженьки» имеет некое символическое значение. Например, понятие «семь пар нечистых» позаимствовано из Библии. В Ветхом Завете рассказывается о Всемирном потопе. По повелению Бога Ной построил Ковчег, для сохранения жизни на земле Ной перенес на Ковчег по семь пар «чистых» животных и по две пары «нечистых» животных (Быт. 7:10). Так и сложилась поговорка «Всякой твари по паре», которая употребляется в случае выражения иронического отношения к смешанному, разнородному собранию вещей или людей. В поэме «семь пар нечистых» является синтезированным понятием, что означает все увидевший, узнавший несчастные события, причиняемые войной и эпохой. На эти события герой не мог хладнокровно отреагировать. Ведь, вспомним, что в конце «Вступления» были строки: «Не слышать, имея уши, / Не видеть, глаза имея, – / Коровьего равнодушья / Что в тебе, Русь, страшнее?»³. Слегка измененные, но сразу узнаваемые библейские слова: «Кто имеет уши слышать, да слышит!» (Мтф 13:9), «Видя не видят, и слыша не слышат» (Мтф 13:13) – звучат как риторический вопрос, задаваемый с глубоким сожалением.

Особого внимания заслуживает семантика заглавий частей поэмы. Название, жанровые определения-подзаголовки, эпиграфы, предисловия, посвящения традиционно являются сильной предтекстовой позицией в произведении. Эти компоненты, обрамляющие основной текст, служат для перспективы раскрытия

¹ Там же. С. 90-91.

² Там же. С. 84.

³ *Солженицын А.И.* Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Время, 2016. Т. 18. Раннее. С. 12.

идеи произведения. Читатель обращается к ним и в процессе непосредственного чтения романа. Они являются исключительно авторскими, в разной степени декларирующими его позицию элементами текста.

В западном литературоведении для их обозначения употребляется термин «паратекст», введенный в активный оборот Ж. Женеттом¹: «Паратекст, – замечает Л.И. Липская, – в силу изначально присущих ему особенностей обладает даром *прояснять* текст не только содержанием, но и формой, отводимым ему в пространстве книги местом»². Русское литературоведение применяет более привычный термин. Все, что не является основным текстом художественного произведения, составляет систему его рамочных компонентов. К этой категории относятся: название, оглавление, подзаголовки, предисловие, послесловие, эпиграфы, иллюстрации и т.п. Это своеобразные способы непрямого воздействия на предполагаемого читателя.

Как правило, заглавие дает общее представление о сюжетах в маленьком объеме, оно объясняет суть тематики произведения. Заглавия в «Дороженьке», как и названия других художественных творений Солженицына, дают большую возможность для расширенного понимания содержания самих произведений.

Например, в некоторых заглавиях «Дороженьки» упомянуты действующие лица в рассказах, время и место действия. Их значение – объяснение мотива создания произведений, включая рассуждения писателя. Чаще всего в заглавиях поэмы скрыта некая многозначность, которая ассоциируется с эмоциями, испытываемыми лирическим героем. И порой эти заглавия обусловлены социально-исторической канвой, которая непосредственно связана с развитием сюжетов. В них проявляется символическое значение, которое требует интерпретации с разных ракурсов.

Подобная особенность заглавий наблюдается и в эпиграфах глав, в более развернутых вариантах. Необязательное наличие эпиграфа к любому произведению делает его присутствие особенно значимым. Эпиграфы дают

¹ См.: *Genette G. Palimpsestes. La Littérature au seconde degré.* Paris, 1982. (*Женетт Ж.* Палимпсесты. Литература второй степени. – Париж, 1982).

² *Липская Л.И.* Предваряющий дискурс: функции предисловия в современном романе // Вестник Моск. университета. Сер. Филология. 2005. № 2. С. 98.

начальные ориентиры для читателя, но полностью их назначение раскрывается лишь в контексте всего произведения или, даже шире, творчества писателя.

В «Дороженьке» эпитафии представлены в виде цитат. Ими являются фрагменты из сочинений писателей-современников и классиков, «Слова о полку Игореве», народной песни, романса и даже из Указа Президиума Верховного Совета. Таким образом, с помощью цитат передается лирическое настроение на фоне истории России в каждом отдельном случае.

Начальная глава – «Мальчики с луны» – повествует о неосведомлённости юношей, вызывающей удивление и насмешки окружающих людей. Название главы отмечает значительный контраст между двумя стилями жизни: приятное ощущение героев от природы, Волги, юной удали и впечатление от малознакомой студентам реальной жизни в городе.

Герой, вдохновленный наукой и идеями Маркса, испытывает душевный подъем во имя новой жизни. Он все время с надеждой ожидает нечто как светлое открытие. Однажды, как повествуется в главе, герой с другом плыли по реке, неожиданно попали под дождь. Приплыв к дебаркадеру, они увидели: «Райпартпрос, Райком и Райкомол, / Райуполминзаг и Райзаготконтора. / И районный юродивый, полугол, / Смуглогрудый, клянчит у забора. / <...> / Раймилиция. Райплан. И РайНКВД. / <...> С тёмно-хмурых / Сеет мелкий-мелкий дождь с небес. / Райтюрьма, Райсуд и Райпрокуратура, / Райсоцстрах, Райздрав и Райсобес. / <...> в Раймаге / Продают физическую карту... Африки... / На столбах бубнят колхозные частушки / Близ Райклуба громкоговорители, / Под забором рубят головы косушкам / Жители»¹, – картины не оправдывают ожидания героя в отношении высокого уровня культуры городской жизни. Ибо в авторском неологизме, также в описании природы и окружающей среды, узнаем, что в «Раях» жизнь представляется по-другому. Разговор в кабаке открывает героям понятие о суровой жизни страны. Таким образом, вопрос, содержащий косвенный

¹ *Солженицын А.И.* Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Время, 2016. Т. 18. Раннее. С. 19.

ответ о противоречивых явлениях в жизни, задал друг лирического героя Андрей: «Чувствуешь, как давит / На тебя, на всех нас – государство?»¹.

В конце главы затронута лагерная тема. Ввиду отсутствия жизненного опыта при виде «Арестантского катера»², мальчики недоумевали: «Кто они?.. За что их?.. Не расскажут... / <...> / От чего пахло всем хорошим...»³. Все эти вопросы были использованы автором для развития последующих сюжетов; и герой, со своей стороны, призван искать ответы на них. Сквозь всю главу название «Мальчики с луны», так или иначе, напоминает миропредставление лирического героя и помогает читателям проследить дальнейшую судьбу героя.

В третьей главе «Серебряные орехи» воздается светлая память деду Захару, чье поведение ценит герой как поведение настоящего русского мужика. Прототип деда Захар – Захар Фёдорович Щербак – дедушка А.И. Солженицына со стороны матери. В воспоминаниях писателя дед Захар запечатлен как прямодушный человек, как работающий мужик. И в поэме он представляется человеком с достоинством и честью, кто на вопрос чекистов смело ответил: он «Сам жив – и людям жить давав»⁴.

В поэме дед Захар приехал в Ростов накануне Рождественского сочельника к дочери и внуку. Жил герой с матерью «...в тупике / В дощатом низеньком домке»⁵. Вопреки мрачному оттенку в «Размётанной семьи / Осколом». В строках создан редкий эпизод об уюте, что «В серебряных орехах крохотная ёлка. / Дрожало несколько свечей в её ветвях. / Лампада кроткая светилась пред иконой»⁶. Эпизод противопоставлен напряженной атмосфере допроса чекистов, что составляет большой контраст между чувством счастья и чувство страха. Это символизирует едва ли ощутимую надежду и неугасаемый оптимизм перед грядущим ужасом.

Во многих случаях образ ореха интерпретируется как способность к выносливости, стойкости, преодолению жизненного недуга, крепости духа. Так

¹ Там же. С. 15.

² Там же. С. 24.

³ Там же. С. 25.

⁴ Там же. С. 49.

⁵ Там же. С. 43.

⁶ Там же. С. 43.

выражаются живучесть и жизнестойкость героя. В главе «Серебряные орехи» образ воплощает мысль о том, что герои твердо отстаивали свои принципы. Он символизирует волю героев и утверждение справедливости принятых им решений.

В главе шестой «Ванька» капитан штрафного батальона Иван Уклеяшев перед боем зажег факелы в знак прощания с собственной жизнью, затем бесстрашно шагнул навстречу смерти. Отвечая на вопрос лирического героя, отчаянный вояка отчеканил: «...Да не тычь ты в нос мне "капитана"... / Что за капитан? / На погон ты не смотри! Ты в душу глянул? / Ванька я! Иван!»¹. Во время Великой Отечественной войны всех русских величали «Ваньками». Несмотря на изменение социальной идеологии, имя используется в качестве имени нарицательного для всех русских людей. В «Ваньке» ведется рассказ о русском человеке с тяжелейшей судьбой. В произведении показано, как человек себя ведет перед жизненно угрожающим событием. А заглавие «Ванька» позволило рассмотреть судьбу человека на фоне военного отрезка истории. При этом с помощью заглавия передается не столько патриотическое чувство солдата, сколько образ простого русского мужика – мужика, сознающего свою ответственность перед Родиной.

В основной части «Дороженьки» эпиграфы предшествуют 5 из 11 глав. Ими начинаются глава четвертая «Ту, кого всего сильнее...», глава пятая «Бесесть», глава восьмая «Как это ткётся», глава девятая «Прусские ночи» и заключительная глава – одиннадцатая «Дым отечества».

Название «Бесесть» является одним из многих наименований, которые непосредственно дают сведения о координатах пребывания писателя. Бесесть – это река, берущая начало с юга Смоленской области, протекающая по Могилёвской области Белоруссии. По биографии Солженицына, начиная с сентября 1943 г., вместе с армией писатель прошел «огромный по времени и расстоянию марш-бросок от Центральной России до Белоруссии, от Орла до Гомеля, от Неручи до

¹ Там же. С. 95.

Сожа...»¹. Прежде всего, образ реки сам по себе представляется как водный путь. Она предсказывает грандиозный масштаб войны.

Слово «Беседь» дает неотчетливую ассоциацию со словом «Бес». По крайней мере, оно объясняет чувства лирического героя и его ощущения во время ожесточенных боев; оно им соответствует. На глазах героя вся земля на занимаемом плацдарме была перерыта снарядами до неузнаваемой рыжей гнили. Приехавший в штаб герой стал невольным свидетелем казни, официальная цель которой – наказание за военное преступление. На самом деле, казнь показалась фронтовикам не таким жестоким событием в сравнении с повседневным гнетущим ужасом войны. Однако удушливую атмосферу напряженного ужаса и жестокости невозможно развеять таким диким способом; в результате можно получить лишь дальнейшее ожесточение до полной потери духовных ценностей. Сама казнь свидетельствует о крайнем озлоблении людей по отношению к войне. В этом эпизоде не так важны причины, по которым наказывают Николаева, сколько равнодушие и безразличие окружающих к судьбе другого человека. Писатель открыл страшную картину в неом варианте, в которой видится страх, бессилие и невежество народа. И такая картина требует от читателя найти объяснение этих событий.

Эпиграф в главе «Беседь» является единственной цитатой из непоэтического текста среди всех пяти эпиграфов: «...восстановить каторгу и смертную казнь через повешение», – «Из Указа Президиума Верховного Совета, апрель 1943»². В нем напрямую предсказывается это жестокое событие.

В названии главы «Как это ткётся» глагол «ткётся» ассоциируется с процессом изготовления ткани. Писателю удалось штрихами нарисовать эпизоды из военных судеб. В относительно небольшом фрагменте собраны реплики героя – Нержина – в разговорах с каждым из персонажей. Это семь абсолютно разных художественных характеров: Евлашин, Липников, Турич, лейтенант Ячменников, Сомин, Старшина Хмельков и давний друг главного героя – Андрей. Реплики

¹ Сараскина Л.И. Солженицын. М.: Молодая гвардия, 2009. С. 236.

² Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Время, 2016. Т. 18. Раннее. С. 73.

связаны с разными событиями из жизни героев. Между ними нет прямой связи, однако все эпизоды раскрываются на фоне войны. В то же время писатель коротко описал черты характера, душевные качества и главные жизненные принципы героев. Из образов этих солдат составлена небольшая, но оживленная галерея, дающая представления о судьбах людей на войне. В этой галерее представлены тонкие ракурсы для понимания судеб и миропредставления каждого из них. Судьбы символизируют жизненный путь множества воинов, из которых соткано полотно великого исторического события. В этом полотне видны нити и здравого смысла, и безрассудства.

В конце названия главы отсутствует знак препинания. Таким образом, заглавие носит многослойное значение, которое возможно воспринимать и как повествовательное, и как вопросительное или восклицательное предложение. В случае произнесения названия повествовательным тоном – «Как это ткётся» – создается эффект перечисления событий. Если в конце предложения поставить вопросительный знак или восклицательный знак – «Как это ткётся?» или «Как это ткётся!», то заглавие способствует разъяснению самого вопроса или причины, отчего возникли эмоции. Также уместно закончить предложение многоточием – знаком, употребляемым автором в конце всех названий подглавок¹ поэмы. В этом случае получается «Как это ткётся...», в чем прослеживается недоговоренность писателя. В любом случае, заглавие, как всегда, требует от читателей постоянного внимания и выяснения сути.

В эпиграфе, цитируя строки И. Бунина: «И ужели нет пути иного, / Где бы мог пройти я, не губя / Ни надежд, ни счастья, ни былого, / Ни коня, ни самого себя?»², – писатель помогает читателю точнее понять смысл заглавия. Название главы «Как это ткётся», прежде всего, воспринимается как вопрос, заданный лирическим героем. Ему хочется объяснить свой выбор пути в будущее, в котором он надеется увидеть счастье и благополучное решение личных проблем. Однако он глубоко сомневается в существовании такого пути. Заметим, что

¹ Применительно к поэме «Дороженька» А.И. Солженицына, подглавка – относительно законченный, самостоятельный фрагмент главы, отделяемый автором в печатном варианте от предшествующего и последующего фрагментов типографскими знаками «—» или «***», а в авторском чтении – паузами.

² *Солженицын А.И.* Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Время, 2016. Т. 18. Раннее. С. 122.

стихотворение Бунина создано в 1900 г. под названием «На распутье». В этих стихах, испытывая чувства, подобные чувствам лирического героя в «Дороженьке», поэт делится собственными сомнениями в светлом будущем. Заложенный в заглавиях поэтических произведений И.А. Бунина и А.И. Солженицына смысл реализует идею сложности жизненного пути.

В эпиграфе строки Бунина написаны по мотивам русских былин, что расширяет исторический горизонт в поэме. Затем в «Прусских ночах» эпиграф, цитируемый из «Слова о полку Игореве», также представляет историческую атмосферу, которая способствует восприятию читателей с точки зрения эстетики – «Потоптали храбрые поганых... / По полю рассыпавшись, что стрелы, / Красных дев помчали половецких»¹. В цитатах предсказываются бунтующий беспорядок в войне и катастрофические последствия после нее. А сама история, написанная в летописи, напоминает о походе русского войска в чужую землю, что, так или иначе, связано с образом дороги.

В главе «Как это ткётся» присутствуют оттенки полифонизма². Перебирая в памяти пережитые события, лица знакомых и незнакомых людей, герой погружается в размышления о правильности пути Революции: «Этот путь у Революции – один? неумолимо? / Или был – другой?..»³. При этом у него возникает странное ощущение, как будто он является единственным зрителем театральной сцены – «... И кажется: я в зале театральном, / Я сижу один. / <...> / Предо мной играют запрещённую в премьерe / Дивную, неведомую пьесу, – ...»⁴. В этом небольшом фрагменте многогранно проявляется мышление героя. В сцене присутствуют признаки декадентства и мистики, роли в которой исполняют «актеры, вставши из гробов»⁵. В сюжете явно виден философский взгляд героя на направление хода истории, а также его мнение о силе и слабости личности с точки зрения политолога и социолога. Свои мысли герой, как и прежде, направляет на

¹ Там же. С. 141.

² Бахтин М.М. Проблема поэтики Достоевского. М.: Советский писатель, 1963. С. 13.

³ Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Время, 2016. Т. 18. Раннее. С. 135.

⁴ Там же. С. 136.

⁵ Там же. С. 136.

выяснение исторической правды, а также размышляет о путях развития русской истории.

Необходимо отметить, что Солженицын нечасто использует стиль изложенных выше строк в поэтических произведениях, однако именно он помогает автору добавить поэме выразительности и позволяет более точно передать ощущения героя. В результате, впечатления героя от театральной сцены в произведении воплощаются во множество мыслей. С другой стороны, этот стиль помогает автору выделить волнующий его вопрос – «Как это ткётся?», на который герой ищет ответ.

Название заключительной главы – «Дым отечества» – напоминает известную строку: «Отечества и дым нам сладок и приятен» из стихотворения Г.Р. Державина «Арфа». Строка, прославившаяся комедией А.С. Грибоедова «Горе от ума», цитируется многими писателями. В «Дороженьке», цитируя строки Пушкина «Москва... как много в этом звуке / Для сердца русского слилось! / Как много в нём отозвалось!»¹, автор передает сложное настроение арестованного героя, для которого дорога в Москву связана с большим количеством переживаний; в ней предвидится роковая судьба арестанта. Это дорога, по которой герой возвращается из-за границы на Родину, именно на ней происходит его последнее прощание со свободой перед заключением в тюрьму. И на этой дороге он с отчаянием видит убогую жизнь русского народа и немощь страны. Испытывая страдания из-за судебной несправедливости, герой четырежды повторяет один и тот же вопрос: «За что я тебя люблю?»² [тебя – Россию. – Б. Я]. Герой глубоко разочарован тем, что усердие и стремление его поколения изменить страну в лучшую сторону не принесло результатов. В результате он задает мучающий его вопрос: «Да где ж ты была, Дороженька? / Да как же тобой шагать?»³.

¹ Там же. С. 191.

² Там же. С. 200.

³ Там же. С. 203.

Путь к Марфинской тюрьме лирический герой снова назвал «Владимирка каторжан!...»¹ – дорога многострадальной России, – дорога, превратившаяся из «Шоссе Энтузиастов»². Повторение образа Владимирки перекликается со строками из «Зарождения». Оно подчеркивает не только муки героя, но и страдания страны. Оно также требует объяснения причин грандиозного разрушения в стране и объяснения истоков несчастий русских людей.

Для героя дорога арестанта завершается там, где стоит корпус Лубянки: «Лежат две прекрасные нимфы / Над Домом Конца Дорог...»³. Во второй цитируемой строке каждое написанное автором слово начинается с прописных букв. Прописные знаки символизируют пограничную линию между тюрьмой и внешним миром. Зрительно строка обращает на себя внимание. В ней обозначен конец дороги и подчеркнута угнетающая атмосфера тюрьмы. Однако там, где заканчивается дорога арестанта, начинается дороженька заключенного, отождествляющая жизненный путь героя. В ней рождается воспоминание зэка о прошедших событиях его жизни. Таким образом, в содержании поэмы наблюдается некая цикличность, которая ориентирует читателя на предыдущие сюжеты перед началом изложения новой истории.

«Дороженька» имеет также некоторые признаки текста мемуарного характера, связанные с воспоминаниями лирического героя. Герой пытается осмыслить исторический контекст своего жизненного пути и вписать свои действия в общий исторический процесс. Подобная мысль явно просматривается в пяти подглавках, являющихся переходными частями между главами. В этих фрагментах изложены воспоминания героя в процессе переосмысления прошедших событий. В течение продолжительного времени память героя добавляет новые подробности в изложенные ранее сюжеты. Не во всех подглавках указано точное время и место происходивших событий. Тем не менее их последовательность помогает понять, что они являются воспоминаниями

¹ Там же. С. 203.

² Там же. С. 203.

³ Там же. С. 206.

заклученного человека. Цепь событий, представленная автором через воспоминания, дает новые ракурсы для понимания пережитых им событий.

Мнение героя в значительной степени учитывает точку зрения историка и философа, что позволяет открыть иные возможности для понимания тогдашних происшествий. Оно присутствует в качестве закадровых комментариев лирического героя, выражая его эмоциональное состояние глубокой задумчивости.

Следует отметить, что, в отличие от названий глав, все имеющиеся названия подглавок заканчиваются многоточием: «Нет, не тогда...» (подглавка второй главы), «Что дважды два...» (подглавка четвертой главы), «В день, когда узнал...» (подглавка пятой главы), «Пусть бьются строки...» (подглавка седьмой главы) и «Где ты, детство чистого...» (подглавка девятой главы).

В соответствии с содержанием поэмы употребление многоточия в конце названий подглавок позволяет визуально объединить их содержание, упорядочить структуру стихотворной организации поэмы и на этой основе создать целостное, глубокое восприятие мотива пути-дороги.

В поэме используются авторские приемы, усиливающие визуальное восприятие текста. Путем применения различных стихотворных форм в «Дороженьке» писатель стремится выровнять строки по центру. Несмотря на разнообразие вариантов организации текстов, произведение в целом выглядит в виде тропинки. Возьмем в качестве примера речь героев поэмы. Реплики и диалоги героев занимают большой объем произведения. Живая речь героев ускоряет развитие сюжетов, и, в то же время, привносит разнообразие в модель текстов. В их репликах писатель активно использует стихотворные строки в виде «лесенки», что позволяет создать ассоциацию с «Дороженькой» в уменьшенном масштабе.

Кроме того, необычное расположение между абзацами и частями также напоминает об образе дороженьки. Яркий пример представляется в главе «Медовый месяц». В ней применено разное стихостроение к сюжетам: чередуются длинные четырехстопные, пятистопные строки и короткие

двустопные строки, которыми по содержанию зрительно различаются сюжеты. Очень часто писатель переставляет отдельные слова, несущие важную смысловую нагрузку, в предыдущие строки, чтобы подчеркнуть противопоставление с прежним или наметить связь с будущим содержанием.

В этой главе также представлены разные вставные конструкции, в том числе жалоба жены лирического героя и стихотворение под названием «Моему поколению», в котором герой произносит обращение к своим ровесникам. Заметим, что «Моему поколению» представляет собой произведение, написанное лирическим героем, которое включено в поэму, как стихи в стихах.

Особенности стихотворной метрики «Дороженьки» подробно рассмотрены Г. Васюточкиным. «Дороженька», по замечанию исследователя, являет собой настоящую «энциклопедию размеров русской силлаботоники»¹. В ней содержатся ямбы, хорей, дактили, анапесты, амфибрахии и другие стихотворные размеры. «Хорей – от одно до десятистопного; <...> ямбы – вплоть до восьмистопного; трехсложные размеры – дактили от одностопного до пятистопного; <...> анапесты, включая «главный» – четырехстопный, амфибрахии – двух-, трех и четырехстопные, многие разновидности урегулированного дольника...»². В «Дороженьке» в одной и той же главе были использованы несколько разных стихотворных размеров; эти разные размеры не только разделяют сюжетное развитие в поэме, но и играют большую роль в организации структуры стихотворений. Они, как отмечает Г. Васюточкин, подчеркивают музыкальность стихотворений, помогают постигать сюжетное развитие и изменение сквозь все произведение, также влияют на визуальное читательское восприятие. И благодаря таким приемам восприятие поэзии Солженицына принципиально отличается от восприятия его прозы.

Стоит особенно заметить, что в поэме авторские ремарки наглядно предстают на протяжении всего произведения. Речь, в большинстве случаев, идет об особой визуально-графической организации стихотворного текста. Прием

¹ *Васюточкин Г.С.* «Дороженька» Александра Солженицына [Электронный ресурс] // На перевале тысячелетий: страницы публицистики. СПб.: Изд-во Александра Сазанова, 2011. С. 356-363. URL: http://www.solzhenitsyn.ru/o_tvorchestve/articles/works/index.php?ELEMENT_ID=1476 (дата обращения: 25.02.2017).

² Там же. С. 357.

графического выделения слов в художественном тексте является одним из средств дополнительного авторского воздействия на читателя и способом полускрытого декларирования собственных взглядов. Писатель заостряет внимание на важных моментах, выделяя слова курсивом, разными шрифтами и т.п.

В поэме «Дороженька» присутствует изменение единого стихосложения, в том числе изменение количества стоп, использование разных шрифтов; слова, написанные прописными и строчными буквами, и, слова, разделенные на несколько частей через тире или с пробелами. В поэме применены разные варианты сокращения слов, которые, чаще всего, напоминают определенные исторические периоды или персонажей. Присутствуют слова, написанные курсивом, которые требуют объяснения скрытых в них смыслов; чаще всего, помимо основных смысловых значений, в повествовании эти слова выражают рассуждения автора. В поэме также проявляется авторская пунктуация, обеспечивающая единство композиционной структуры поэмы.

Рассмотрим некоторые фрагменты произведения с позиций их графического оформления.

В главе «Медовый месяц» фрагмент о поездке домой после свадебного путешествия состоит из 53 двустопных строк. Каждая строка включает от одного до трех слов. Соответственно, в этих строках содержится гораздо меньше количества слогов, чем в предыдущих и в последующих строках. Визуально целый фрагмент представляется в форме узкой полосы, что ассоциируется с образом тропинки. С одной стороны, в соответствии с сюжетом, строки образно открывают картины возвращения героев домой; с другой стороны, короткие строки обогащают ритмическое строение, в котором прочитывается ощущение торопливости в пути.

Практически во всех произведениях Солженицына слова, написанные курсивом, требуют повторного чтения. В отличие от других произведений, в «Дороженьке», кроме отдельных слов и словосочетаний, существуют и целые строки, выделенные курсивом. Эти строки представлены в эпиграфах, во фразах,

цитируемых из песен, лозунгов, и в предложениях, на которых автор акцентирует внимание. В качестве примера рассмотрим в главе «Беседь» цитируемый автором лозунг: «*“Смерть за смерть и кровь за кровь”*»¹. Прежде всего, в сюжете строка несет прямую смысловую нагрузку. В то же время, как лозунг, строка дополняет исторические детали. Более того, эти слова подчеркивают жестокость войны; заставляют размышлять о моральных нормах в последующем событии. Стоит отметить интересный факт: в романе «В круге первом» один из главных героев – Лев Григорьевич Рубин – был арестован именно потому, что агитировал против этого лозунга.

В поэме Солженицын активно использовал все знаки препинания. В композиции знаков раскрывается необычная семиотическая система. Например, автор многократно корректирует ритм строк с помощью тире. Нередко в репликах героев прослеживается необычное сочетание и повторение знаков: «!..», «!!», «!!!», «?!», «?..», «?...», «??», «???». Писатель старается усилить эмоции, испытываемые героями. Иногда с помощью чередования разных знаков строки объединяются по содержанию визуально. И бывает наоборот, когда некоторые строки остаются отделены от остальных сюжетов именно через использование знаков препинания.

Яркий пример наблюдается в главе «Прусские ночи». В нем существует строка, написанная многоточием: «.....»². По сюжету, из-за неправильного восприятия мысли командира солдаты убили человека. Многоточие представляется как лирическое отступление; в нем передается переживание героя об убитой невинной девушке. Строка также представляет контраст с быстротой развития предыдущих действий. Эти знаки воспринимаются как многозначительное молчание; в них писатель старается донести мысль о том, что в безумной войне человеческая жизнь порой оказывается ничтожной. Разумеется, строка, составленная из многоточий, также приносит ритмическое обогащение.

¹ Там же. С. 78.

² Там же. С. 171.

Поэме присуща особая музыкальность. Неоднократно, по ходу сюжета, герои с настроением подпевают слова песен. Песни полностью соответствуют атмосфере сюжета; они помогают понять настроение героев, во многом предсказывают их судьбу и развитие сюжетов. Это достаточно отчетливо видно в главе «Ты, кого всего сильнее...», в которой рассказывается история семьи Лялиной, подруги детства лирического героя.

Кроме заглавия и эпитафия, с небольшими изменениями писатель еще дважды использует слова из «Магараджа», – романса 1920-ых годов: *«Ты, кого всего сильнее / В мире любишь ты, – убей! / Ты мне так сказал, / Ты мне приказал, / Ма – га – ра – джа!»*¹. В эти строки автор вкладывает предсказание о несчастье в Лялиной семье: Олег Иванович Федоровский, схваченный чекистами, исчез, его теща разбита параличом. Миша, Лянин брат – «...На коньках / Упал – ударился – сгорел от менингита»²; Ляля тяжело заболела, а вскоре и Джемелли, Лянин жених, арестован.

Смысл других строк, взятых автором из романса «Вам девятнадцать лет»: *«Вам девятнадцать лет, у вас своя дорога, / Вы можете смеяться и шутить!.. / А я старик седой, я пережил так много...»*³, – совпадает с содержанием прощального письма Джемелли любимой девушке, в котором он просит у Ляли прощения и пытается ободрить ее.

Слова романсов выступают пророчеством роковых событий в жизни героев. Песенные строки придают дополнительную выразительность речи героев, привносят в нее ритмическое разнообразие; в то же время восстанавливают историческую достоверность поэмы, в целом расширяют горизонт восприятия сюжетов.

Писатель сознательно подчеркивает музыкальность в «Дороженьке», что ярко представляется в заключительной главе – «Дым отечества». В версии «Протеревши глаза» в начале главы представлены стихотворные строки с нотами в виде авторской машинописи, ритм которых подражает качанию поезда по

¹ Там же. С. 59-60.

² Там же. С. 65.

³ Там же. С.64.

рельсам. С той же целью сквозь всю главу писатель старается максимально держать стихотворный размер, близкий амфибрахию. Звукоподражание ритмическим способом создает ассоциацию с образом железной дороги. Подобной ритмической раскладкой пронизана вся глава. Это способствует яркой передаче развивающейся мысли героя и его сложной внутренней психологии в арестантском пути. В сюжетах некоторые строки повторяются, что сочетается с ритмическим повторением, и таким образом подчеркивает некую задумчивость героя и объясняют паузы в его размышлениях.

Поэма предполагает акустическое восприятие читателей. Ее фонетическая составляющая выражается в разнообразных формах. Авторское исполнение поэмы в наибольшей степени передает необыкновенную мелодию произведения. Во время чтения заключительной главы большую часть стихотворных строк писатель пропевает, нежели их читает. Напев усиливает ритмическое восприятие произведения, создает ощущение, подобное нахождению в пути. Таким образом, напев облегчает восприятие пространства, в котором герой находится физически.

Заметим, что в сюжете пространство поделено на две части: внутри вагона и вне его. Атмосфера внутреннего пространства определяется отношениями между пассажирами, в том числе и отношениями между конвоирами и арестантом. Внешнее пространство вагона неизмеримо более обширно. Оно щедро демонстрирует герою быстро меняющиеся картины страны, наблюдение которых дает ему богатую пищу для размышления. Пребывание в этих двух пространствах определяет направление мыслей героя – о том, как его собственная судьба связана с судьбой России.

Во время чтения стихов самим А.И. Солженицыным можно заметить двукратное изменение стиля исполнения. В этой главе писатель зрительно разделит содержание на три части. Ближе к концу первой части герой явно испытывает глубокое разочарование; он своими глазами видит Родину, которая сильно отличается от того священного образа, который был всегда ему близок. Стиль исполнения автором этого фрагмента позволяет подчеркнуть силу эмоций и направление мыслей героя – он не столько волнуется о собственной судьбе,

сколько переживает о судьбе России. В конце поэмы в заключительной части главы герой прибывает на Лубянку. В авторском чтении стиль исполнения снова меняется и переходит от напева к декламации. И вот, наконец, исчезает ощущение пути, и завершается арестантская дорога к тюрьме.

Добавим, что особая музыкальность поэмы также активно проявляется на языковом уровне. Во фрагментах присутствуют строки на иностранных языках: немецком, французском, латинском, английском. Также есть фразы, произнесенные персонажем с украинским акцентом. Во многих местах писатель использовал необычную звукопись, таким способом подчеркивая речь героев, в которой отчетливо представлена их личность.

Важно уточнить, что существуют разные редакции «Дороженьки». В вариантах наблюдается небольшая разница в сюжетных ходах и структурной организации поэмы. Сопоставление редакций поэтических текстов позволяет более детально определить творческое развитие авторского замысла.

Кратко история публикации «Дороженьки» выглядит следующим образом. Впервые отрывки из главы «Прусские ночи» были опубликованы в немецкой газете «Die Zeit» без уведомления автора в декабре 1969 г. Позже, в 1974 году, глава девятая – «Прусские ночи» – была издана в качестве отдельной поэмы издательством YMCA-Press в Париже на русском языке. Тем временем в СССР «Прусские ночи» пользовались известностью среди самиздатских произведений.

На сегодняшний день читатели имеют возможность познакомиться с разными изданиями произведений Солженицына лагерных времен, в т.ч. с упомянутым сборником «Протеревши глаза», выпущенным издательством «Наш дом – L'Âged'Homme» в 1999 г., сборником «Дороженька» (по названию поэмы), изданным «Вагриусом» в 2004 г. В 18 томе 30-томного собрания сочинений писателя, выпущенного «Временем» в 2016 г., под названием «Раннее» опубликованы стихотворные произведения. Также существует упомянутое нами электронное издание авторского чтения «Дороженьки», подготовленное «Концерном «Группа СОЮЗ» в 2010 г.

В каждом из перечисленных нами изданиях присутствуют редакторские изменения, непосредственно влияющие на восприятие образа пути-дороги.

Наглядный пример находим в «Прусских ночах», изданных YMCA-Press (1974). В коротких репликах беседы между русским и немецким солдатом слова немца написаны германской транскрипцией. В позднее опубликованных версиях эти слова напечатаны русской графикой. Таким образом, писатель акцентирует внимание на восприятии русского человека. Подобный эпизод является одним из многочисленных событий, поразивших фронтовиков, что в целом наполняет картину пути-дороги, пройденной лирическим героем. В отличие от отдельной поэмы «Прусские ночи», в «Дороженьке» писатель предпочитает усилению эффектности визуального восприятия лексического многообразия целостное создание образа пути-дороги.

Приведем и другой пример. В издании «Вагриуса» (2004) писатель сократил следующий фрагмент, позже снова добавленный в авторском чтении «Дороженьки» (2010): «Цвай-унд-цванциг, Геринг-штрассе¹. / Дом не жжён, но трёпан, граблен. / Чей-то стон, стеной ослаблен/ Мать – не на смерть. На матрасе – / Рота? взвод ли побывал? – / Дочь-девчёнка наповал./ Сведено к словам простым: / *Не забудем! Не простим!* «Кровь за кровь и зуб за зуб». / Девку – в бабу, бабу – в труп. / Окровлён и мутен взгляд. / Просит: «Тёте мих, зольдат!» / Уж – темна. Не видно ей: / Я – из них же, я–то – чей? / Нет для вас больниц, врачей. / Сплав стекла в местах аптек. / День сереет. Тает снег...»². В этих строках наблюдаются шрифтовые выделения и пунктуационные изменения. В издании YMCA-Press вместо строчных букв, написанных курсивом, большая часть строк – «НЕ ЗАБУДЕМ! НЕ ПРОСТИМ! / КРОВЬ ЗА КРОВЬ и зуб за зуб!»³ – представлена заглавными буквами. Предложение заканчивается вместо точки восклицательным знаком.

¹ В версии, изданной YMCA-Press, эти строки написаны на немецком языке – «zwei und zwanzig, Höringstraße». См.: *Солженицын А.И.* Прусские ночи: поэма. Paris: YMCA- Press, 1974. С. 25.

² *Солженицын А.И.* Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Время, 2016. Т. 18. Раннее. С. 153-154.

³ *Солженицын А.И.* Прусские ночи: поэма. Paris: YMCA- Press, 1974. С. 25.

В версии, изданной «Наш дом – L’Aged’Homme», во второй строке существует небольшое изменение в пунктуации – «Кровь за кровь, и зуб за зуб». См.: *Солженицын А.И.* Протеревши глаза. М.: Изд-во «Наш дом – L’Aged’Homme», 1999. С. 129.

Так же, как и в предыдущем примере, в последней авторской редакции эти строки детально восполняют общую историческую атмосферу, которая позволяет правдоподобно представить крайнее бедствие и жестокость войны, погубившие человеческое счастье. Лозунги, представленные курсивом, зрительно не отделяются от остальных частей стихотворного текста, что в процессе чтения, в большей степени, способствует созданию ощущения человека *в пути*, а не только подчеркивает эмоции отдельных героев.

Именно по этой причине объясняется и другое редакционное изменение в «Прусских ночах». В издании YMCA-Press фраза «...ИМЕНИНЫ/ НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА!»¹ представлена заглавными буквами, в остальных же версиях дана обычным шрифтом.

Поэма «Дороженька» прошла весьма долгий путь: от стихотворения «Прусские ночи», изданного YMCA-Press (датированного автором 1950 годом), до последней авторской редакции (авторского чтения произведения). В каждом новом издании обнаруживаются дополнительные ресурсы совершенствования воплощения творческого замысла писателя.

В частности, структурное, визуальное обновление произведения наблюдается и в последней, осуществленной уже после публикации «Временем» в 2016 г. В ней после послесловия «Дороженьки» добавлен ранее неопубликованный отрывок, что также способствует постижению тяжелого пути возвращения лирического героя на Родину. В этом фрагменте рассматривается начало арестантской судьбы героя. Отрывок остался без названия, однако он послужил переходным звеном от «Дороженьки» к «Тюремно-лагерно-ссылным стихам». В нем также наглядно проявляется тема дороги. Благодаря этому отрывку поэма «Дороженька» и лагерные стихи композиционно объединены, что позволяет читателям более четко ощутить единое творческое поле писателя, охватывающее произведения 1950-1960-х годов.

Итак, образ «дороженьки» – это метафора, олицетворяющая путь лирического героя. На этом пути в центре внимания находится личностный рост

¹ Солженицын А.И. Прусские ночи: поэма. Paris: YMCA- Press, 1974. С. 9.

человека; герой стремится к собственному счастью, стремится к постижению причин несчастья России, старается выяснить значимые факторы, которые определяют судьбу страны.

Этот путь – безусловно, и зеркало биографии писателя. Автор воплощает его в поэтических строках. Он повествует о юных днях и военных годах героя. Своим рассказом герой оживляет русскую историю этого периода. Главный образ рассказа – «дороженька», по которой герой пришел в тюрьму и которая на будущее готовит ему более строгое жизненное испытание. Герою принципиально важно понять, суждено ли ему пройти этот сложный путь, поскольку он постоянно велит себе: «Я ношу <...> заряд историка / И обязанности очевидца»¹. Именно поэтому герой вспоминает события с особой точностью; с их помощью он ищет разумное объяснение всему происшедшему и пытается заглянуть в будущее. Через личный опыт и изучение истории герой размышляет не только о своей судьбе, но и о судьбе России и судьбе народа.

В «Дороженьке» автором представлены понятия и образы, глубоко укоренившиеся в миропредставлении русских людей. Типичным примером является герой – человек, ищущий свой путь, движимый собственной внутренней силой; его душа не подчиняется воздействию извне. Образ дороги имеет многогранные связи с русской культурой. Дорога может предстать и в виде Владимирки – ссыльной дороги, и в виде Беседь – речной дороги; это может быть дорога, через которую возвращаются домой, и дорога, которая ведет к тюрьме. В то же время «Дороженька» воплощает в себе продольный разрез русской жизни 1920-1930-х годов; именно на ней происходят основные социальные события, а поведение художественных персонажей отражает ментальность русских людей. Заглавный образ дороги стал не просто пронизывающей нитью на тематическом уровне, но и одним из определяющих структурное единство и стилистическую оригинальность мотивом.

Идея пути-дороги пронизывает поэму на протяжении всего повествования. Она в разнообразных формах проявляется в главах, в заглавиях и эпиграфах,

¹ Там же. С. 123.

между строк и абзацев. Эта идея представлена также и между главами в переходных подглавках, что усиливает ассоциацию с образом «дороженьки». Необычное стихосложение поэмы и ее особый ритмический склад удачно сочетаются с различными стилями изложения, придают поэме мелодичность. Мелодия поэмы служит постоянным напоминанием о том, что лирический герой находится в пути. Кроме того, идея пути-дороги ярко выражена структурно-типологическими парадигмами, в том числе в авторской орфографии и пунктуации, на что будет обращено внимание в дальнейшем исследовании.

ГЛАВА 2.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В РАННЕЙ ПРОЗЕ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА

2.1. Вопросы духовной жизни русских людей в прозе писателя

Духовная жизнь русских людей постоянно находится в центре внимания А.И. Солженицына. Писатель изображает ее в различных аспектах. Чаще всего она проявляется через христианское мировоззрение, укоренившееся в понимании русских людей, хотя автор и не ограничивает эту тему религиозными рамками. Эта обладающая целостностью духовность представлена в быту и различных сферах активности народа, в природе и в размышлениях интеллигенции о судьбе страны. Через духовное восприятие героев отражается их мнение об определяющих, исторически значимых событиях и явлениях, происходящих в окружающем мире.

Духовное восприятие героев Солженицына формирует их мнение об основных социально-политических событиях и явлениях того времени; в них отмечается понимание героями смысла жизни. Свой духовный запрос они отождествляют с поиском, проясняющим их внутреннюю принадлежность и воплощающимся в конкретных действиях по формированию нравственного облика и душевного покоя. Писательские размышления о духовных вопросах оказываются в области поисков корней национального самосознания. Поэтому в его произведениях наблюдается особенное духовное и душевное состояние русских людей, включающее в себе необыкновенный нравственно-философский и культурно-эстетический состав ментального пространства.

В изображении духовного мира своих героев писатель обращает особое внимание на христианскую веру. Она проявляется не только в жизни героев, но и незримо присутствует в многочисленных образах, обладающих символическим значением в христианской культуре. В произведениях Солженицына церкви

находятся в числе образов, проникнутых высокой духовной ценностью; они имеют большое этическое и эстетическое значение. Среди произведений 1950-60-х гг. образы церквей и колоколен наглядно представлены в более ранних произведениях, таких как «Один день Ивана Денисовича», «Матренин двор», «Захар-Калита», «Пасхальный крестный ход», «Крохотки» («Озеро Сегден», «Прах поэта», «Путешествие вдоль Оки»). В автореферате: Позже церковь многократно появляется в «В круге первом», в ранней поэме «Дороженька».

В романе «В круге первом» церкви в основном показаны в разрушенном, заброшенном виде; только в воспоминаниях героев сохранилась святая слава Церкви. 25-я глава имеет название «Церковь Никиты Мученика». Автор описывает, как после ночной встречи с министром Абакумовым Яконов был растерян; он отпустил шофера и бесцельно бродил по набережной в Москве. Глубокая тишина и густой туман, накрывший город, углубляли ощущение одиночества; не с кем было поделиться своим состоянием и сокровенными мыслями. В этой прогулке ему хотелось рассеять душевную тяжесть. Между тем дорога привела его к заброшенной церкви Никиты Мученика. Память обратилась в далекое прошлое; он вспомнил, как 22 года назад побывал в этой церкви с Агнией. Яконов испытал сильное удивление; он недоумевал, откуда могла появиться сила, которая смогла разрушить все прежнее до неузнаваемости.

Фрагмент содержит подробное описание внешнего вида церкви: «На каменных плитах двора лежали жёлтые и оранжевые листья дуба. Едва не в сени того же дуба стояла и древняя шатровая колоколенка. Она и прицерковный домик за оградой заслоняли закатное уже низкое солнце. В распахнутых двустворчатых железных дверях северного притвора согбилась нищая старушка и крестилась доносящемуся изнутри золотисто-светлому пению вечерни»¹.

В этом фрагменте употреблены различные эпитеты. Каждое из художественных определений дополняет деталями вечерний пейзаж, и в целом они насыщают духовную атмосферу церкви. В картину привносится некий

¹ Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Время, 2011. Т. 2. С.169.

старинный обычай из русской жизни, возникает чувство вековой мудрости и покоя.

В этом фрагменте привлекает внимание также цветовая гамма картины; в ней преобладают желто-оранжевая и желто-золотистая тональности. Желтый цвет, в сочетании с окружающим пейзажем, помогает ощутить возвышенные духовные эмоции и воспринять их как светлое ощущение добра и тепла.

На территории церкви Яконов наблюдал пейзаж, от которого у него захватило дух. Он видел белокаменную лестницу, ведущую к Красной площади, видел Москву-реку: «Река горела на солнце. Слева лежало Замоскворечье, ослепляя жёлтым блеском стёкол, <...> резные контуры Кремля, а ещё дальше пламенели на солнце пять червонно-золотых куполов храма Христа Спасителя»¹. Благодаря необычному расположению церкви вид столицы раскрывался с высоты. Именно с этого места Яконов восхищался священной красотой Москвы. При свете заката желтый цвет развернулся как огромный фон, на котором представилась панорама города. Этот цвет разлился солнечным светом пронзительной силы; он гармонично соединился с православной церковной архитектурой, с золотой игрой солнечного луча и с благозвучием колоколов и пения.

Однако иногда этот сияющий желтый цвет, согревающий души людей, может вызвать легкую грусть. Агния, словно продолжение этого цвета, неподвижно сидела «в жёлтом свете и в жёлтой шали»². Ей удалось предсказать печальную судьбу столичного храма, что церковь «снесут»³, и подобное божественное видение однажды явилось Яконову: она «уходит»⁴. Уходят также и старинный русский обряд и обычай.

Агния – образ женщины с благородной душой; в нем видны неземные черты характера, присущие ангельскому началу. Это девушка, обладающая утонченным восприятием, чувствует жизнь, замечает в ней необычное, на что люди смотрят «замыленным» взглядом. Именно она помогла Яконову увидеть вечернюю

¹ Там же. С. 169.

² Там же. С. 170.

³ Там же. С. 170.

⁴ Там же. С. 169.

красоту столицы. И услышав церковный канон, Яконов впервые в жизни ощутил великолепие этого моления, почувствовал его могучую силу и благородное обаяние.

В главе 44 также присутствует образ церкви. В этой главе Иннокентий с Кларой совершили прогулку в деревню под названием Рождество. Впервые услышав «необычное <...> название» деревни¹, молодые люди испытали небольшое удивление и захотели выяснить, почему деревне дали такое название. Спустя некоторое время им удалось узнать у прохожих, что здешняя разрушенная церковь также носит название «Рождество». После этого Иннокентий погрузился в раздумье: «...два Рождества... / <...> / Наше и западное»².

По сюжету церковь возникла на пути прогулки молодых людей. Сначала герои увидели церковь издалека, это была «тёмно-кирпичная церковь с колокольной»³. Приблизившись, выяснили, что единственной уцелевшей частью церкви является труднодоступный купол колокольни⁴. От разбитого алтаря сохранился всего лишь корпус церкви, ободранный от жести; и два креста стояли на своих местах. Вокруг церкви не осталось «ни ограды, ни двора»⁵, и вся земля была разрыта до неузнаваемости. Поблизости от церкви был устроен скотный двор, и до церкви доносился его зловонный запах. Пожалев, что так близко подошли к церкви, Иннокентий с Кларой поспешили удалиться от нее. Дремучие деревья почти скрыли израненное тело церкви. Тем не менее, церковь, стоящую на вершине горы, было видно издалека. Множество ласточек и других небольших птичек, гнездившихся в прорехах разломанной колокольни, порхали вокруг и оживляли старую церковь. И церковь как будто очнулась от долгого сна, из которого ее вывел донесшийся из соседней церкви колокольный звон.

Вид церкви вблизи составлял большой контраст с ее видом издалека, и Иннокентий был впечатлен ее заброшенностью. Этот образ разбитой церкви и был образом разбитого Рождества. В названии церкви заключено более глубокое

¹ Там же. С. 306.

² Там же. С. 309.

³ Там же. С. 301.

⁴ Там же. С. 307.

⁵ Там же. С. 307.

значение, которое косвенно объясняется в словах Иннокентия: Рождество является праздником, символизирующим православную традицию. Соответственно, заброшена была не только церковь, но забытыми оказались культура и обычаи русского народа.

Помимо описания церкви Рождества, писатель уделит внимание деталям, которые позволяют восстановить картины исторических событий, а также получить еще одну точку зрения для восприятия общественного настроения того времени. Например, по сюжету становится известно, что церковь закрыли в 1920-х гг.; соседнюю летнюю церковь разобрали на кирпичи; прикатали сотни военнослужащих на машинах; по нарядам героев местные поняли, что «в них особый сорт начальства»¹ и многие другие эпизоды. Черета подобных мелких событий прямо указывает, что на русской земле все меньше остается места прежней духовности, которую постепенно вытесняет осторожность в поведении людей и напряжённость в социальной сфере.

В сюжете слово «Рождество» имеет многослойное значение. Безусловно, оно добавляет рождественский мотив в произведение, а также тему рождения и воскресения. И в сюжете о церкви Рождество в руинах разломанной колокольни рождается новая жизнь, и из соседней церкви снова доносится колокольное благозвучие. Заметим, что в произведениях Солженицына колокольный звон, как правило, наделен необычными музыкальными качествами; он символизирует гармонию и вековую христианскую мудрость. Колокольный звон делает акцент на нравственном достоинстве героев и духовной целостности окружающего мира и, в то же время, привносит в сюжет лирическое и религиозно-философское начало.

Попробуем представить природную картину, который видели герои во время прогулки. В самом начале пребывания в деревне перед глазами молодых людей раскрывается залитый солнцем простор; это необозримая безлюдная площадь, в центре которой раскинулась живописная русская природа, с которой Иннокентий за всю свою жизнь так и не успел близко познакомиться.

¹ Там же. С. 308.

Разглядывая это восхитительное зрелище, испытывая радость и жмурясь, Иннокентий спрашивал: «Так это – Россия? Вот это и есть – Россия? – <...> я ведь представляю Россию, но я ведь её не-пред-ставляю!»¹. Затем герои прошли по тропинке, и перед ними возникла «странная бодрая свежая куца крутых высоких деревьев»², которая украшает весь простор. Подойдя поближе, увидели рощу больших старых берёз, посаженных ровным обводным прямоугольником; она удивительно так стояла «ни к чему не относясь, сама по себе»³. И там же в тени берез тихо лежало кладбище.

В самой природе царили спокойствие и жизненная сила. Иннокентий рассматривал пейзаж с тихим вдохновением, он расслабился и ощутил внутреннее облегчение. Это ощущение легкой радости на душе приятно удивило Иннокентия: «Как просторно!»⁴. В то же время он с легкой печалью заметил свою отчужденность от русской земли, которая бывает из-за редкого общения с Родиной. Уход от служебной суеты и мелких повседневных неприятностей и сближение с природой позволили Иннокентию сосредоточиться на своих внутренних ощущениях. Прогулка в Рождестве фактически стала новым знакомством Иннокентия с родной землей. И эмоциональный подъем героя вполне соответствует идее его возрождения.

Прогулка в Рождестве в дальнейшем серьезно повлияла на судьбу Иннокентия. Общение с Кларой подсказало Иннокентию мысли, которые подтолкнули его встретиться с тверским дядей. И он впервые рассказал Кларе о том, что первый круг – это отечество; второй круг, более широкий – это человечество⁵. Через некоторое время после встречи с дядей он узнал о схожих мыслях Герцена: «где границы патриотизма? Почему любовь к родине надо распространять и на всякое её правительство?..»⁶. Тем не менее, размышления Иннокентия во время прогулки не привели его к пониманию, какую позицию ему необходимо занять по отношению к Родине и к Отечеству, а точнее – на чьей

¹ Там же. С. 302.

² Там же. С. 302.

³ Там же. С. 303.

⁴ Там же. С. 304.

⁵ Там же. С. 313.

⁶ Там же. С. 441.

стороне надо стоять: на стороне России, которая состоит из таких деревень, как Рождество, или на стороне России, которую представляет сталинское правительство. Несмотря на то, что Иннокентий в детстве не получил религиозного воспитания, он все-таки хотел определить свою духовную принадлежность. Таким образом, подобная духовность проявляется, прежде всего, в результате внутреннего самоопределения.

Как замечено многими мыслителями, душа русских людей имеет сильную связь с природой. В произведениях А.И. Солженицына природа, обладающая бесконечной жизненной энергией, очищает душу человека. Свежесть природы способствует обновлению мысли, а бескрайнее пространство освобождает чувства. В романе не только Иннокентий испытывал душевный подъем от соприкосновения с природой, многие другие герои тоже чувствовали ее силу. Например, в произведениях Солженицына часто встречается картина снежного пейзажа и небольшими штрихами образ снега в разных вариациях, что помогает автору точнее показать психологическое состояние и чувства героев¹. В главе 72 романа после длительной работы Рубин был разбит от сильного напряжения и усталости, он испытывал мучительное раздражение от накопившихся мыслей. В состоянии стресса и безутешного горя он ощущал дикую боль в голове. На пути к фельдшеру, покрываясь «щедрыми белыми хлопьями»², Рубин пришел в себя от помутнения сознания и приободрился, «и душа его приобщи́лась к свежести мира»³.

Образ русской природы прекрасно отображен и в творчестве Кондрашёва-Иванова в картинах «Первый снег», «Изувеченный дуб» и «Замок святого Грааля», так и в упомянутой художником картине «Русь уходящая»⁴. Подчеркнем еще раз, что народ неотъемлем от природы; вспомним, как сильно Спиридон любил русскую землю.

¹ Петрова М.Г. Судьба автора и судьба романа // Солженицын А.И. В круге первом / Изд. подготовлено М.Г. Петровой. М.: Наука, 2006. С. 709-710.

² Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Время, 2011. Т. 2. В круге первом. С. 522.

³ Там же. С. 523.

⁴ Там же. С. 535, 585.

Следует заметить, что во многих своих произведениях Солженицын активно использует библейские мотивы, в том числе мотив Рождества, мотив Ковчега, мотив Спасения и Воскресения. В контексте мотива Рождества, к которому относится прогулка в деревне Рождество, многие центральные события романа происходят в ограниченный отрезок времени меньше трех суток: с 24 декабря по 27 декабря 1949 г. – в период Рождества по европейскому календарю. Более того, в сюжете сообщается о том, что на новогодний праздник в Марфино начальство разрешило поставить елку, арестанты украсили ее игрушками, сделанными своими руками; немцы и латыши также по-своему отметили Рождество. И в одном из эпизодов Хоробров требовал от дежурного надзирателя, чтобы «ёлку нам оставили до православного Рождества! Ёлка – это Рождество, а не Новый год!»¹.

Вернемся к созданным в романе образам церкви. Типичная картина: заключенные живут в бывшей семинаристской церкви, причем это место закрыто от внешнего мира. В воскресные вечера здание Марфинской тюрьмы было полностью изолировано от житейской суеты. В это время ни тюремные начальники, ни вольняшки не вмешивались в «бессмертную свободу» зэков², которые получили маленький кусочек времени в их бесконечном тюремном сроке. Главным было то, что это время – их собственное, предназначенное для полноценного отдыха. Таким образом, душевное состояние зэков получало облегчение от тюремной службы.

Писатель образно называет это здание, покрытое краской цвета ночи, затаившееся за железными воротами, «двухэтажным ковчегом»³. Здесь зэки полностью принадлежали самим себе, своим мыслям и тюремным друзьям. Прежде всего, были свободны их мысли, ибо мысли здесь не были ограничены различными материальными условиями и личными интересами, которые представляли немаловажное значение в их прежней вольной жизни. В жизни зэков присутствовал некий монашеский стиль, напоминающий участь

¹ Там же. С. 212.

² Там же. С. 375.

³ Там же. С. 375.

христианских мучеников, вследствие того, что в тюремных условиях они находились вдали от мирских волнений и концентрировались на внутреннем совершенствовании. Именно в таком смысле раскрывается мотив ковчега – как путь к душевному спасению.

Заметим, по Евангелию воскресенье представляет собой «...воскресный день, в который христианская церковь со времён апостольских <...> празднует воспоминание Воскресения Христова»¹; в ветхозаветной традиции *воскресенье* понимается как седьмой день Творения, *день покоя* Божия по сотворении мира...»². Поэтому этот день одновременно обладает таким значением, как день отдыха, день воскресения и день творения. В короткие отрезки времени, предназначенные для отдыха, у героев активизируется процесс познания, благодаря чему зэкам удается приобщиться к идеям, принадлежащим только их внутреннему «Я». Таким образом, у зэков происходит духовное возрождение и возвращение к жизни. Отдых также предоставлял возможность для размышления, в процессе чего зэки находили умственное озарение. Их мысли обретали весомость; благородные размышления об общей человеческой истории возникали у них чаще, нежели мысли о собственных правах. Для зэков отдых с интеллектуальными запросами, приносящий умственные плоды, также является путем развития личности, встав на который человек обретает душевное воскресение.

Не случайно главу, идущую перед главой 53 «Ковчег», писатель назвал «За воскресение мёртвых». К тому же, последнее предложение главы заканчивается шрифтовой разрядкой с восклицательным знаком: «З а в о с к р е с е н и е м ё р т в ы х!»³. В явлении паронимии подчеркивается именно мотив спасения и воскресения.

В романе «В круге первом» писатель, как всегда, высоко оценил лагерное закаливание личности; он рассматривает тюремное испытание как духовное очищение. В романе Нержин произнес с иронией, что в тюрьме «каждый из нас

¹ Христианство: Энциклопедический словарь: в 2 т. М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. Т.1. С. 376.

² Урманов А.В. Художественное мироздание Александра Солженицына: монография. М.: Русский путь, 2014. С. 246.

³ Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Время, 2011. Т. 2. В круге первом. С. 373.

должен быть и жнец, и швец, и в дуду игрец»¹. Однако в моменты просветления и созерцания он вовсе не жалел «...пяти просиженных лет. <...> признал их для себя своеобразными, необходимыми для его жизни»². Ибо здесь ему удалось понять значение русской революции, узнать природу человека и набраться житейской мудрости. Пройдя через тюремное испытание, герой не только стал мастером на все руки, но, самое главное, он созрел как личность.

Так же, как писатель, герой дорожил тюремной дружбой. Напомним, что само произведение автор посвятил *друзьям по шарашке*³. На тридцатилетнем юбилее Нержин с благодарностью объявил, что в тюремных склепах ему сопутствовало везение, поскольку ему удалось подружиться с достойными людьми выдающегося ума, с этим «отобранном обществом»⁴.

Общение с тюремными друзьями подтолкнуло Нержина к переосмыслению отношения к религии и Богу. У него начали появляться духовные запросы. Заметим, что лирический герой в поэме «Дороженька» является приверженцем марксизма, а в романе герой – скептик. Автобиографический герой добился существенного эволюционного прогресса в миропознании.

Когда на свидании с женой Нержин употребил фразу «Бог знает», Надя очень удивилась и спросила: «– Да ты уж не стал ли верить в бога??!»⁵. В ответ Нержин улыбнулся и сказал: «– А почему бы и нет?»⁶. Надя была потрясена этим ответом. Она заметила в муже изменения, которые ее обеспокоили, причем некоторые из них ее встревожили: «Тюрьма искалечит его духовно, уведет в мистику, в идеализм, приучит к покорности»⁷. Следует обратить внимание на то, что в реплике героини слово бог написано строчной буквой. Так же, как Глеб, Надя выросла с тем поколением, которое не получило православного воспитания. Поэтому она воспринимала веру в Бога как чуждое духовное заблуждение.

¹ Там же. С. 646.

² Там же. С. 325.

³ Там же. С. 9.

⁴ Там же. С. 404.

⁵ Там же. С. 276.

⁶ Там же. С. 276.

⁷ Там же. С. 355.

В романе практически все герои совершают путь к выяснению внутренней принадлежности. Для героев это, по сути, разъяснительный процесс, как поиск самого себя. При этом герои размышляют о корректности своего поведения и о ценности жизни.

Именно в таком контексте становится понятным, отчего Иннокентий помог сделать звонок в американское посольство. Почему, прочитав письма и дневники умершей матери, он как будто нашел новую точку зрения, которая позволила ему понять истинную глубину мира. Аналогичные мысли были у него в голове во время прогулки с Кларой в деревню Рождество. Они же создавали эмоциональный фон на его встрече с тверским дядей Авениром.

В молодости Иннокентий придерживался принципа «жизнь дается нам только раз»¹. И до чтения материнских писем он мало беспокоился о своем душевном состоянии. Он воспринял письма как открытие именно потому, что в переписке матери с подругами большое внимание было уделено внутренним переживаниям и душевным волнениям, что явилось отражением духовности того поколения.

Однако, читая эти письма, Иннокентий смутно понимал слова, которые были изложены старомодным стилем. Ему с трудом удавалось постигать, отчего в письмах всерьез употреблены «слова с больших букв: Истина, Добро и Красота; Добро и Зло; этический императив»². Ибо в его представлении эти слова обычно отождествляют с имеющими более современное значение, такими как «идейность, гуманность, преданность, целеустремленность тебя»³. В виду такого миропредставления Иннокентия ему было проще понять рассуждения с точки зрения нравственности, нежели с точки зрения духовности воспринимать их как некую житейскую мудрость или философию. Он близко к сердцу принял материнские «Этические записи»⁴, в которых содержатся такие слова: «Что дороже всего в мире? Оказывается: сознавать, что ты не участвуешь в несправедливостях. Они сильнее тебя, они были и будут, но пусть – не через Эти

¹ Там же. С. 428, 434.

² Там же. С. 431.

³ Там же. С. 431.

⁴ Там же. С. 431.

слова Иннокентий уяснил для себя как новый принцип: «и совесть тоже дается нам один только раз»¹. Позже этот принцип стал для него движущей силой, вдохновившей его сделать звонок об атомной бомбе.

В отличие от Иннокентия, многие заключенные прошли через суровую школу. Жизненные испытания, так или иначе, приводили их к размышлениям о своих личностных вопросах. В Марфине многие из зэков обладали большим умом и высокими знаниями. У них уже сформировалось четкое представление о том, как духовные ценности обогащают жизнь человека. Тем не менее, для них также было важно понять, какими именно духовными качествами надо обладать, во что верить.

Поэтому, размышляя об окружающем мире, Нержин предпочитал рассматривать все происходящее вокруг с точки зрения скептика. Сологдин как верующий человек Нержину внушал: «Друг мой! <...> христианство – это вера сильных духом. <...> Погоди, придёшь к Богу и ты. Твоё ни-во-что-не-верие – это не почва для мыслящего человека, это – а бедность души»². Рубин как убежденный марксист подчеркивал важность нравственного сознания человека; при этом он много времени и сил посвятил подготовке документа «Проект о создании Гражданских Храмов»³.

Проект Рубина был посвящен обеспечению нравственного здоровья людей. В нем достаточно подробно была изложена идея создания специальных храмов. Автор проекта потратил немало сил и времени для описания таких элементов, как одежда служителей храмов, обряды, ораторское искусство. В мельчайших подробностях были указаны требования к ароматам воздуха, музыкальному сопровождению, архитектуре, а также к цвету отделочных материалов, к росписи стен, к внешнему виду общего ансамбля храмов и многим другим мелочам.

Рубин создавал проект с энтузиазмом. Напомним, что Рубин – герой трагический; человек искренне верил в социализм и его светлое будущее. Не

¹ Там же. С. 434.

² Там же. С. 181-182.

³ Там же. С. 520.

обращая внимания на свой статус заключенного, он яростно спорил с теми, кто не видел «великую Закономерность»¹ в общественном прогрессе.

Между тем, с помощью своего героя писатель призывает нас размышлять о потере духовных ценностей. Известно, что после революции в России начали активно бороться с религией; церкви пострадали в первую очередь. Из молодого поколения искореняли православное верование. Неудивительно, что в романе ни у Нержина, ни у Иннокентия, ни у их ровесников или у тех, кто был моложе, не было возможности познакомиться с Христианством. Таким образом, проект Рубина был попыткой восполнить досадный пробел в нравственном воспитании молодых людей, хотя в течение такого короткого времени вряд ли можно было восстановить то, что создавалось веками. Как в заключительной части романа сказал Герасимович: «— Испортить народ — довольно было тридцать лет. Исправить его — удастся ли за триста?»². Главное, писатель просит задуматься над печальным фактом: отчего без особого труда разрушили все моментально?

Как бы ни пытался Рубин отрицать мысль о том, что гражданские храмы представляют собой как «христианские храмы без Христа...»³, подобное суждение воспринимается с иронией. Ибо вместо веры в Христа партийных функционеров больше волновали нравственные качества служителей храмов. В результате гражданские храмы Рубина оказались в значительной степени неким промежуточным учреждением между церковью и партийной школой.

В главе 46 романа Кондрашёв-Иванов, — художник-шекспирист, — употребил выражение «ядро человека»⁴. Со слов художника узнаем, что ядро человека — это набор важнейших качеств, составляющих сущность человека. Эти качества представляют собой устойчивые к внешним воздействиям жизненные установки. Ядро содержит необходимые понятия и критерии оценки в мировосприятии человека; именно они определяют личность индивидуума. Ядро человека — «...это его я!»⁵.

¹ Там же. С. 513.

² Там же. С. 650.

³ Там же. С. 521.

⁴ Там же. С. 331.

⁵ Там же. С. 331.

Подобный подход в картинах Кондрашёва-Иванова проявляется как внутреннее Я самих картин. Художник явно стремился максимально передать дух изображений, нежели добиться внешнего сходства объектов с их оригиналами. Поэтому композиции картин и описание цветовой гаммы насыщены высоким художественным замыслом, хотя порой оказывалось, что они сильно преувеличены и чрезмерно возвышены.

Кондрашёв-Иванов подчеркивал важность душевной силы человека, которая не может быть подавлена ни в лагере, ни при каких-либо других тяжелых обстоятельствах. Для художника душевная сила, прежде всего, определяет прочность внутреннего стержня человека; именно он помогает человеку преодолевать невзгоды. Более того, человек с сильной душой имеет способность выстоять перед давлением любых обстоятельств, исправить сложные ситуации и создать благоприятные условия для жизни. Поэтому художник выразил свое мнение, что «Ещё неизвестно, кто кого формирует: жизнь – человека или сильный благородный человек – жизнь!»¹.

Еще до беседы с Кондрашёвом-Ивановым Нержин носил в себе подобную мысль; по Нержину, она звучала, как «косточка человека». Однако Нержина смущало то, что после долгих отсиженных лет у эков напрочь отсутствовали те весомые качества, как «косточка». Он представил так, что «оставлены тебе: разум (если он вмещается в тебя). Убеждения (если ты до них созрел). И по самое горлышко – забот об общественном благе. Кажется – афинский гражданин, идеал человека.

А косточки – нет»².

Нержин старался для себя выяснить, как именно действует «косточка человека» и какие качества должны присутствовать в личности сильного человека.

Помимо идеи о «ядре человека», Кондрашёв-Иванов считал также, что каждый человек носит в себе «Образ Совершенства»³, который напоминает ему

¹ Там же. С. 330.

² Там же. С. 324.

³ Там же. С. 331.

его «рыцарский долг!»¹. Во время разговора художник со священным чувством продемонстрировал Нержину «маленькое полотенко, набитое на подрамник» с серой обратной стороной², на котором был изображен предварительный набросок его произведения – «Замок святого Грааля»³, которое сам назвал как «главная картина моей жизни»⁴.

Именно в этой картине художник старался передать идею «Образа Совершенства». Центральным образом в картине является Парсифаль – Хранитель чаши святого Грааля. Образ Парсифаля впервые появился в стихотворном произведении Вольфрама фон Эшенбаха (1198-1210); образ был представлен в качестве главного героя в средневековом рыцарском романе. В произведении Вольфрама фон Эшенбаха герой совершил путь искупления грехов. В устремлении Парсифаля ярко проявляется христианский мотив: через страдание к знанию, от знания к состраданию, через сострадание – к любви. В картине «Замок святого Грааля» художник представил испытание Парсифаля через свое восприятие. Он стремился распространить среди людей идею духовного очищения, при этом являя собой пример человека, вставшего на путь достижения идеала.

На картине всадник испытывает ощущение просветления, когда он видит божественный свет, исходящий из замка святого Грааля, и испытывает чувство святого трепета. Несомненно, картина содержит идею душевного освобождения и внушает зрителю оптимистический взгляд и надежду на светлое будущее. В романе картина «Замок святого Грааля» имеет глубокое символическое значение. Во-первых, миссия Парсифаля, назначенная ему судьбой и тесно связанная с исканиями и страданиями, имеет много общих черт с судьбами эзков. В романе такие персонажи, как Нержин, Сологдин, Рубин, Герасимович, Кондрашёв-Иванов, также выглядят благородными героями; это те, кто ясно понимает свой «рыцарский долг». Во-вторых, в композиции и деталях картины наблюдается нечто родственное психологической реальности эзков: под ногами коня – бездна,

¹ Там же. С. 331.

² Там же. С. 331.

³ Там же. С. 332.

⁴ Там же. С. 331.

а вдали – сквозь замок святого Грааля – солнечные лучи с всепроникающей силой освещают весь небо и все сущее на земле. В художественной композиции этой картины, с одной стороны, изображено пространство, обладающее бесконечной глубиной, в которой присутствует некая мрачная роковая непредсказуемость. В психологическом плане она убедительно напоминает долгосрочное тюремное испытание эзков. С другой стороны, – замок, символизирующий идеал, который привносит романтический оттенок. Несмотря на то, что этот образ совершенства – «колышистый, смутный» и нездешний¹, он все равно наполнен бесконечным оптимизмом и содержит нечто, дающее надежду на благо, просвещение и освобождение души.

Картина «Замок святого Грааля» раскрывает суть творчества Кондрашёва-Иванова; через эту картину он объясняет, как художник понимает значение своего творчества. Стоит также отметить, что, по мнению Ж. Нива, образ рыцаря Грааля является центральным символом романа. Именно глава «Замок святого Грааля» представляет собой «таинственный центр произведения»².

В романе также упоминается картина «Русь уходящая» («Реквием», 1935-1959) П.Д. Корины (1892-1967). По словам Кондрашёва-Иванова, «Русь уходящая» представляется картиной грандиозного формата. Сама величина картины подсказывает содержательность этого произведения.

Прежде всего, позволим себе уточнить некоторые значительные моменты в творческой истории «Руси уходящей». Изначальный замысел картины П. Корины возник после прибытия на отпевание патриарха Тихона – событие, которое произвело сильное впечатление на художника. По словам очевидцев, накануне похорон в Донской монастырь пришло огромное количество людей: «...множество представителей духовной, старой Руси прибыло на похороны! Со всех сторон съехались истые монахи, игумены с изможденными лицами. Калики-

¹ Там же. С. 332.

² *Нива Ж.* Солженицын / Пер. с франц. С. Маркиш в сотрудничестве с авт.; предисл. И.И. Виноградова. М.: Художественная литература, 1992. С. 92.

перехожие, странники, слепые точно вылезли из 16-17 веков»¹. В своем дневнике П. Корин отметил свое восприятие так: «Это же картина из Данте! Это «Страшный суд» Микеланджело, Синьорелли! Написать всё это, не дать уйти. Это – реквием!»².

В отличие от живописного оригинала, в романе это художественное полотно подается не как изображение прощания в церкви с патриархом Тихоном, а как шествие большой массы людей на фоне русской природы: «простой среднерусский большак, всхолмлено, перелески»³. В этой картине духовное содержание, переданное через различные образы, прекрасно напоминает подобное возвышенное чувство в картине П. Корина, в которой изображена целая панорама русской жизни, олицетворяющая старинную православную Русь: «Это – светящиеся старорусские лица мужиков, пахарей, мастеровых крутые лбы, окладистые бороды, до восьмого десятка свежесть кожи, взора и мыслей. Это – те лица девушек, у которых уши завешены незримым золотом от бранных слов; <...>. степенные старухи. Серебряноволосые священники в ризах, <...>. Монахи. Депутаты Государственной Думы. Перезревшие студенты в тужурках. Гимназисты, ищущие мировых истин. Надменно-прекрасные дамы в городских одеждах начала века. И кто-то очень похожий на Короленко. И опять мужики, мужики...»⁴.

Эти глубоко верующие люди «и д у т; <...> у х о д я т... Последний раз мы их видим...»⁵. Слово «идут» написано с разрядкой; помимо прочего, автор просит читателей обратить внимание на то, *как* идут эти люди. Герои идут, совершают некое движение, и сам процесс хождения здесь содержит гораздо больше значения, чем просто «идут». Запечатленные образы выступают как хранители духовных традиций Руси. Они уходят от нас в величавом множестве. Хождение ассоциируется с церемонией прощания, наполненной торжественным трагизмом.

¹ Старовойтова А. Русские патриархи XX века в творчестве Павла Корина [Электронный ресурс] // Журнал «Третьяковская галерея». 2014. №. 2 (43). URL: <http://www.tg-m.ru/articles/2-2014-43/russkie-patriarkhi-xx-veka-ivtorchestve-pavla-korina> (дата обращения: 6.06. 2016).

² Там же.

³ Солженицын А.И. Собр. соч.: в 30-ти т. Т. 2. В круге первом. М.: Время, 2011. С. 535.

⁴ Там же. С. 535.

⁵ Там же. С. 535.

Картина напоминает уходящие времена, уходящее поколение и уходящую духовность народа. Идея картины заставляет задуматься о будущем: что останется в России, и как сложится судьба страны? И именно проникнувшись духом картины, Герасимович ясно ощутил свой долг – сродни рыцарскому долгу, – долг интеллигенции; по его словам, это долг «техно-элиты»¹.

В заключительных эпизодах романа (в главе 90 «На задней лестнице») между Нержиным и Герасимовичем состоялся длительный разговор, ставший одним из последних душевных контактов между зэками перед ссылкой. Герои рассуждали о возможности разумно устроить общество.

Рассмотрим главные идеи Герасимовича. В разговоре с Нержиным Герасимович подчеркнул три основных момента в проекте обустройства России. Во-первых, вместо безрассудной людской массы необходимо создать образованное общество с участием интеллектуальной технической элиты²; во-вторых, вместо «социалистического» или «демократического» строя государства главным критерием для организации общества должен быть принцип «справедливого неравенства»; соответственно, свобода должна быть относительно ограниченной³; в-третьих, духовно-нравственные качества русского народа приобретают важнейшее значение для обеспечения благосостояния страны; поэтому не следует возлагать надежды на помощь западных стран, ибо подобное намерение расслабляет волю русского человека⁴.

Итак, в проекте Герасимовича идея формирования разумного общества возлагает надежды на развитые умственные способности и высокие нравственные нормы техно-элиты. Представление Герасимовича об «интеллектуальной, технической элите» тождественно понятию об избранных интеллигентах; оно также соответствует упомянутыми выше словами Нержина, что это люди являют собой «отобранное общество»⁵.

¹ Там же. С. 583.

² Там же. С. 646.

³ Там же. С. 647.

⁴ Там же. С. 648-649.

⁵ Там же. С. 404.

Слова Нержина расширяют поле зрения для рассмотрения проекта Герасимовича, а также обогащают и дополняют содержание разговора. У Нержина было свое мнение по поводу мыслей Герасимовича, причем по некоторым вопросам оно сильно отличалось. Однако его мнение не было полностью противоположно мыслям собеседника. Мнение Нержина в большей степени содержало сомнение в возможности реализации планов Герасимовича, нежели отрицание их достоинств. Нержин достаточно высоко оценил мысли Герасимовича, выразил со многими из них согласие, и во время обсуждения он успел обратить внимание автора на удачные моменты и недочеты в проекте. На самом деле, многие идеи героев совпадали. Более того, Нержин был явно взволнован словами Герасимовича, поскольку ощутил близость их мыслей и душ.

В беседе Нержин выдвинул свои соображения о построении общества, такие как, например, «Цели общества не должны быть материальны!»¹; авторитарность государства должна быть этической². Мнения собеседников сосредоточены главным образом на ценных духовных качествах русского народа, без которых создание благополучного общества невозможно.

Диалог героев представлен многогранно, что в значительной мере способствует пониманию важности духовных качеств русского народа. Герои снова обсуждают главный вопрос русских интеллигентов, постоянно волнующихся о судьбе своего народа, – о духовных потерях русского человека. Как сказал Герасимович: «...народ опустошался, <...> Равнодушие, <...> стало нашей определяющей чертой³. Герой выразил беспокойство именно относительно потери духовной стойкости русских людей и отметил: «В благополучии есть губящая сила»⁴. В диалоге Нержин также обратил внимание на значение нравственных качеств народа. Касаясь вопроса распределения материальных благ, он выразил свое мнение следующим образом: «Избыток – это не прогресс! Прогрессом я признал бы не материальный избыток, а всеобщую готовность

¹ Там же. С. 647.

² Там же. С. 648.

³ Там же. С. 649.

⁴ Там же. С. 649.

делиться недостающим!»¹. Разговор с Герасимовичем взволновал Нержина, он вспомнил слова Спиридона «волкодав прав, а людоед нет», и как Спиридон просил у самолёта атомной бомбы на себя»². Нержин был сильно потрясен этим проявлением духа самопожертвования русского мужика, который убедил его в том, что в народе все еще остались сильный дух и непобедимая воля.

Разумеется, разговор героев также касался условий, как способствующих сохранению духовности, так и угнетающих ее развитие. В очередной раз герои согласились с тем, что тюрьма является тем благословенным местом, которое помогает закалить душу. Образы, подобные созданным автором в романе «В круге первом», таким как Нержин и Герасимович, соответствуют одному из определяющих критериев Солженицына в отношении сути интеллигенции: «Интеллигент – это тот, чьи интересы и воля к духовной стороне жизни настойчивы и постоянны, не понуждаемы внешними обстоятельствами и даже вопреки им»³. В Марфине заключенные также совершали «шаги русской интеллигенции на путях просвещения сознания, <...> сопровождалась жертвами и страданиями, тюрьмой и каторгой»⁴. Эти герои поистине являются избранниками; они постоянно готовы к подвигу. Отличающиеся своей рассудительностью и надежностью в поиске истины, герои проявили величайшую ответственность перед своим народом. Они безусловно являют собой яркий пример образу, нарисованному в картине «Замок святого Грааля»; в них заложено нечто, напоминающее рыцарский героизм.

Позволим себе сделать интересное наблюдение о народной идее, затронутой в диалоге героев. Отвечая на вопрос Герасимовича, Нержин изложил собеседнику свою принципиальную позицию по поводу прогресса, достигнутого в общественной сфере деятельности: «...Какой прогресс? За двадцать семь столетий стали люди лучше? Добрей? Или хотя бы счастливей? Нет, хуже, злей и

¹ Там же. С. 652.

² Там же. С. 651.

³ *Солженицын А.И.* Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Время, 2012. Т. 5. Архипелаг ГУЛАГ: Опыт художественного исследования. Части III-IV. М.: Время, 2010. С. 222.

⁴ *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS, 1955 г. М.: Наука, 1990. С. 19.

несчастней! И всё это достигнуто только прекрасными идеями!»¹. Подобная идея проявилась в ранней поэме «Дороженька». Размышляя о социальных явлениях, автобиографический герой отметил с иронией: «Всё понятно – *прогресс!* <...> / Всю страну на дыбы – по какому праву? / <...> / Двести лет всё победы, победы, победы, / От разора к разору, к войне от войны, – / <...> / Видно, слово «победа» не зря происходит / От слова «беда»². В романе читателю представлен широкий выбор точек зрения по вопросу направления развития общества. Герой размышлял о судьбе русского народа не только в контексте русской истории, его понимание прогресса раскрывается в масштабе всеобщей человеческой истории. Нержин старался выявить скрытые закономерности в истории России, что как раз представляется изначальной причиной его хождения в народ.

В романе Нержин в значительной степени повторил путь народников; он старался исследовать природу выдающихся качеств русского народа, уяснить смысл своего существования путем непосредственного общения с народом. Единственное принципиальное отличие героя от народников заключается в том, что целью героя в статусе заключенного является не реализация социально-политического развития в общественном устройстве, она в первую очередь направлена на самоосознание и постижение реальности русской истории.

Очевидно, что народная идея как лейтмотив пронизывает все произведения Солженицына. Народность проявляется не только в заботе интеллигенции о стране, о своих соотечественниках, но и, самое главное, она наглядно присутствует в жизненных картинах самого народа. Под пером писателя раскрывается обширная галерея народных образов. Эти образы представляются не только народными, но и глубоко национальными. В этой галерее присутствуют разнообразные герои, такие как Шухов, Матрена, Захар-Калита, Спиридон, Костоглотов и многие другие художественные персонажи. Чаще всего в реальных ситуациях повседневной жизни автор с интересом рассматривает их психологию и миропонимание. В их поведении и стиле мышления писатель старается уделить

¹ Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Время, 2011. Т. 2. В круге первом. С. 652.

² Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Время, 2016. Т. 18. Раннее. С. 27.

больше внимания внутренним качествам своих героев, что позволяет более подробно познакомиться с духовностью народа.

В романе «В круге первом» дворник Спиридон является типичным представителем народа с положительными чертами характера. Дружбу Нержина со Спиридоном зэки называли «хождение в народ»¹. Нержин всегда относился к людям с большим уважением, он стремился перенять у них лучшие качества и найти в общении с ними «сермяжную правду». Между тем, восприятие народа у Нержина эволюционировало. Некоторые поступки людей вызывали у героя, имеющего свой лагерный опыт, разочарование. Он пришел к пониманию, что

«Не по рождению, не по труду своих рук и не по крылам своей образованности отбираются люди в народ.

А – по душе.

<...>

Надо стараться закалить, отграничить себе такую душу, чтобы стать человеком. И через то – крупницей своего народа»². Поэтому для Нержина общение со Спиридоном, по сути, является встречей родственных душ; он надеялся найти в этом человеке светлые качества, принадлежащие народу.

В общении со Спиридоном Нержин был поражен сложной судьбой Егора Даниловича. Нержин высоко оценил жизненный принцип Спиридона, что представляется твердым убеждением, сформированным на пройденном пути Спиридона, что отождествляет с Верой. Вера Спиридона – его семья. Для Спиридона

«Его родиной была – семья.

Его религией была – семья.

И социализмом тоже была семья»³. Мысль о семье поддерживала Спиридона в самые тяжелые моменты жизни. С этой верой он преодолевал трудности и на воле, и в тюрьме.

¹ Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Время, 2011. Т. 2. В круге первом. С. 482.

² Там же. С. 485.

³ Там же. С. 493.

Спиридон сумел пройти нелегкие испытания в разных жизненных ситуациях. Здесь потребуется кратко разъяснить хронологию некоторых важных моментов в жизни Спиридона. В то же время в географическом смысле рассмотреть путь, по которому Спиридон изъездил всю русскую землю и за границу. Рассмотрим подробнее, как сложилась судьба Спиридона, жившего до 45 лет вольной жизнью, и где он успел побывать за более чем 20-летние скитания.

«...В год революции [Спиридону – Б. Я.] было семнадцать лет...»¹, из чего понятно, что герой родился в 1900 г. У него рано началась взрослая жизнь, что «В четырнадцать лет [в 1914 г. – Б. Я.] он остался хозяином в доме»². В конце гражданской войны [1922-1923 – Б. Я.] судьба его резко изменилась, и с тех пор начались его скитания. В 1945 г. его арестовали на пограничной станции вместе со всей семьей, когда после окончания Второй мировой войны они спешили вернуться на Родину. А когда познакомился в тюрьме с Нержиным, ему перевалило за 50 лет.

Во время гражданской войны Спиридона с земляками «дёрнули в Красную Армию»³, затем они «угодили <...> к белым»⁴, немного повоевали и подались в плен к красным и до конца Гражданской оставались красными. Спиридон ходил и в Польшу. Затем его направили в Питер, там он ходил «по морю по льду»⁵; после чего «домой вырвался»⁶. На родной земле Спиридон «женился, завёл лошадей»⁷, преуспел как интенсивник. «...И беда обёртывалась прибытком»⁸: дом сгорел начисто. Он умудрился назначить себя как «комиссаром по коллективизации»⁹, но его все-таки изгнали с самозванных комиссаров и судили за «экономическую контрреволюцию»¹⁰. Отправили на Беломорканал [в республику Карелия – Б. Я.], а когда закончили Беломор, послали на канал Москва – Волга [на территорию между Московской и Тверской областями – Б. Я.].

¹ Там же. С. 487.

² Там же. С. 487.

³ Там же. С. 488.

⁴ Там же. С. 488.

⁵ Там же. С. 488.

⁶ Там же. С. 488.

⁷ Там же. С. 488.

⁸ Там же. С. 489.

⁹ Там же. С. 489.

¹⁰ Там же. С. 489.

В начале Отечественной войны Спиридон посадил на телегу троих детей и жену, отправился из Почепа в Калугу. Ему было досадно расставаться с семьей, и он очень не хотел, чтобы забрали в армию. Поэтому он, ничуть не сомневаясь в своей правоте, «повёз семью назад, от Калуги до Почепа»¹ [в Брянской области – Б. Я.]. Ввиду явной угрозы нападения немцев Спиридон решил перевезти семью из Почепа в Слуцк [город в Минской области Белоруссии – Б. Я.], откуда они добрались до Рейнской области [историческая область, ныне расположенная в пределах Германии – Б. Я.]. После окончания войны семья устремилась в родные края.

Итак, Спиридон удивительным образом преодолел большие расстояния по суше и воде. Пройдя самую длинную дистанцию со сложными поворотами судьбы, этот обыкновенный русский мужик совершил нечто похожее на легендарный подвиг.

Писатель обращает внимание читателя на внешность Спиридона, которая сообщает немало интересного о духовном облике своего героя; например, подчеркивает непреклонную волю Спиридона, которая помогла ему преодолеть сложнейшие препятствия. Рыжеволосый портрет Спиридона стал его характерной чертой. Писатель часто называет своего героя «рыжий дворник»², «рыжеусый дворник»³, «упрямый рыжий мужик»⁴, «рыжий дикарь»⁵, «рыжеволосый дворник»⁶, «рыжий арестант»⁷. Кроме того, в романе отдельно изображаются некоторые портретные детали, например: «Лицо Спиридона, с усами седо-рыжими, бровями седо-рыжими и кожей красноватой, было очень подвижно и часто выражало при ответе готовность»⁸, или «Спиридон под жёсткой седо-рыжей щёткой волос, растущих у него безо всякой причёски и догляда в сторону лба, ушей и затылка...»⁹.

¹ Там же. С. 490.

² Там же. С. 235, 709.

³ Там же. С. 382.

⁴ Там же. С. 492.

⁵ Там же. С. 495.

⁶ Там же. С. 597.

⁷ Там же. С. 601.

⁸ Там же. С. 177.

⁹ Там же. С. 386.

Этот рыжеволосый облик, как и вся простая внешность, вполне соответствует описанию сложного жизненного пути Спиридона, но, в то же время, подчеркивает его сильную волю и мужество. Интересно заметить, что внешность героя соответствует традиционному представлению людей о рыжеволосых в славянской культуре. Принято считать, что рыжий цвет волос является особенным признаком, отмеченным судьбой. У рыжеволосых природенная жизненная энергия и беспокойный темперамент, они обладают необычайной силой и удачью. Именно такие качества отчетливо просматриваются в образе Спиридона. И его внешний облик убедительно дополняет этот жизнеспособный и непобедимый образ русского мужика.

Крестьянское происхождение, резкие перемены в судьбе не позволили Спиридону получить образование, но это не помешало ему закалить твердый характер и научиться житейской мудрости. Он смог определить для себя принципы, сформировавшиеся на основе собственного опыта, и умел простыми словами выразить свою жизненную позицию.

Речь Спиридона ярко отражает его личность. Спиридон часто выражал мысли, используя своеобразные формулировки, напоминающие афористические выражения. Идеи, изложенные Спиридоном на просторечном языке, лишней раз подтверждают его богатый жизненный опыт; они содержат немалую долю правды и здравого смысла, проверенного временем.

В романе Нержину запомнились некоторые выражения Спиридона, и он их при удобном случае повторял, например: «Со всеми долгами расплатёмшись»¹, «Своя воля клад, да черти его стерегут»², «Кто хозяин хорош – по двору пройди, рубль найдёшь»³, «Хорошо жениться – полжизни»⁴, «Семь бед, один ответ»⁵, «Сеem рожь, а вырастает лебеда...»⁶, «волкодав прав, а людоед нет»⁷. Несмотря на

¹ Там же. С. 38.

² Там же. С. 326.

³ Там же. С. 488.

⁴ Там же. С. 488.

⁵ Там же. С. 492.

⁶ Там же. С. 491.

⁷ Там же. С. 499, 651.

то, что Спиридон – полуграмотный герой, Нержин в его словах высоко ценил так называемую сермяжную правду.

Напомним, что главные события романа происходили в 1949 году. В том же году Нержин с друзьями по шарашке отметил свой 31-й день рождения. Итак, герой является ровесником писателя: он родился в 1918 г., но на 18 лет моложе Спиридона. В романе Нержин жалел, что не родился раньше и что не удалось своими глазами увидеть значительные события, происходившие на русской земле. В Марфине он по-прежнему стремился выяснить подлинную картину русской революции. Живые рассказы Спиридона помогали Нержину восполнить пробелы в его знаниях исторических событий. По сути, Спиридон выступил в роли свидетеля революционного времени. Общаясь со Спиридоном, Нержин обнаружил незаурядную личность в этом рыжем дворнике, к которому он относился с большим уважением. Нержин воспринимал Спиридона как верного друга, и в значительной степени воспринимал его как своего наставника.

В главе 68 Нержин обратился к Спиридону с главным вопросом, ответ на который имел для него чрезвычайно большое значение. Мнение Спиридона было важно потому, что оно позволяло понять, как народ оценивает смысл и значение исторических событий и роль исторических персонажей. Нержин старался сформулировать вопрос на понятном для Спиридона языке, поэтому для лучшего понимания подробно разъяснил: «...с меркой какой мы должны понимать жизнь? <...> если нельзя быть уверенным, что ты всегда прав, – так вмешиваться [в каких-либо делах – Б. Я.] можно или нет?»¹.

Заметим, что в романе автор уделяет особое внимание своеобразной манере общения Спиридона: «часто выражало при ответе готовность, <...> слишком большая готовность у Спиридона означала насмешку»². И здесь, во время ответа на вопрос Нержина, без особенного раздумья, «...с готовностью отозвался просветлевший Спиридон, с такой готовностью, будто спрашивали его, какой дежурняк заступит дежурить с утра»³. Более того, в словах Спиридона

¹ Там же. С. 499.

² Там же. С. 177.

³ Там же. С. 499.

прослеживается авторская ремарка; в ней дважды логическое ударение поставлено на слово «Я»: «Да я тебе скажу! <...> – Я тебе скажу: волкодав – прав, а людоед – нет!»¹. Отмеченное ударением «Я» выделяет яркую эмоцию Спиридона, его психологическую устойчивость, а также подчеркивает незаурядную личность героя. Окружающую действительность Спиридон воспринимает с сарказмом; в отношении к ней просматривается высшая степень насмешки над всеми неразумными общественными явлениями, привнесенными тоталитарной сталинской властью.

Суждения Спиридона объясняют его понимание моральных прав человека. Попробуем перевести «критерии Спиридона» с простонародного языка на литературный и выясним правила героя: решения и поступки, происходящие в согласии с законами природы и здравым смыслом, завершаются результатом в виде достижения поставленных целей; события, содержащие в себе насилие, кровожадность и ненависть, в принципе не имеют права на существование.

Беседа Нержина со Спиридоном напоминает философские рассуждения в «Раковом корпусе»: «Чем люди живы?»² и «Какова, <...> верхняя цена жизни?»³. Отличие их в том, что Нержин старается уяснить правильность конкретных человеческих решений и поступков, в то время как героям «Ракового корпуса» важнее понять смысл и правильность самой жизни. Следует заметить, что в рассказе Л.Н. Толстого «Чем люди живы?», упомянутом в повести «Раковый корпус», так же наглядно присутствует нравоучительное размышление о духовности русского народа⁴. Разумеется, Солженицын не просто исследует вопрос «Чем люди живы?»: он позаимствовал важную народную идею.

Не принимая никакую религию, рыжий дворник сумел воспитать в себе необыкновенную духовность, которая сформировалась на его жизненном пути. На примере образа Спиридона показаны сложные жизненные перипетии, в которых

¹ Там же. С. 499.

² *Солженицын А.И.* Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Время, 2012. Т. 3. Раковый корпус. С. 93, 95, 117, 118, 119, 175. Глава 8 «Чем люди живы» С. 87-98.

³ Там же. С. 255.

⁴ См. об этом подробнее: *Сафронов А.В.* Любовный дискурс в «Раковом корпусе» А.И. Солженицына (рязанский период творчества) // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2015. №. 4 (49) С.99-113.

закалилась народная воля. Он сумел уцелеть в тяжелых тюремных условиях с помощью арестантской хитрости, раскрывал душу перед другом и отличался крестьянской прямоотой и искренностью. В образе этого непричесанного русского мужика видна доброта и народная мудрость.

Упомянутые качества Спиридона напоминают другого знаменитого героя Солженицына – Ивана Денисовича Шухова. В биографиях Спиридона и Шухова много схожего, оба они крестьянского происхождения, попали в немецкий плен и отбывали срок по 58-й статье за «измену Родине». На воле же оба были работающие мужики, любящие мужи и отцы троих детей. Самое главное: оба, Спиридон и Шухов, представляются обобщенными типами героев, в которых ясно виден народный характер и судьба целого поколения.

Как и у Спиридона, духовность Шухова отнюдь не ограничивается религией. Веру он воспринимает по-своему. В его духовном восприятии явно присутствует некое идеалистическое начало. Неверно было бы утверждать, что Шухов придерживается христианской веры, хотя в рассказе он четырежды произнес выражения со словом «Господи». Миропонимание Шухова сформировано на основе глубокого уважения к самой жизни. Ему проще воспринять мифологические представления, распространенные в народе, которые он может проверить на собственном опыте, нежели изучать Евангелие. Именно поэтому он заявляет, что «Старый месяц Бог на звёзды крошит»¹ и говорит, что «В Бога я охотно верю. Только вот не верю я в рай и в ад...»².

Как в романе, так и в рассказе писатель уделил особое внимание арестантской хитрости как важнейшему навыку выживания в тюремных условиях. Подобная хитрость, как правило, имеет позитивный смысл; она создает оптимистический настрой, помогающий противостоять напряжению от ограничения свободы. В романе хитрость Спиридона, Нержина и других зэков в основном выглядит как осторожность в их поведении, готовность к действиям и решительность в преодолении трудных ситуаций. В рассказе такая хитрость

¹ Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Время, 2006. Т. 1. Рассказы и Крохотки. С. 77.

² Там же. С. 111.

представлена главным образом как результат смекалки и находчивости Шухова. Здесь уместно вспомнить также смекалку Костоглотова в «Раковом корпусе». Он солдат, закалённый в боях, и арестант, семь лет отсидевший в лагере. Хитрость Костоглотова является стилем его мышления, который помогает преодолевать жизненные неприятности. Наличие хитрости у героя свидетельствует о том, что, привыкнув к лагерным условиям, он не может быть доверчивым в вольной жизни; однако, в небольшой хитрости усматриваются стремление героя к нормальной жизни и его надежды на лучшее.

Внимательные читатели могут заметить, что в произведениях Солженицына нередко появляются герои, побывавшие в немецком плену и судимые как изменники Родины. Кроме Шухова, в рассказе «Один день Ивана Денисовича» в числе заключенных упомянуты эпизодические герои со схожей судьбой, например, такие как Семён Клевшин – трижды пытавшийся убежать из плена, и Ермолаев, который «тоже за плен десятку получил»¹. Действуют подобные герои и в романе «В круге первом». Кроме Спиридона, такие как Пряничков, Потапов, Амантай Булатов, заключенный гравер и заключенный энергетик, – люди без имен, – все были суждены за «измену Родине».

Осужденные солдаты присутствуют и в ранней поэме «Дороженьки» в главе «Семь пар нечистых». Павел Бондаренко – солдат, воюющий в штрафном батальоне. Он участвовал в сражениях за Орел, за Тулу, за Воронеж, за Сталинград, за Донбасс. Он служил разведчиком и ходил в тыл врага, но попал в плен. Его послали в Германию на рудники, откуда он, преодолев изнурительный путь, сбежал и чудесным образом встретился с прежними товарищами. Однако, по сталинским законам Павла отправили в фильтрационный лагерь на Урал. За попытку совершить новый побег и за «измену Родине» по 58-й статье ему дали десять лет.

Напомним также, что в «В круге первом» в главе «Князь Игорь» представлено сатирическое представление, организованное зэками, в котором

¹ Там же. С. 96.

показан суд, обвиняющий князя Игоря в измене Родине. Эта наполненная горечью комедия, подобно «театру в театре», подвергает несправедливость осмеянию.

Таким образом, в ранних стихотворных произведениях и в прозе 1950-60-х гг. Солженицын представил достойных уважения героев, побывавших в немецком плену и несправедливо обвиненных в «измене Родине». Позднее подобные образы появились и в «Архипелаге ГУЛАГ». Писатель уделял особое внимание духовному складу своих героев. Их трагические судьбы подчеркивают психологическую прочность русских людей, в основе которой лежит оптимистический настрой и стойкость. Герои относятся к своим страданиям без лишнего драматизма; огромный запас их душевной энергии помогает им выдержать давящую атмосферу в тюрьме и на войне. Ирония в отношении невежества сталинской системы нередко проявляется в виде более высокого уровня интеллекта и остроумия героев; эти качества служат главным источником оптимизма и героизма русских людей.

В произведениях Солженицына представлен еще один тип героев – герои *нездешние*. Как правило, они обладают высокими нравственными и духовными качествами, но часто выставляют себя чудаками, выделяются необычным поведением и нестандартными манерами; в результате заметно отличаются от окружающих людей. В подобных образах присутствуют признаки избранничества и юродства. Яркими примерами таких героев являются главная героиня–праведница в «Матренином дворе» и главный герой в «Захар-Калита». Заслуживают внимания также герои второго плана, такие, например, как Елизавета Анатольевна в повести «Раковый корпус» – санитарка в онкологическом диспансере, – трудолюбивая, вежливая и хорошо образованная женщина, однако, обреченная на судьбу жены арестанта.

В романе «В круге первом» также присутствует герой, наделенный похожими качествами. Младший лейтенант Наделашин – один из них. Наделашин – тюремщик, ответственно исполняющий работу, предпочитает не причинять лишние неудобства зэкам в процессе выполнения своих обязанностей. Он отличается застенчивостью и прирожденной добротой. Зэки его полюбили, а

натура Наделашина долго мешала ему служить в Органах. Наделашин представляется исключительным человеком «не только среди тюремщиков <...>, но и вообще среди своих единоплеменников»¹: он не пил и не ругал; он – негрубый, любознательный и хорошо грамотный; он понял, что «эти заключённые, не имеющие прав людей, на самом деле часто бывали вышние, чем он сам»².

Писатель называл своего героя «луноподобным»³. Его искренность, отзывчивость и внимательность к миру и людям резко контрастируют с общей тюремной атмосферой. Наделашин создан писателем как светлый образ с тонким внутренним строем, через который передается ощущение человеческого тепла; в его натуре присутствует что-то нездешнее, несвойственное тюремщикам.

Следует заметить, что в романе «В круге первом» признаки своеобразной духовной «нездешности» можно обнаружить также в таких героях, как Рубин, Пряничков, Герасимович, Кондрашёв-Иванов, Руська Доронин, Клара Магарыгина, Иннокентий и многих других. Например, Рубин был наделен умением разделять людей по идеологическому принципу. Преодолевая высокомерие и невежество начальства тюрьмы, он с энтузиазмом занялся решением задачи по распознаванию голосов на магнитофонных записях. Как убежденный марксист он считал, что служить социализму надо не ради собственного интереса и не думая о личной выгоде. Любопытно взглянуть и на другого необычного персонажа – «звонкого и по-детски непосредственного свободолюбия Валентули Пряничкова, жизнерадостного фанатика своей инженерии»⁴. Его сверхъестественную искренность на шарашке считали «душевной ненормальностью. <...> и называли: «сдвиг фаз у Валентули»⁵. Эти герои являются «персонажами, вступающими в конфликт с миром насилия – во

¹ *Солженицын А.И.* Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Время, 2011. Т. 2. В круге первом. С. 189.

² Там же. С. 194.

³ Там же. С. 187.

⁴ *Петрова М.Г.* Судьба автора и судьба романа // *Солженицын А.И.* В круге первом / Изд. подготовлено М.Г. Петровой. М.: Наука, 2006. С. 699.

⁵ *Солженицын А.И.* Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Время, 2011. Т. 2. В круге первом. С. 98.

всех формах»¹. Их душевное состояние определяется стремлением к освобождению и спасению.

В романе аспект духовности присущ также и персонажам из вольного мира, в том числе, тюремным работникам. Кроме Наделашина, среди них присутствуют такие образы, как подполковник Климентьев, благодаря которому накануне Нового года впервые в Марфино арестанты украсили елку; и именно он разрешил Нержину свидание с женой. Инженер-майор Ройтман – руководитель Акустической лаборатории, держащийся эзков «не как тюремщик <...>, а как просто хороший человек»². И лейтенант Серафима Витальевна, безнадежно влюбленная в Нержина. Этим людям также присущи человеческие чувства и понятия о любви и доброте.

В романе в соответствии со служебной иерархией создан стройный ряд служащих сталинской системы. В этом ряду находятся такие персонажи, как оперуполномоченные Шикин и Мышин, которых эзки в своей арестантском просторечии с сарказмом называли Шишкин-Мышкин, начальник отдела спецтехники МГБ генерал-майор – Осколупов; инженер-полковник – Яконов, замминистра госбезопасности – Селивановский; министр госбезопасности – Абакумов и, наконец, сам Сталин. В описании психологии поведения этих героев писатель обращает внимание на их внутреннюю скованность; судя по всему, причиной этого является подчинение насилию и постоянная боязнь потери свободы. Они так же, как арестанты, являются жертвами уродливой социальной системы.

Автор с интересом рассматривает духовный мир и тех людей, чьи судьбы напрямую не связаны с тюрьмой. В настроении таких персонажей, как Дотнара, Галахов, Щагов, аспирантка Муза, безымянная женщина, моющая лестницу и случайно встреченная Кларой, других второстепенных героев также проявляется ощущение подавленности и душевная усталость. Печальные судьбы многих

¹ Петрова М.Г. Судьба автора и судьба романа // Солженицын А.И. В круге первом / Изд. подготовлено М.Г. Петровой. М.: Наука, 2006. С. 699.

² Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Время, 2011. Т. 2. В круге первом. С. 526.

людей из числа упомянутых – следствие опустошенности внутренней жизни целого поколения, выросшего в напряженной общественной атмосфере.

Таким образом, происходит множество событий, которые позволяют достаточно точно понять духовный мир героев, представленных в произведениях Солженицына. Мы видим в качестве примера самых ярких представителей русского народа, духовное пространство которых подробно описано в романе «В круге первом», в повести «Раковый корпус» и в более ранних произведениях писателя. При этом особое внимание автор обращает на направление их духовного поиска и пробуждения, внутренних импульсов и прозрения. Герои, реализовавшие духовный запрос, идут к цели разными путями. Например, для Иннокентия это размышление над письмами матери, переосмысление и сближение с русской землей; для Спиридона – это сложные жизненные перипетии; для эзков, таких как Нержин, Герасимович, Рубин, – тюремное закалывание характера, которое в конце концов приносит им благодать духовного очищения.

В произведениях Солженицына духовные ценности постоянно находятся в фокусе его внимания и имеют существенное значение в нравственно-философском смысле. Они воплощаются в заботы интеллигенции о развитии страны и судьбе народа; они рассматриваются в контексте народного представления о добре, зле и справедливости. Отраженные писателем духовные ценности, имеющие христианские корни, неотъемлемы от русской природы, исторически-общественных событий России и жизненных традиций русских людей, и поэтому духовная жизнь его героев наполнена глубоким содержанием. В контексте духовности воплощается не только критерий оценки, стиль мышления и мировосприятие художественных персонажей, но и изображается особое душевное состояние русских людей, которое позволяет познакомиться с этическим и эстетическим восприятием русскими людьми окружающего мира и духовными основами русского национального характера.

2.2. Пространственно-временные координаты событий в прозе А.И. Солженицына 1950-1960-х годов

Организация пространственно-временных отношений в художественном произведении является одним из сюжетно- и жанровообразующих компонентов. Этот показатель также важен для рассмотрения особенностей формирования поэтики национального характера в прозе Солженицына 1950-1960-ых гг.

Литературоведы неоднократно справедливо указывали на использование автором «принципа сжатия художественного времени», ярко проявившегося уже в первом опубликованном рассказе писателя: «В одном дне лагерного зека Солженицыну удастся показать чуть ли не всю его жизнь, в которой отразилась одна из граней национальной жизни середины XX в.»¹. Это утверждение верно и для других произведений. Описываемые в малой прозе повседневные события происходят, как правило, в рамках ограниченного времени и небольшого пространства: в лагере («Один день Ивана Денисовича»), в деревне («Матренин двор»), на станции Кочетовка («Случай на станции Кочетовка»), на поле Куликовом («Захар-Калита») и т. п. Объемность рассказов создается на основе краткого периода и обилия событий, описанных с достаточными подробностями.

А.В. Урманов, размышляя о принципе соотношения «большого» и «малого» в произведениях А.И. Солженицына и об идейно-эстетической нагрузке художественных деталей, высказал мнение о том, что деталь в рассказе А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» «характеризует не переживания персонажа, а его «внешнюю» жизнь – является одной из достоверных подробностей лагерного быта»². Однако в этом случае исследовательское представление о деталях имеет отношение только к конкретным вещам или действиям героев. Этот момент возможно, как

¹ Голубков М.М. А.И. Солженицын // История русской литературы XX века: (20-90-е г.): Основные имена / Отв. ред. С.И. Кормилов. М., 1998. С. 432.

² Урманов А.В. Один день Ивана Денисовича» как зеркало эпохи ГУЛАГа [Электронный ресурс]. URL: http://www.solzhenitsyn.ru/o_tvorchestve/articles/works/index.php?ELEMENT_ID=1078 (дата обращения: 03. 10. 2015).

(Урманов А.В. Один день Ивана Денисовича» как зеркало эпохи ГУЛАГа // «Один день Ивана Денисовича» А.И. Солженицына: Худож. мир. Поэтика. Культурный контекст: Сб. науч. ст. / Под ред. А.В. Урманова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. С. 37-77.)

представляется, расширить применительно и к пространственно-временным характеристикам.

Повествование об одном дне лагерной жизни тщательно конкретизируется автором до мельчайших подробностей с добавлением в картину жизни заключенных застывших и мертвых оттенков, которые подчеркивают продолжительность и бесконечность мучений зэков. Темп лагерной жизни оказывается более быстрым, чем темп жизни в свободном мире. По признанию А.И. Солженицына, для того чтобы описать всю лагерную жизнь, «по сути, достаточно описать один всего день в подробностях, в мельчайших подробностях, притом день самого простого работяги, и тут отразится вся наша жизнь»¹.

Лагерная жизнь ограничена в определенном временном и пространственном диапазоне. События механически повторяются. Об этом – уже первая фраза произведения: «В пять часов утра, как всегда, пробило подъем – молотком об рельс у штабного барака»². Описанный в рассказе день был для Шухова «ничем не омрачённым, почти счастливым»³. Герою довольно того, что «на дню у него выдалось сегодня много удач: в карцер не посадили, на Соцгородок бригаду не выгнали, в обед он закосил кашу, бригадир хорошо закрыл процентовку, стену Шухов клал весело, с ножовкой на шмоне не попался, подработал вечером у Цезаря и табачку купил. И не заболел, перемогся»⁴. Автор перечислил события, происходившие в течение дня. Но особо отметил неслучившееся: «не посадили», «не выгнали», «не попался», «не заболел» – все неприятные возможности не сбылись. Положительные моменты подчеркнуты в следующих действиях: «закосил кашу», «хорошо закрыл процентовку», «клат весело», «подработал», «купил» и «перемогся». Лагерная жизнь давила Шухова и физически, и психологически, но она не уничтожила внутреннюю силу русского человека. Таким образом, писатель в каждое из перечисленных событий вложил

¹ *Солженицын А.И.* Радиоинтервью, данное Барри Холланду к 20-летию выхода «Одного дня Ивана Денисовича» для Би-Би-Си в Кавендише 8 июня 1982 // Публицистика: В 3 т. Ярославль: Верхняя Волга, 1997. Т. 3: Статьи, письма, интервью, предисловия. С. 21.

² *Солженицын А.И.* Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Время, 2006. Т. 1. Рассказы и Крохотки. С. 15.

³ Там же. С. 114.

⁴ Там же. С. 114.

позитивные элементы, которые создают яркий контраст бесконечному отчаянию зеков и лагерной системе.

В целом светлый тон рассказа проявляется не только в развязке. Он прозрачно и детально видится в каждом решении героев, в разговорах Шухова с другими людьми, в его действиях. Автор показал радости Шухова, хотя и незначительные, но заметные и повсеместные. Писатель соединил светлое восприятие человека и темные стороны лагеря вместе, чтобы первое противостояло второму: живая человеческая душа против безжалостного лагеря и даже против целой социальной системы.

День – это короткий отрезок в масштабах всей жизни. Но в плане деятельности он является насыщенным, поскольку в каждом текущем моменте перед героями появляются разные «мелкие новости», которые дают заключенным разные «мелкие возможности». Писатель перечислил эти возможности: «...шить кому-нибудь из старой подкладки чехол на рукавички; богатому бригаднику подать сухие валенки прямо на койку, чтоб ему босиком не топтаться вокруг кучи, не выбирать; или пробежать по каптеркам, где кому надо услужить, подмести или поднести что-нибудь...»¹. Эти возможности рассматриваются как стимулы изменения лагерной жизни, в них сконцентрированы жизненные правила в лагере, вокруг них развивается сюжетная линия рассказа и именно ими лагерная жизнь отличается от нормальной жизни.

Скорее всего, сущность этого единого мира проявляется не только через отдельные маленькие моменты; в целом же мир лагеря является неподвижным. Лагерь является закрытым пространством; стены физически отделяют лагерную жизнь от окружающего мира. В рассказе, кроме этих ограничивающих стен, мир лагеря характеризуется мелкими событиями, подобными невидимым стенам, которые изолируют героев от настоящей жизни. Так автор представил некую недоговоренность, которую отгадывают сами читатели: наблюдаемая снаружи жизнь в лагере – мертвая. Лагерная жизнь повторяется в мелочах «от звонка до

¹ Там же. С. 15.

звонка»¹. Получается, что у ээков нет будущего, и мысли, возникавшие у них в лагере, вряд ли могли касаться далекого будущего.

С другой стороны, «кто знает лагерную жизнь, всегда может подработать...»². То есть те, кто хорошо знают, умеют использовать возможности, появляющиеся в лагере, могут и выжить либо хитростью, жестокостью, либо жизненным опытом и умом. Именно в контексте вопроса о выживании автор показал каждую деталь лагерной жизни. Вместе с заданным вопросом начинаются и день Шухова, и сюжет рассказа: с пяти часов утра до того, что «засыпал Шухов вполне удовлетворенный»³. Это единственный вопрос, который волнует героев каждую минуту. Цель каждодневной деятельности героев рассказа – одна: убежать от голода и холода и не умереть. Например, герой тратил много сил на «хлеб». В тексте рассказа слово «хлеб» повторяется 27 раз. Употребляются и другие однокоренные слова: «хлебушка», «хлебец», «хлебной», «хлебать», «хлеборезка» – и текстовые синонимы: «пайка», «полпайка» [слово «пайка» повторяется 22 раза – Б. Я.]. Через столь подробное изложение читатели точно знают, как в лагере дают ээкам хлеб; какой дают хлеб; сколько раз в день дают хлеб; сколько у каждого ээка хлеба; как надо есть этот хлеб, с кашей или без ничего; когда его есть; как держать в руках, где положить и как спрятать... В размышлениях о хлебе возникали разные мысли о том, что «надо хлеб хранить, жизнь не потерять», ведь хлеб является средством к выживанию и отождествляется с теми вещами, которые необходимы для существования ээков. Все, что заботит ээков, коренным образом зависит от хлеба; все остальные мысли или потеряли значение, или исчезли.

Однако благородные человеческие качества не изношены в лагерных условиях; они проявляются по-другому, становятся незаметными. Для Шухова делать добрые дела принципиально важно, это является частью его натуры. Хитрость Шухова является «умом в маленьком масштабе», что свойственно и другим героям рассказа. Например, Шухов думал: «За что Алешка молодец: эту

¹ Там же. С. 112, 114.

² Там же. С. 15.

³ Там же. С. 114.

книжечку свою так засовывает ловко в щель в стене – ни на едином шмоне еще не нашли»¹). У Алешки есть только переписанная половина Евангелия, а он перечитывает, и людям свои мысли внушает. Он так же, как Шухов, своим способом делает другим маленькое добро.

«–На, Алешка! – и печенье одно [Шухов. – Б. Я.] ему отдал.

Улыбится Алешка.

– Спасибо! У вас у самих нет!

– Е-ешь! У нас нет, так мы всегда заработаем»².

Печенье изменило свой статус в лагерных условиях, став деликатесом. Оказывается, что дав печенье Алешке, Шухов совершил очень щедрый поступок. Шухов – не жадный, не эгоист, умеет делить радость с другими людьми. Главное: в лагере всякое маленькое добро увеличивается в размерах по своей важности, оказывается гораздо большим, чем является в нормальных жизненных условиях.

Расширяя границы настоящего времени и замкнутости пространства, А.И. Солженицын много уделял внимания вопросу будущего. Об этом он размышлял не только в своих произведениях, но и при чтении других авторов. А.И. Солженицын, например, считал, что Е.И. Замятин «видит далекое завтра»³. Именно это – художественное прозрение и пророческий характер произведений Е.И. Замятина – стали одним из факторов собственно писательского и исследовательского сближения имен двух художников.

Замечено, что «первоначальное авторское заглавие рассказа «Один день Ивана Денисовича», «Щ-854», вольно или невольно отсылает читателя к роману Е. Замятина «Мы», где граждане единого тоталитарного государства обозначены такими же обезличивающими номерами вместо имен»⁴. Появление номеров и шифров в упомянутых произведениях не является случайным совпадением и

¹ Там же. С. 28.

² Там же. С. 113.

³ *Солженицын А.И.* Из Евгения Замятина: Из «Лит. коллекции» [Электронный ресурс]. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1997/10/solgen.html (дата обращения: 03.03.2015)

(*Солженицын А.И.* Из Евгения Замятина: Из «Лит. коллекции» // Новый мир. 1997. № 7. С. 186-201.)

⁴ *Спиваковский П.Е.* Через полвека // «Ивану Денисовичу» полвека: Юбилейный сборник (1962-2012) / Сост. П.Е. Спиваковский, Т.В. Есина; вступ. ст. П.Е. Спиваковского. М.: Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына: Русский путь, 2012. С. 8.

следствием простой симпатии А.И. Солженицына к Е.И. Замятину, а подтверждает мысленную и духовную близость художественных мастеров.

В отличие от Е.И. Замятина, у А.И. Солженицына созданные характеры не из будущего мира. Более важным понятием для писателя является понятие настоящего. Он пишет о том, что было, есть и происходит в нашей жизни. «Сегодня» существует в качестве исторического фрагмента, оно само по себе удивительно и поучительно. Народ всегда ощущает себя в рамках настоящего, его нужды, проблемы и уровень жизни отражают развитие общества.

Размышления А.И. Солженицына о будущем конкретизовались в изображении деталей настоящей жизни героев. Главный герой рассказа «Один день Ивана Денисовича» Шухов, – зэк, проживающий свою жизнь в трудовом лагере. Не важно, сколько времени герой прожил и еще проживет заключенным. Главное, как он живет в настоящий момент: терпит ли холод и голод, мучается ли?

День Шухова показан через художественную лупу, автор тщательно показал каждое действие и психологическое движение героя. С помощью этих деталей возможно предположить, как пережил Шухов эти годы и какие трудности ему придется преодолеть в будущем. Все второстепенные герои рассказа также проходят испытания, страдают. Это воплощено и на лингвистическом уровне. Героям принадлежат короткие реплики, в которых употребляются просторечия. Писатель специально выделил ударение в словах, наполнил разговоры глаголами повелительного наклонения, междометиями, восклицательными и вопросительными предложениями. Есть и авторские объяснения в скобках. Цель подобных художественных приемов заключается в том, чтобы не исказить события, происходившие в лагере, что обеспечивает истинность истории и позволяет размышлять о будущем на основе реальности. Если учесть, что Шухов и другие герои – представители своей эпохи, тогда их день – не только маленький фрагмент в десятилетней жизни одного невинного человека, – он предстает как образец жизни огромного количества русских людей. И «таких дней в его сроке

от звонка до звонка было три тысячи шестьсот пятьдесят три»¹. В развязке рассказа в последних предложениях Солженицын напомнил читателям, что «не омрачённый, почти счастливый»² день повторяется снова и снова. Процесс повторения этих дней заставил всех обдумать суть жизни заключенных: это нечто большее, чем повторение длительного тихого отчаяния в застывшем времени. Солженицын передал духовное переживание, нравственное возмущение и, наконец, социальное потрясение, чтобы никто не смог позволить себе сказать, что десять лет были ничтожным фрагментом истории.

Показательным в плане соотношения настоящих и будущих событий является рассказ «Случай на станции Кочетовка». Произведение еще раз демонстрирует мастерство Солженицына «в использовании художественной детали, <...> диалога, <...> в создании подробного портрете литературных героев»³. Заметим, что само название рассказа имеет символические оттенки, вызывает разные ассоциации. Случай – недлительный факт; слово, перед которым требуется поставить подходящие имена прилагательные типа «важный», «неожиданный», «неприятный» и др. Станция – пункт остановки, через который протянутся дороги или пересекутся с другими. Одновременно это эпизодический фрагмент, узел между прошлым и будущим. События, происходившие на станции, возможно, станут решающими факторами, которые не менее важны, чем повороты в судьбе человека. Иными словами, на маленькой железнодорожной станции преднамеренные и нечаянные поступки Зотова могут сильно повлиять на судьбы других людей; его решения предвещают изменения жизненных путей людей малознакомых и невиновных.

Зотов, главный герой рассказа, – человек ответственный, патриотичный, он четко осознает свой долг и важность работы, поэтому не позволяет себе ошибаться в вопросах, связанных с войной и Родиной. Но он не ожидал, что сыграет чрезвычайно важную роль в судьбе Тверитинова и полностью изменит его последующую жизнь. Зотов сомневался в правильности своего поступка, но

¹ Солженицын А.И. Собр. соч.: в 30-ти т. Т. 1. Рассказы и Крохотки. М.: Время, 2006. С. 114.

² Там же. С. 114.

³ Полякова Л.В. Солженицын Александра Исаевич // Полякова Л.В. Тамбовская магистраль русской литературы. Тамбов: Изд-во Тамбовского отделения ООП «Литфонд России», 2011. С.173.

ему, к сожалению, нечем ответить на недоумение и мучения Тверитинова. «– Вы – з а д е р ж и в а е т е меня?!»¹ – вопрос дан вразрядку с вопросительным и восклицательным знаком, что указывает на логическое ударение, подчеркнута громкую интонацию, замедленный темп произнесения слова. Это арест, произведенный неожиданно для Тверитинова; его слова звучат с испугом и сомнением. И эти чувства противоположны обдуманному плану Зотова, и арест стал жестоким и подлым событием. Однако в процессе ареста молодой лейтенант твердо поступает, хотя в самый момент ареста «овладела Зотовым робость»²: необходимо ловить Тверитинова, поскольку он является подозрительным человеком.

Мир, существующий под пером А.И. Солженицына, раскрывается на материале «настоящего». Справедливо высказывание писателя о том, он «умел в самых, казалось бы, обычных деталях и подробностях увидеть целую художественную вселенную, связанную с первоосновами человеческого бытия»³, и он стал «тайнозрителем социального и исторического»⁴. В малой прозе А.И. Солженицына читается портретный очерк или история героя, живущего в определенном историческом периоде.

Реальный мир с его пространственно-временными координатами в художественных произведениях А.И. Солженицына восстановлен путем детализации событий. Это позволяет автору сделать акцент на двух моментах. Во-первых, по сравнению с величиной и продолжительностью истории описываемые события являются, пользуясь терминологией писателя, крохотными. Во-вторых, в противовес первому положению, писатель концентрирует внимание на личностной активности героев, проявляемой в частных ситуациях, и реакции на эти маленькие события.

¹ *Солженицын А.И.* Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Время, 2006. Т. 1. Рассказы и Крохотки. С. 207.

² Там же. С. 207.

³ *Спиваковский П.Е.* Через полвека // «Ивану Денисовичу» полвека: Юбилейный сборник (1962-2012) / Сост. П.Е. Спиваковский, Т.В. Есина; вступ. ст. П.Е. Спиваковского. М.: Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына: Русский путь, 2012. С. 9.

⁴ *Седакова О.* Маленький шедевр: «Случай на станции Кочетовка» // Между двумя юбилеями (1998–2003): Писатели, критики и литературоведы о творчестве А.И. Солженицына: Альманах / Сост. Н.А. Струве, В.А. Москвин. М.: Русский путь, 2005. С. 322.

Размышляя о будущем, А.И. Солженицын обращался к истории. Писатель поместил героев, многие из которых имели реальных прототипов, в определенные исторические условия, обрисовал их поведение и образ жизни. По сравнению с бесконечным временем и пространством жизнь человека является лишь «ничтожным отрезком», «но изнутри человеческой жизни они [ничтожные отрезки. – Б. Я.] обретают единственный ценностный центр, по отношению к которому уплотняются, наливаются кровью и плотью»¹. Ведущее значение в организации пространственно-временных отношений в малой прозе А.И. Солженицына приобретает детальное изображение ограниченного периода в судьбе героя, который, однако, становится целостным отражением всей жизни не только одного человека.

Помимо сжатости сюжета, насыщенного детально изложенными событиями, в хронотопической организации произведения Солженицына наблюдается особенная единица времени – день: «Природа дня – наиболее универсальной единицы времени»². Содержательность «Одного дня...» достигается именно путем уплотнения времени действия до периода времени меньше суток, который содержит бесконечно повторяющиеся события повседневной лагерной жизни.

С одной стороны, плотно наполняющие день события придают динамичный характер действиям героев, что подчеркивает быстроту и интенсивность событий мира Шухова. Автор акцентирует внимание на активности и сильной воле главного героя в лагерных условиях, что позволяет усилить оптимистический настрой произведения. С другой стороны, повторение каждодневного набора событий вскрывает атмосферу застоя в общественной социальной сфере, что в целом представляет статичный ракурс для размышления о трагических судьбах эзков, о судьбах пострадавших от тоталитарного режима.

Следует заметить, что замысел идеи об уплотненном дне и его бесконечном повторении возник намного раньше создания «Одного Дня...». В раннем

¹ Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической действительности // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. С. 232.

² Урманов А.В. Художественное мироздание Александра Солженицына: монография. М.: Русский путь, 2014. С. 424.

творчестве Солженицына практически в самом начале поэмы «Дороженька», – в главе «Зарождение», – автор написал краткий очерк об истории создания поэмы; в нем он наглядно представил особую временную единицу – день:

Чернеют вышки очерком знакомым.

От вышки к вышке *день* сочится над державою.

<...>

Так будет *год*. И *десять* так. И так же *двадцать пять*.

Всё то же самое. *Опять. Опять.*

<...>

Идём, как будто бы кого-то хороня.

Да каждый *день* и хоронят кого-нибудь

<...>

Заря.

И – *день*.

<...>

И – *день*, и – *день*, и – нет ему конца!

<...>

Опять, опять гудит над лагерем звонок.

<...>

Отбой¹.

В этих строках день в сравнении с жестоко растянутыми «десять» и «двадцать пять» лагерных лет кажется мгновением. Многократно повторяющееся в них слово «опять» вместе со словосочетанием «И – день, и – день...» подчеркивает цикличность времени. И выравниваемые слова по центру – «Заря / И – день» и «Отбой», визуально отделенные от остальных строк, – подчеркивают однообразие рутины повседневных событий лагеря и акцентируют внимание на монотонном стиле их жизни.

Писатель относит день к числу наиболее содержательных единиц времени. Во многих произведениях Солженицына основные сюжетные события

¹ Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Время, 2016. Т. 18. Раннее. С. 9-10.

совершаются в короткий период – от менее суток до нескольких дней. Например, в ранней прозе, не считая «Один день...», основное действие в рассказах «Захар-Калита» и «Случай на станции Кочетовка» уместается в короткий период времени. В рассказе «Захар-Калита» от момента прибытия туристов на Поле Куликово до их отъезда проходит не более суток, а в «Случае на станции Кочетовка» судьба Тверитинова решилась в течение разговора с лейтенантом Зотовым.

В рассказах «Захар-Калита» и «Случай на станции Кочетовка», помимо коротких временных отрезков, в которых происходят главные сюжетные события, представлено и широкое временное пространство, в котором представляются фоновые события для основных сюжетов. В обоих рассказах показана ежедневная деятельность героев, в «Захаре-Калите» – это осмотр Захара Дмитрича на огромное Поле Куликово, в «Случае на станции Кочетовка» – это диспетчерская служба Зотова. Помимо постоянных режимов героев в «Захаре-Калите» наминается история о Куликовской битве, в «Случае на станции Кочетовка» *случай* с Тверитиновом рассматривается на фоне войны. Итак, по сравнению с крупными историческими событиями главные сюжеты в рассказах оказываются всего лишь маленькими фрагментами в индивидуальных случаях. Однако подобные события обладают весомым значением для отдельного человека. Именно через них раскрываются жизненный принцип Захара Дмитрича, внутреннее противоречие молодого лейтенанта, и судьбоносный момент Тверитинова.

В сюжетах, развивающихся на протяжении относительно длительного периода, писатель уделяет внимание тем дням, в которых происходят крупные события; чаще всего, это первый или последний день, который символизирует начало или конец истории.

В творчестве Солженицына первый день постоянно находится в эпицентре внимания писателя. Идея о прояснении первых причин происхождения каких-либо крупных событий прослеживается в самых ранних произведениях писателя. Позволим вспомнить вышеупомянутые нами строки во «Вступлении» поэмы

«Дороженька»: «Вспомним ли <...> / Первый день?»¹. Также вспомним «Пасхальный крестный ход» – рассказ, датированный с замечанием:

«10 апреля 1956
Первый день Пасхи»².

Писатель старается с точностью и подробно разъяснить особое значение первых дней для своих героев; в то же время, подчеркивает важность самих событий.

Разумеется, что первый день имеет гораздо большее значение, чем конкретный суточный срок. В этом дне представляются первые приметы начатых героями событий – первые часы и периоды каких-либо важных действий. Также и последний день, в котором обобщены пережитые опыты героев в прошедших временах, рассматривается последний путь в определённой истории.

Именно поэтому в «Матренином дворе» в финальной части рассказа на похоронах героини поведение ее родственников особенно поражает эгоизмом и равнодушием к смерти близкого им человека, что составляет большой контраст с Матрениной добротой и бескорыстностью. Также в «Правой кисти» последний жизненный этап Н. К. Боброва, – ветерана революции, заслуженного человека, – оказывается крайне трагичным. Ибо он был тяжело болен, немощен и несправедливо забыт историей. Практически то же самое случилось в рассказе «Как жаль» с отцом Анны Модестовны. Заслуженный инженер реабилитирован после двадцатилетнего тюремно-лагерного и ссыльного срока; однако, возвращение старика к вольной жизни оказывается малополезно, ибо «работы для него подходящей нет, а на пенсию он не выработал»³. Таким образом, писатель подчеркивает трагическую участь в судьбах героев, через описание которых автор касается конкретных проблем нравственности и справедливости. Тем временем, в историях героев представлены и ракурсы для отражения быта народа, социальных явлений России и душевного состояния русских людей – ракурсы, отражающиеся русскую жизнь.

¹ Там же. С. 12.

² Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Время, 2006. Т. 1. Рассказы и Крохотки. С. 267.

³ Там же. С. 263.

Мотив *первых* и *последних* наблюдается и в последующих произведениях Солженицына. Например, писатель назвал свой роман «В круге *первом*», главные события романа происходят в *последнюю* неделю 1949 г.; в повести «Раковый корпус» двумя заключительными главами представляются «*Первый* день творения» и «*И последний* день» [курсив мой. – Б. Я.].

Позволим более подробно остановиться на содержании главы «Первый день творения» в «Раковом корпусе». Для Костоглотова выписывание из ракового корпуса имеет огромное значение, ибо после длительного лагерного срока и ссылки, после мучительного лечения в онкологическом диспансере возвращение к новой жизни непременно воспринимается как торжественное событие. Оно не только свидетельствует об исцелении от роковой болезни – телесном возрождении, но и о внутреннем исцелении – воскресении души. Поэтому день отъезда от больницы обозначает день настоящего освобождения героя. В название главы 35 – «Первый день творения» – подчеркивается значимость этого дня в судьбе Костоглотова. В ней с подробностями изображено первое впечатление героя обо всех окружающих событиях, что дает читателям возможность обстоятельно разъяснить временно-пространственное соотношение в поэтике писателя.

При выходе из больницы Костоглотов последний раз стоял на крылечке больницы, он испытывал «ранневесеннюю, раннеутреннюю радость»¹. Это утро наполнено свежестью, что дает ощущение прилива жизненных сил. Герой с большим удовольствием наблюдал природные явления в этом новорожденном мире. Он был восторжен и одушевлен, видел весь мир в розовом свете и чувствовал в нем тихую радость и вечное умиление.

Стоит обратить внимание на необычную цветопись этого утра. Розовый цвет наглядно рассматривается во многих утренних картинах; и цвет сам по себе пополняет романтический и оптимистический оттенки в сюжете. Сначала, еще не выходя из больницы, Костоглотов поднял голову и увидел «...небо

¹ Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Время, 2012. Т. 3. Раковый корпус. С. 406.

развёртывалось розовым от вставшего где-то солнца»¹; затем эта розовость растворилась по всему поглубевшему небу. В Старом городе Костоглотов увидел цветущий урюк – «прозрачный розовый как бы одуванчик, <...> метров шесть в диаметре, – невесомый воздушный розовый шар»². Олег с восхищением всматривался в это «сквозистое розовое чудо»³ и воспринимал это торжественно расцветающее дерево как награждение из новой жизни. Позже его ожидает новое открытие: это был Шашлык «в нежном розово-сером цвете» с прелестным затягивающим мясным запахом⁴.

Подобная розовость также заключается в маленьких штрихах, которые украшают радостное настроение героя. Она воплощается во многих деталях, например, в виде маленького кусочка розовой бумаги, в узбекском наряде и в подробном описании расцветания урюка.

В целом розовый цвет гармонизируется с возобновлением природы весеннего периода, создаёт оживленную атмосферу этого утра. На фоне розового цвета происходят отдельные эпизодические события, которые произвели яркое впечатление на героя. Внутреннее ощущение героя резонирует с этим розовым миром. Каждый раз он рассматривал заново рожденный мир с благодарностью и полной надеждой.

Следует заметить, что под пером А.И. Солженицына природные явления представляют собой важные индикаторы времени, они же присутствуют как сюжетные составляющие элементы. Ранневесенним утром герой наслаждался этой заново дарованной ему жизнью; солнце поднималось, и розовая тональность превращалась в конкретный образ солнца. Таким образом, помимо весеннего периода и утреннего времени в главах «Первый день творения» и «И последний день» появляется другой особенный временной индикатор – солнце.

Образ солнца способствует созданию полноценного мироощущения героя. В восприятии Костоглотова солнце отождествляется с образом, символизирующим вечность; оно является единственным свидетелем всех

¹ Там же. С. 405.

² Там же. С. 409.

³ Там же. С. 410.

⁴ Там же. С. 411.

несчастий и всех радостей героя. В сюжете герой отмеривает время по высоте солнца; каждый новый час его ожидают новые события. Наблюдение изменения высоты солнца позволяет приблизительно зафиксировать время совершения определенных случаев; оно подчеркивает значимость текущих моментов и предвещает дальнейшие действия, предупреждает об изменении или завершении последующих событий и таким образом указывают временное перемещение, сопутствующее перемещению в пространстве и сюжетному развитию.

Меняется и настроение героя: утром герой испытывал тихую радость в этом новом мире; в середине дня, когда солнце стояло высоко, он с волнением ожидал встречи с симпатичной ему девушкой; а в первом часу сумерек он сел в поезд, решив уехать навсегда, и лишь «...когда дрогнул и тронулся поезд – там, где сердце, или там где душа, – где-то в главном месте груди – его схватило – и потянуло к оставляемому»¹.

Подобные природные явления наблюдаются и в других произведениях Солженицына; они также вызывают большой интерес у исследователей. Например, в статье А.В. Урманова, посвященной специфике художественного время-пространства «Одного дня...», присутствуют фрагменты о значении образа солнца и роли природного мира². В работе, посвященной ранней прозе писателя, Н.В. Ковтун многократно упоминает роль природных явлений³. В.В. Гуськов подробно исследовал поэтику романа «Красное колесо» на примере образа земли⁴.

Разумеется, в главах «Первый день творения» и «И последний день» временная организация, уплотненная впечатляющими эпизодами и разнообразными мыслями героя, снова напоминает важнейшую особенность

¹ Там же. С. 447.

² Урманов А.В. День, срок, вечность (Своеобразие пространственно-временной организации рассказа «Один день Ивана Денисовича») // Художественное мироздание Александра Солженицына: монография. М.: Русский путь, 2014. С. 424-430.

³ Ковтун Н.В. «Неославянофильская» утопия в раннем творчестве А. Солженицына // Деревенская проза в зеркале утопии. Новосибирск: изд-во со РАН, 2009. С. 261-279.

⁴ Гуськов В.В. Образная система как объект объёмного и динамического воссоздания в эпопее А.И. Солженицына «Красное Колесо» (на примере образа земли) // «Красное Колесо» А.И. Солженицына: Художественный мир. Поэтика. Культурный контекст: Международный сборник научных трудов. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2005. С. 89-114.

поэтики Солженицына: в сжатом художественном времени концентрируется множество событий с их подробностями.

В связи с ролью деталей в произведениях Солженицына позволим вспомнить, что в рассказе «Правая кисть» автобиографический герой, – бывший зэк, раковой больно́й, – с глубоким чувством произнес: «...я уже знал ту истину, что подлинный вкус жизни постигается не во многом, а в малом»¹. Именно поэтому, понятие о *малом* имеет особое значение в произведении Солженицына. В поэтике писателя понятие *малое* не ограничивается детализированным вещным миром и многочисленными маленькими событиями. Оно обозначает гораздо больше и прежде всего представляется как совокупность небольших явлений, взаимосвязанных, взаимовлияющих, и играющих весомую роль в основных сюжетах.

Рассмотрим примеры в романе «В круге первом», в которых маленькими штрихами создается объединенное мироздание романа. По наблюдениям М.М. Голубкова, в романе присутствует четыре хронотопа: центральный – Марфинская шарашка; хронотоп, противостоящий миру заключенных; московские улицы и хронотоп истинной России². Резонно разделить и героев на три основных типа: заключенные; герои из вольного мира; служащие государственной системы, которая включает тюремщиков, министра Госбезопасности, прокурора, дипломата, советского писателя и многих других персонажей.

В сюжетах судьбы героев, имеющих разное социальное положение, так или иначе, связаны. На определенном уровне у многих героев сложилось общее мнение о персонажах не из своего круга происхождения. Тем не менее, существуют отдельные истории, в которых представлено нестандартное восприятие героев *несвоих (чужих)*; и через эти случаи передаются мысль и внутренние состояния разных героев. Эти случаи являются небольшими

¹ Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Время, 2006. Т. 1. Рассказы и Крохотки. С. 149.

² Голубков М.М. Александр Солженицын. В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 45-50.

составляющими частями общественных явлений, и в целом вычерчивается *круг*, в котором находятся все герои.

Попробуем рассмотреть историю Клары Петровны Макаригины и представить как ее судьба связана с героями из разных миров.

Клара – младшая дочь высокопоставленного московского прокурора. Она с детства имела материальное благополучие и безупречное соцпроисхождение. Она привычно называла знаменитого советского писателя, ее старшего зятя, «Колей и на «ты»¹; и к мужу младшей сестры, дипломату, государственному советнику, обращалась как Ник и также на «ты».

Для заключенных Клара, прежде всего, представляется тюремным работником. Однако на глазах юного арестанта Руськи Клара и есть та прелестная возлюбленная девушка. Разумеется, тюремные условия не способствовали развитию их отношений. Даже если бы Руське не грозила вечная ссылка, их роман вряд ли мог завершиться благополучным концом. Также и любовь Нержина с Симочкой, любовь молодых людей, оказалась бесплодной.

История Клары также связана с героями из вольного мира. В памяти Клары остались ужасные воспоминания о ташкентском базаре, где она увидела крайнюю нищету жизни народа; именно тогда она узнала, что многие люди, в том числе, большинство ее соучеников, страдали от голода.

В романе эту сцену открывает домашняя вечеринка Макарыгиных, в которой участвуют герои с разным социальным положением. Кроме представителей так называемого высшего общества, присутствуют и такие персонажи, как Душан Радович, старый друг Макарыгиных, «...бывший профессор давно упразднённого Института Красной Профессуры»², – гость, который никак не вписывался в выдающуюся компанию вечеринки, ибо по званию Радович составлял большой контраст с генерал-майором Слокутой, «...тоже прокурор, и очень важный человек по службе»³. Пришла и Кларина сокурсница – девушка, которая умоляла о помощи референта, чтобы спасти

¹ Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Время, 2011. Т. 2. В круге первом. С. 296.

² Там же. С. 448.

³ Там же. С. 448.

арестованного отца, разбитого параличом в лагерных условиях. Пришел и Щагов – бывший фронтовик, ныне – полуголодный студент.

Клара также особенно запомнила «серую нагнутую фигуру и вывернутое ненавидящее лицо»¹ моющей пол женщины. Она была «опалена жгучим презирающим взглядом»² этой женщины, которая впечатлила ее своим «выразительным интеллигентным лицом»³, от нее еще долго испытывала «высший стыд и страх!»⁴.

Следует заметить, что в романе разные герои, включая надзирателей Марфина, заключенных спецтюрьмы, государственных служащих, простых советских работников и московских студентов, являются одними из множества участников советской жизни. Их судьбы представлены на широком фоне социальных явлений России. В каждой индивидуальной истории героев представлены отдельные ракурсы советского времени. Практически все герои – от заключенных до советского вождя – даются с их предысториями; даже «интеллигентное лицо» моющей пол женщины напоминает ее историю прошлых лет.

Итак, в поле зрения Клары попадали довольно многие герои со своими историями – от заключенных до влиятельных лиц общества; и каждый из них, так или иначе, оказывал влияние на Кларину жизнь. Чаще всего, истории героев представляются эпизодическими, однако, отличаясь женской восприимчивостью и отзывчивостью, Клара принимала все эти истории близко к сердцу, и по этой причине она многократно вспоминала встречу с той моющей женщиной на лестнице.

Клара выступает героиней, которая объединяет разные типы персонажей. Её жизненные наблюдения содержат многие небольшие события, через которые, однако, отражаются социальные явления советской жизни. Эти явления касаются вопросов об уровне жизни советских людей, о привилегиях чиновников, о праве человека на свободное мышление и на любовь. Каждый герой со своими

¹ Там же. С. 295.

² Там же. С. 294.

³ Там же. С. 294.

⁴ Там же. С. 295.

историями открывает особенный ракурс для Клары, через который она старается постигать смысл жизни. Все эти эпизоды в целом восстанавливают тот мир, в котором живет Клара; и в большой степени именно этими событиями писателю удалось представить тот большой круг, в котором присутствуют все герои.

В романе присутствует другой герой – Душан Радович, старый друг прокурора Магарыгина, в то же время оказавшийся «тесно-близким»¹ с арестантом Абрамсоном «с первых же слов»². В отличие от масштаба *Кларина круга*, в сюжете не дается подробного описания взаимосвязи героев внутри *круга* Радовича. Однако, подобно Кларе, Радович выступает в качестве героя, объединяющего мир заключенных и вольный мир.

В сюжете также присутствует краткий комментарий о жильях Макарыгиных. Щагов «...поднимался по той самой лестнице, где Кларе всё виделась моющая женщина, и в ту квартиру, где четыре года назад, елозя на коленях в рваных ватных брюках, настилал паркет тот самый человек [Нержин – Б. Я.], у которого он только что едва не отнял жену [Надежду Нержину, соученицу Щагова – Б. Я.].

Дома тоже имеют свою судьбу...»³.

Таким образом, писатель объединил разных героев в одном временно-пространственном определении и в якобы случайных совпадениях подчеркнул связанные узлы в судьбах героев. Заметим, что в романе в качестве подобного дому пространства присутствует и комната в общежитии университета, в которой соединились судьбы Нади и ее соучеников: Щагов, Эржика, Муза и другие персонажи.

В пространстве романа присутствуют и многочисленные эпизоды, выступающие как составляющие факторы на фоне истории; они восполняют общую картину времени. Эти эпизоды также раскрывают писательскую позицию в отношении нравственных, социально-исторических и философских проблем.

Например, в финальной сцене романа прочитав на машине-фургоне:

«Мясо

¹ Там же. С. 460.

² Там же. С. 460.

³ Там же. С. 424.

Viande

Fleisch

Meat»¹, иностранный корреспондент вспомнил, что за день он успел видеть в Москве «не одну такую машину»². Его восхищение от продовольственного снабжения столицы ярко контрастировало с горестной истиной, затаенной за этой опрятной наружностью. В этом эпизоде прояснена меткая ирония писателя.

В главе 35 «Немой набат» в пути на свидание к жене Нержин увидел детишек, «говора которых, Нержин не слышал, кажется, с начала войны. Детских голосов не приходится слышать ни солдатам, ни арестантам»³. Отсутствие детских голосов не только напоминает о потерянной юности поколения Нержина, но и, главное, воплощает печальный отрезок в истории России и в жизни русского народа.

В своих произведениях А.И. Солженицын уделял особое внимание проблемам писательского труда – теме, тесно связанной с жизненным мироустройством интеллигентов. Эта тема прослеживается на протяжении всего творческого пути Солженицына: в его лагерных стихотворениях, в романе «В круге первом», в повести «Раковый корпус», в двучастных рассказах, в публицистике и в произведениях других жанров. В представлении Солженицына писатели условно делятся на две части: настоящие писатели и все остальные. К числу первых он относил таких *русских* писателей, как Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой и А.С. Пушкин. В число вторых входили некоторые *советские* писателя, по сути являющиеся не больше, чем партийными агитаторами и политруками сталинской власти.

В романе «В круге первом» один из числа «писателей», Галахов, явно относится ко второму типу писателей. Солженицын обратил внимание на восприятие читателями сборника Галахова. В Марфине, прочитав книгу Галахова, Хоробров очень сожалел о том, что «даже Галахов <...> давно сполз на эту

¹ Там же. С. 716, 720.

² Там же. С. 720.

³ Там же. С. 251.

принятую манеру писать как бы не для людей, а для дурачков, которые жизни не видели и по слабоумию рады любой побрякушке»¹.

Читая Галахова, студентка-венгерка Эржика «...по своим слабому знакомству с языком и обычаями»² России, еще не успела увидеть подобных людей как героев в произведениях писателя, «...но тем более важно было узнавать их из книг»³.

Стоит заметить, что выражение «слабое знакомство» содержит недоговоренную двусмысленность, которая тонко намекает, что подобные герои из-под пера Галахова вряд ли существуют в реальной советской истории.

Оценки читателей содержат иронию по поводу большой популярности Галахова. Утонув в прославлениях и почетных званиях, отдалившись от истинных творческих источников и переживая мнение критика Ермилова, Галахов испытывал глубокий кризис в последнем творческом процессе. Он также является подневольным человеком, несвободно мыслящим, подчиняющимся тоталитарной системе.

Примечательно, что в романе мнения Хороброва и Эржики о творчестве Галахова представляются эпизодическими фрагментами, и назначение этих отрывков – изображение обыденных явлений и миропредставления героев. Например, чтение Хороброва представляется занятием эзков в ценные свободные минуты (в главе 31 «Как штопать носки»), а чтение Эржики демонстрирует взгляд иностранки на советскую жизнь (в главе 49 «Жизнь – не роман»).

Таким образом, образ Галахова и ценность его произведения измерены на нескольких разных хронологических уровнях: в доме Макарыгиных среди близких Галахова, в Марфине среди эзков, в обществе среди советских читателей. Вспомним, как Иннокентий спрашивал Галахова: «Какой же из русских писателей не примерял к себе втайне пушкинского фрака?.. толстовской рубахи?..»⁴ (в главе 62 «Два зятя»). В каждом хронотопе Солженицын находит различие между Галаховым и настоящим писателем. Подтекст подобного сравнения акцентирует

¹ Там же. С. 216.

² Там же. С. 348.

³ Там же. С. 348.

⁴ Там же. С. 453.

внимание на разъяснении причин потери Галаховым таланта, подводит читателя к размышлению о качествах, которыми должны обладать настоящие писатели, и доказывает, что в романе творчество Галахова обладает в гораздо большей степени социально-политическим значением, нежели художественным. Явное преувеличение достоинств произведений Галахова лишней раз свидетельствует об идеологической диктатуре советской власти. История Галахова типична для культурной жизни того времени.

В своем труде А.В. Урманов высоко оценил эстетическую значимость детализованных вещных изображений в произведениях Солженицына. Ибо предметные образы служат «...некими художественными *квантами*, несущими в себе память об общем устройстве поэтической вселенной автора, о ее свойствах и качественных характеристиках»¹. Помимо вещной организации, короткое описание мыслей и действий героев, их восприятия окружающей среды привносит и *имматериальные*² детализированные воплощения в сюжете произведений.

Позволим взять лишь один из многих примеров в романе «В круге первом». Рассмотрим окружающий мир героев, отражаемый через многообразные детали, и постараемся выяснить пространственно-временные отношения в нем.

В конце романа Иннокентий арестован. В этом фрагменте с помощью описания вещной организации закрытое пространство спецтюрьмы проявляется на трех уровнях: на уровне общей территории тюрьмы, на уровне внутренней тюремной обстановки и на уровне внутренних обстановок отдельных камер.

Изначальное впечатление героя от Лубянской тюрьмы таково: «Красный флажок, освещённый из глубины крыши прожектором, <...>, как гаршиновский красный цветок, вобравший в себя зло мира.

<...>

Чёрные железные ворота тотчас растворились... <...>

¹ Урманов А.В. Мир вещей и мир людей (Метонимические свойства предметов в «Одном дне Ивана Денисовича») // Художественное мироздание Александра Солженицына: монография. М.: Русский путь, 2014. С. 101.

² Урманов А.В. Разлом русского быта и бытия («Красное Колесо» как диагноз национальной болезни) // Художественное мироздание Александра Солженицына: монография. М.: Русский путь, 2014. С. 167-168.

Чёрной подворотней автомобиль прошмыгнул во двор»¹. Эти черные ворота и высокие стены закрыли выход в свободный мир. Через это промежуточное пространство между двумя мирами Иннокентий шагнул в тюремную бездну; он чувствовал, как внутри нарастает страх.

Описание обстановки внутри тюрьмы во всех подробностях усиливает ее гнетущую атмосферу и отражает психологическое напряжение героя. Гудение лифта, напоминающее «о механических способах уничтожения людей»², длинные тюремные коридоры и их могильная тишина, истертые арестантами ступени лестниц, ослепительно яркое освещение, бесчисленные квадратные боксы с «перекрещенными металлическими прутками»³ и остекленными глазками для наблюдения за арестованными; убогий предбанник,⁴ а также бесчисленные другие предметы, – все это находится в закрытом здании Лубянской тюрьмы. Детальное описание этих предметов, собранных вместе, передает мрачную жестокость тюрьмы.

Маленькие герметизированные помещения не только физически подавливают арестантов, но и угнетают их душу. Перемещаясь в них, арестанты изолированы от внешнего мира, остаются наедине со своей тревогой. В боксе, находясь в страшной панике, Иннокентий терял четкое сознание, он словно ощутил, что в камеру через отдушину втекал бесцветный отравляющий газ без запаха, и поэтому испытывал приступ удушья⁵. Дурное чувство героя обозначает его крайне измученное состояние и ощущение отсутствия свободы.

В сюжете сам писатель акцентировал внимание на значимости *мелких вещей*. В описанном далее фрагменте присутствует комментарий писателя как закадровый голос: «Мелкие вещи – носовой ли платок, пустая ли спичечная коробка, суровая нитка или пластмассовая пуговица – это теснейшие друзья арестанта! Всегда наступит момент, когда кто-то из них станет незаменим – и

¹ Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Время, 2011. Т. 2. В круге первом. С. 658.

² Там же. С. 662.

³ Там же. С. 663.

⁴ См.: С. 674-675.

⁵ См.: С. 663.

выручит!»¹. Заметим, что этот комментарий напоминает и о других лагерных сюжетах Солженицына; например, напоминает лагерный быт Шухова и других зэков.

В сюжете Иннокентий дважды обратил внимание на рисунки на Лубяньских кружках. В боксе Иннокентию выдали кружку «со странным рисунком: кошечка в очках делала вид, что читала книжку, на самом же деле косилась на птичку, дерзко прыгавшую рядом»². В восприятии Иннокентия кошка, птичка, книжка являются символическими образами: кошка – советская власть, точнее, сталинская власть, «книжка – сталинская конституция, а воробушек – мыслящая личность», – жертва этой власти³. Наблюдение Иннокентия за этим крохотным рисунком дало ему ценную минуту сознательной жизни в перовой тюремной ночи; он временно отвлекся от мыслей, замутнённых арестом; и испытывал «странную радость – радость *крохи бытия*»⁴ [курсив мой. – Б. Я.]. Заметим, что отсутствие ощущения бытия, в очередной раз, подчеркивает тюремную мрачность. К общей атмосфере тюрьмы подходил этот рисунок на кружке, который словно «нарочно подбирали для Лубянки»⁵. Интерпретация рисунка Иннокентием метафорична, это иронический каламбур, ибо подобным образом примерно и представилось отношение его судьбы со сталинской системой.

Напомним, что в сюжете присутствует Косенький надзиратель – бывший матрос Балтийского флота, – образ, напоминающий доброго младшину Наделашина, при возможности заботился об удобстве Иннокентия. Иннокентий ощутил, что на «мертвом лице»⁶ этого надзирателя «всё-таки было что-то живое»⁷, и первый раз в этой ночи услышал «человеческое обращение»⁸. С осторожностью надзиратель «переступил одной ногой через порог, прикрыл дверь, насколько позволяли его плечи, и, совершенно неуставно подморгнув, спросил тихо:

¹ Там же. С. 688.

² Там же. С. 664.

³ Там же. С. 665.

⁴ Там же. С. 665.

⁵ Там же. С. 665.

⁶ Там же. С. 687.

⁷ Там же. С. 687.

⁸ Там же. С. 687.

– Ты кем был?

Как необычно это звучало! <...> Потрясённый живым тоном вопроса, тихостью утаённого от начальства...»¹.

В сюжете акцентируется внимание на некоторых телодвижениях надзирателя и оттенках его речи. Позволим напомнить, что в произведении Солженицына часто представлены характерные позы, типичные выражения лиц и жестов, манера обращения, привычная лексика героев. С помощью этих многочисленных деталей писатель старается раскрыть внутреннее состояние героев, в том числе и их психологию, моральные качества и душевный склад. Писатель не дает всестороннего описания внешних обликов и нарядов героев, лишь подчеркивает моменты, предназначенные для объяснения мысли, эмоций и чувств, спрятанных за их внешностью. И именно поэтому писатель называл своего героя *косенький*, – герой с нестандартным обликом среди Лубяньских тюремщиков.

Этот надзиратель давал Иннокентию «иглу, с десяток отдельных кусков ниток и несколько пуговиц разного размера и материала – костяные, пластмассовые, деревянные»², и перегнутый матрас, в который вложена «маленькая перьяная подушка, наволочка, простыня – обе со штампом: «Внутренняя Тюрьма» – и даже серое одеяльце»³, также дал кружку воды, – а кружку «с изображением кошечки, но не в очках, без книжки и без птички»⁴. Подчеркивая эстетическую нагрузку детализованных предметов, в конце главы 92 писатель сделал замечание, что в первой тюремной ночи для измученного Иннокентия «...добро и зло <...> *вещно* обособились...»⁵ [курсив мой. – Б. Я.].

Мысли героев фиксируются описанием вещей. Подробное описание маленьких предметов в камерах предоставляет статичный ракурс для рассмотрения тюремного порядка. Маленькие предметы своими величинами объясняют дефицит полноценных вещей, что обозначает разломанное бытие –

¹ Там же. С. 687.

² Там же. С. 690.

³ Там же. С. 688.

⁴ Там же. С. 687.

⁵ Там же. С. 691.

результат подчинения насилию. Их размеры усиливают ощущение скованности в закрытом пространстве; подчеркивают, что герои максимально ограничены возможностью реализации своих действий. Вещная организация также соседствует с нематериальными деталями, что приносит дополнительную информацию о мироощущении героев. Например, несмотря на мрак тюрьмы, писатель не отказался описать добрые дела в маленьких проявлениях, благодаря которым в сюжете все же остается оптимистический настрой.

Анализ пространственно-временных отношений в произведениях Солженицына позволяет сделать следующий вывод. В поэтике писателя прослеживается некая теория относительности, которая проявляется не только по отношению к понятиям *большое* и *маленькое*. Чаще всего писатель старается отражать значимость каких-либо явлений через незначительные по величине объекты; иначе говоря, старается из мелочей представить общее, из частного воссоздать целое, в обычном увидеть бесценное.

Мир Солженицына реалистичен; в нем представлено соотношение прошлого, настоящего и будущего времен. Этот мир изображен словно через художественную лупу: в нем маленькие объекты обладают эстетической весомостью; короткий временный срок насыщен детализированными событиями; судьба человека, представленная на фоне эпохи, отражает историю страны. Этот мир отнюдь не ограничен лагерным пространством, в нем писатель старается многогранно представить темы русской жизни: рассматриваются быт и бытие народа, подлинные социальные явления, вопросы философских и духовно-нравственных аспектов.

2.3 Роман «В круге первом»:

общенациональное и индивидуальное в судьбах героев

Образы заключенных занимают особое место в творчестве А. Солженицына 1950-60-ых гг. Подобные герои с разнообразными арестантскими судьбами присутствуют в рассказах «Один день Ивана Денисовича», «Случай на станции

Кочетовка», «Правая кисть», в романе «В круге первом», в повести «Раковый корпус».

В произведениях А.Солженицына употребление понятия «зэк» является способом определения принадлежности людей, имеющих схожую историю в их долагерном пути, отбывающих наказание через тюремное испытание. В романе «В круге первом» глава 32 начинается со следующих слов: «Известный на многих шарашках старик, профессор математики Челнов, писавший в графе «национальность» не «русский», а «зэк»...»¹. На примере подобных сознательных поступков персонажей писатель стремится акцентировать внимание на интеллектуальных, морально-волевых и социально-культурных качествах своих героев.

В отличие от замятинской картины Единого Государства (роман «Мы»), Солженицын в своем реалистическом восприятии подчеркивает неповторимость личностей многих героев. В третьей главе романа в разговоре между заключенными инженер Прянчиков с большим изумлением задает риторический вопрос: «На людях – номера?»². В этом случае, помимо создания иронического оттенка в эпизоде с использованием номера, автор старается направить читательский интерес на характеры живых личностей и их жизнь в неволе под номерами. Похожий художественный ход также прослеживается в первоначальном названии рассказа «Один день Ивана Денисовича» – «Щ-854» – номер, присвоенный Шухову вместо имени.

Узники, как правило, стараются избегать лишних проблем, однако, во многих случаях им необходимо делать выбор: или оказывать услуги администрации – быть доносчиками, по требованию тюремных начальников выполнять рабочие заказы и прочие их прихоти, таким образом, находиться в относительно комфортном положении; или быть в немилости у начальства, находиться под угрозой ссылки, рисковать жизнью, но все же оставаться принципиальными и не ждать снисхождения от тюремщиков. Только лучшие

¹ Там же. С. 219.

² Там же. С.20.

герои Солженицына, обладающие благородными рыцарскими качествами, сумевшие отказаться от компромисса, «...идут на <...> жертвы, выходя из конфликта с Системой победителями», получают истинное освобождение¹.

В мире заключенных писатель старается всемерно представить их тяжелые тюремные условия через отсутствие привычных для свободного человека ощущений, событий, вещей. Эти герои страдают дефицитом вещей, дефицитом женской любви и человеческого счастья: для них ценна каждая минута, «...каждая лишняя шкура дорога»², каждые маленькие кусочки хлеба жизненно важны.

В произведениях Солженицына присутствует один из главных типов героев, таких как Шухов, Нержин, Костоготов. Это люди, прошедшие войну, отбывающие сроки – герои, не испытывавшие материального благополучия. Как в рассказе «Один день Ивана Денисовича», в романе писатель также подчеркивает драгоценное значение хлеба. Напомним один из многочисленных эпизодов. Заключенный герцог Эстергази, которому было очень тяжело с питанием, получив от Потапова три пуговицы, сделанные из хлеба, в качестве подарка на день рождения, «клялся, что даже ни от кого из Габсбургов не получал подарка более своевременного»³.

Как всегда в произведениях Солженицына, заключенные относятся к еде со священным трепетом, ибо она дает силу и телу и душе, помогая выстоять перед невзгодами. «Разве её *ешь!* разве её *кушаешь!* – ею причащаешься!»⁴ – в девятой главе романа Нержин именно таким восклицанием выразил свое понимание ценности лагерного питания. Несмотря на скудость питания, заключенные во время еды словно испытывают возвышенные чувства; авторские шрифтовые ремарки обращают внимание на эти эмоции. И в заключительной главе романа показано, как перед этапом заключенные торжественно принимают последний обед, с трудом ими добытый: «...наступила то настоящее молчание, которое и всегда должно сопутствовать еде. <...> тёплой влагой она проходит по пищеводу,

¹ Голубков М.М. Александр Солженицын. М.: Изд-во МГУ, 2001. С.66.

² Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Время, 2011. Т. 2. В круге первом. С. 84.

³ Там же. С. 208.

⁴ Там же. С. 49.

опускается в желудок – кровь и мускулы мои заранее ликуют, предвидя новую силу и новое пополнение»¹. Таким образом укрепляется дух узников, чтобы быть готовым к непредвиденному тернистому пути.

Дефицит еды, в т.ч. нехватка хлеба, является важным индикатором, который определяет степень физического испытания и душевного страдания заключенных. Ввиду сильной физической нагрузки в лагерях арестантам трудно, но очень важно сохранить душевное равновесие и не упасть духом. В лагерном стихотворении «Хлебные чётки» в последней строфе лирический герой с глубоким раздумьем произносит строки: «Проносил в рукавице, уловка поэта! / Не дойди до тебя [хлебных четок. – Б. Я.] я усталым умом, – / Было б меньше одною поэмой пропето, / Было больше б одним надмогильным холмом»². Благодаря хлебным четкам автобиографический герой через долгое терпение, подобное монашескому исповеданию веры во Христа, смог спастись от душевного смятения.

В романе «В круге первом» уделяется большое внимание теме любви, точнее, теме отсутствия любви. В течение долгих лет роковая арестантская участь не позволяла заключенным близко знать женские руки и их заботы. В главе 89 «Перепёлочка» сформулирована мысль Нержина, возникшая во время вечерней встречи с Симочко и не произнесенная вслух; она с грустью объясняла причину взаимной симпатии между заключенными и девушками-«вольняшками»: «...разве ты выбрал *эту* [девушку. – Б. Я.]! Ты выбрал *это место*, через два стола, а там кто бы ни оказалась...»³. В романе присутствуют две нереализуемые любовные линии (Нержин – Симочка, Руська – Клара), в эпизодах наблюдается и служебный роман (Сологодина – Еменой). Однако любовь, родившаяся в тяжелой тюремной атмосфере в шарашках, в большой степени означает отвлечение от «монастырского уединения»⁴, ибо у многих из них любовь была украдена лагерными сроками в юном возрасте.

Писатель подробно обрисовал отношение героев к семье, к близким людям. Автор напрямую или косвенно представляет образы верных супругов заключенных,

¹ Там же. С. 714-715.

² Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Время, 2016. Т. 18. Раннее. С. 230.

³ Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Время, 2011. Т. 2. В круге первом. С. 641.

⁴ Там же. С. 98.

оставшихся на воле с их нелегкой женской долей, таких как жена Нержина, Сологодина, Дырзина, Геросимовича. Небольшими штрихами автор рисует картину семейных историй тюремных работников, в т.ч. близких людей Яконова, Ройтмана, младшины Наделашина и политрука Степанова. В эпизодах рассматриваются семейные отношения Макарыгиных, в частности отношения между Иннокентием и Дотнаррой, Галаховым и Динэрой. Кратко отмечены и отношения в семье советского вождя и в семье простого крестьянина.

Личное пространство героев представляет новый ракурс для тонкого понимания их личностного мироощущения. Общие черты определенных типов героев, их мысли и психологическое состояние способствуют созданию четкого читательского представления об их весьма непростом положении, также помогают в целом понять социальные настроения тех лет, глубже постичь главные причины отсутствия свободы и семейного счастья.

Так же, как и многие другие произведения Солженицына, роман «В круге первом» имеет разные редакции. В рамках совершенствования произведения художественная композиция, выстроенная писателем в первой редакции, в целом сохранилась¹. Исследование композиционных особенностей романа, в частности выявление принципов организации сюжетных линий и распределения глав, способствует более глубокому пониманию художественной поэтики русского характера в творчестве А.И. Солженицына.

Помимо вышеупомянутых мотива и образа *круга* в структуре романа «В круге первом» наблюдается также кольцевая композиция, которая насыщает слово *круг* смысловой нагрузкой. В начале произведения (в главе 3 «Шарашка») в разговорах с друзьями цитируя Данте Рубин впервые обозначил понятие *шарашки*, что это «лучший, высший круг» ада². В заключительной главе (глава 96 «Мясо»), в одном из последних абзацев романа, вступая в разговор с Хоробровым, вспоминая благо Марфинской спецтюрьмы, Нержин повторил схожий смысл

¹ См.: Петрова М.Г. Судьба автора и судьба романа // Солженицын А.И. В круге первом / Изд. подготовлено М.Г. Петровой. М.: Наука, 2006. С. 664.

² Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Время, 2011. Т. 2. В круге первом. С. 23.

перед этапом: «...Это – не ад! В ад мы едем. В ад мы возвращаемся. А шарашка – высший, лучший, первый круг ада. Это – почти рай»¹.

Ссылные судьбы Нержина и других арестантов предопределены задолго до официального объявления об этапе (в главе 94 «Всегда врасплох»). После того, что Нержин отказался от предложения Яконова по криптографическим заданиям (глава 10 «Розенкрейцеры»), ссылка была неизбежно обозначена. Несмотря на то, что Нержин дважды имел возможность перестроить проекты спецтюрьмы и избежать этапа, герой, четко осознавая нависающую опасность, мужественно подготовился к ссылкеному пути.

Приговор Нержину был вынесен в субботу 24 декабря 1949 г. – в последние часы первого дня в сюжетном развитии романа. Напомним некоторые другие события, проходившие во второй половине этого дня: около пяти часов Иннокентий совершил звонок американскому посольству (глава 1 «Торпеда»); после вечерней работы бунт Хороброва (глава 12 «Семёрка») стал непосредственной причиной его ссылки. Все подобные сюжеты ведут к развязке в последней ночи в романе – вторник 27 декабря 1949 г. Таким образом, по хронологической последовательности на уровне композиции сюжетные линии между собой перекликаются, что также создает *круг* в его художественном воплощении.

В романе кольцевая композиция формируется и другими небольшими штрихами. Например, в начале романа присутствуют фрагменты, раскрывающие мотив рождества и образ елки – подобные моменты наблюдаются и в заключительной главе романа. К тому же, внимательные читатели могут заметить, что решение по поводу установки елки, принятое подполковником Клементьевым в субботу, стало реализовываться в Марфине в последний день перед этапом заключенных.

В романе «В круге первом», как отмечено солженицыноведами, наблюдается авторский *параллелизм*. Например, в произведении встречаются

¹ Там же. С.719.

образы, составляющие пару¹: два оперуполномоченных на Шарашке (Шикин-Мышин); два зятя со своими супругами; два инженера, вызываемые министром Абакумовым на ночной опрос.

Относительный параллелизм проявляется и в постановке названий и содержании глав, например: глава 28 «Работа младшины» и глава 29 «Работа подполковника»; глава 25 «Церковь Никиты Мученика» и глава 72 «Гражданские храмы»; глава 55 «Князь Игорь» и глава 85 «Князь Курбский» [курсив мой. – Б. Я.].

Как представляется, подобный параллелизм, способствующий стройности композиции, имеет свое обоснование. Авторский замысел отнюдь не ограничивается созданием парных художественных деталей. Наоборот, чаще всего наблюдается продолжение сюжетного развития, соответственно, наблюдается расширение параллелизма. Например, в главе 40 «Свидание», главе 41 «Еще одно» и главе 42 «И у молодых» продолжается тема отсутствия или ограниченности любви. Только в первых двух главах проблема в большей степени касается заключенных (Нержина и Герасимовича) и их жен, оставшихся на воле (Нади и Наташи); а в последней главе рассматривается любовная история молодой пары внутри Марфины – история между арестантом и девушкой-«вольняшкой» (Руська и Клара).

Подобная сюжетно-структурная композиция также прослеживается в главе 66 «Хождение в народ», главе 67 «Спиридон» и главе 68 «Критерий Спиридона». Основными сюжетами этих глав являются поиск Нержиным «сермяжной правды» у народа и его дружба с дворником Спиридоном. Образ Спиридона создан писателем как тип представителя из народа. Его незаурядная личность, многострадальный жизненный путь и неприукрашенная философия, представленные в последних двух главах, как раз соответствуют размышлениям Нержина о народе и о душе, упомянутым в первой главе, что народ определяется «...по душе».

¹ См., например: Петрова М.Г. Судьба автора и судьба романа // Солженицын А.И. В круге первом / Изд. подготовлено М.Г. Петровой. М.: Наука, 2006. С. 706-707, 731.

Душу же выковывает себе каждый сам, год от году.

Надо стараться закалить, отграничить себе такую душу, чтобы стать *человеком*. И через то – крупницей своего народа»¹.

Таким образом, сюжетная линия пронизала три главы, сделав композиционную тему сквозной, и содержание этой части романа стало единым целым.

Следует заметить, что сюжетно-структурный параллелизм присутствует и в других произведениях Солженицына. Например, случаи его проявления можно наблюдать в повести «Раковый корпус», в частности в принципах названий глав и их содержании. Повесть состоит из двух частей. Просматривается переключка названий глав как внутри каждой части, так и между двумя частями. Яркие примеры представлены в следующих главах: глава 4 «Тревоги больных» и глава 5 «Тревоги врачей»; глава 35 «Первый день творения» и глава 36 «И последний день»; глава 8 «Чем люди живы» и глава 23 «Зачем жить плохо?»; глава 15 «Каждому своё» и глава 28 «Что кому интересно».

В параллелизме Солженицына наблюдается художественное противопоставление, которое часто проявляется в виде антипода героев, в мыслях и поведении героев «до и после» определенного события. В качестве примера подробно рассмотрим одну из многочисленных пар героев, представляющих антитезу характеров. В романе присутствуют тюремные работники – Шустрман и Наделашин. Шустрман – старший лейтенант, «...черноволосый и не то чтобы мрачный, но никогда не выражающий никакого человеческого чувства, как и положено надзирателям лубянской выучки»². Наделашин – младший лейтенант, выполняющий тюремные работы с высокой степенью ответственности; в отличие от жестоких характеров, в нем все же увидится проблеск человечности. В эпизодах писатель подчеркивает разницу, отмеченную заключенными, между двумя персонажами: «Шустерман <...> угрюмой молнией взглядывал из-под срослых густых бровей, он как когтями впивался в локоть арестанта и с грубой

¹ Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Время, 2011. Т. 2. В круге первом. С. 485.

² Там же. С. 210.

силой влѣк его, в задышке, вверх по лестнице»¹. В сравнении с ним «лунообразный Наделашин, немного похожий на скопца, шѣл всегда поодаль, не прикасаясь, и вежливо говорил, куда поворачивать»².

Подобное противопоставление героев обнаруживается при сравнении тяжелых судеб жен арестантов и обеспеченным состоянием членов семьи работников госорганов; в разнице между поведением Иннокентия и Руськи Доронина; в разных подходах Нержина, Рубина и Сологодина к пониманию русского народа; в стилях речи Сологодина и Спиридона; в отличительной манере поведения у «косенького» надзирателя и других лубяньских надзирателей и во многих других моментах.

Антитеза прослеживается и в историях отдельных героев. Например, положение Иннокентия кардинально изменилось *до и после* ареста; соответственно, резко изменился материальный мир, окружающий героя; изменилось и его понимание об Эпикуре, и мнение о совершаемом поступке – звонке в американское посольство. В истории Нержина, наоборот, высоко ценился период *после* ареста, названный Нержиным «благословением тюрьме». Благодаря тюремному испытанию герой смог постичь смысл жизни и природы счастья, тщательно переосмыслить неосознанное раньше.

Как правило, в процессе сравнения писатель не отдает предпочтения каким-либо художественным образам или конкретным периодам развития событий. Право размышления и окончательного выбора по-прежнему остается у читателей, лишь в немногих случаях писатель выражает свое мнение закадровым голосом.

Итак, особенный параллелизм художественной системы А.И. Солженицына рассматривается не только в отношении оппозиции художественных образов. Он, прежде всего, проявляется на сюжетно-структурном уровне, в структуре и последовательности глав, в антиподах героев, в сравнении мыслей и поведения героев «*до*» и «*после*» важных событий, в параллельно присутствующих сюжетных деталях. Противопоставление наблюдается на лингвистическом уровне,

¹ Там же. С. 210-211.

² Там же. С. 211.

в частности, в стилистических приемах, использованных писателем. Подобный параллелизм, в первую очередь, создает перекличку и сравнение между сюжетами, позволяя, таким образом, объединить художественную композицию в единое целое.

В художественном мире А.И. Солженицына узники, «зэки», представляют собой особенный народ, в судьбах которого отражается история страны. Исследование миропредставления заключенных представляет ракурс для исследования поэтики писателя.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Период 1950-1960-х годов стал для А.И. Солженицына наиболее плодотворным творческим временем. Именно в произведениях этих лет наблюдаются истоки большинства авторских замыслов и художественных концепций, реализующихся в дальнейшем.

Проведенный анализ всех законченных поэтических и прозаических произведений А.И. Солженицына 1950-1960-х гг. в ракурсе воплощения в них специфики русского национального характера на фоне происходивших социально-исторических событий расширил имеющиеся в науке о Солженицыне представления о поэтике писателя и углубил целостную картину его художественного мироздания. Произведения А.И. Солженицына предоставляют широкий спектр для осмысления и прояснения сложности самобытного русского национального характера в художественном воплощении. Тема России, русского характера, являясь ключевой в произведениях писателя указанного периода, раскрывается и через лирические размышления, и через публицистические высказывания, и через прямое декларирование собственных взглядов.

Формирование национального характера происходит через испытания историческими событиями. Для солженицынских героев таковыми стали военные годы, годы репрессий и политических лагерей. В эти периоды проходили проверку и закреплялись традиционные качества русских людей.

Ранние поэтические произведения Солженицына – поэма «Дороженька» и цикл «Тюремные – лагерные – ссыльные стихи» – отличаются сжатостью содержания, ясностью сюжетных линий и четкостью художественной структуры. В них интегрированно отражаются многие автобиографические моменты судьбы писателя и события русской истории. В четко зарифмованных строках произведений явно присутствуют многие чувства и ощущения тех времен.

Сильный элемент автобиографизма, ссыльное прошлое писателя во многом определяют тональность и лексику повествования, мировоззрение героев. Наличие большого числа героев, побывавших в лагерях, объясняется во многом,

безусловно, судьбой самого А.И. Солженицына. Однако этот момент важен и с другой стороны. Ситуация тюремного заключения, арестантский опыт позволяют раскрыться в человеке тем качествам, которые в условиях повседневной нормальной жизни не проявляются. Экстремальные события помогают лучше выявить нравственно-психологические, идеологические принципы людей. При наличии же в системе персонажей нескольких героев с таким прошлым возможно составить обобщающее представление о целой большой социальной группе, являющейся частью нации и отражающей особенности ее характера.

Существование в границах одной страны множества личностей со схожими жизненными ситуациями влияет на создание общей картины развития страны определенного периода, многокурсного изображения судьбы России, влияющей на жизнь отдельного человека и, с другой стороны, складывающейся из судеб многих людей.

Поэзия А.И. Солженицына, представленная произведениями раннего периода – поэмой «Дороженька» и сборником «Тюремные – лагерные – ссыльные стихи», во многом определила круг основных тем и поэтических средств творчества А.И. Солженицына.

Исследование стихотворений, составляющих цикл «Лагерные стихи», выявило приоритетную для писателя тему – тему России. В миропонимании и размышлениях лирического героя воссоздается русская природа, история страны, быт и бытие русского народа, этические нормы и духовная жизнь русских людей. Раскрытию многогранного образа России подчинен богатый писательский арсенал поэтических средств, с помощью которых автор выражает любовь русского человека к своей Родине. В поэзии также обращено внимание на традиционные для классической русской литературы средства создания образов женщин в соотношении с новаторскими художественными приемами и принципами эстетики писателя, что представляет интерес и в плане расширения представлений о формах воплощения национальных вопросов в лирике.

«Заголовочный комплекс» поэмы «Дороженька»: название, заглавия глав, эпиграфы, авторский подзаголовок – подчинен задаче не просто активизации

читательского восприятия, а перспективе раскрытия идеи произведения. Все рамочные компоненты поэмы в разной степени нацелены на раскрытие многогранного образа дороги. И этот образ, обладающий символическим значением, отражает, с одной стороны, реальное движение лирического героя, жизненный путь и рост личности человека и судьбу русского народа и путь развития России – с другой. Тема и образ дороги коррелируются с широким спектром русской литературы и культуры, что позволяет в поэтических строках писателя расшифровать коды национальной идентичности. Пространственно-временная метафора дороги символизирует путь героев, страны в их развитии.

В сравнении с «Дороженькой» темы, раскрытые автором в серии лагерных стихов, имеют более узкий характер. В первую очередь, сюжеты связаны с лагерным испытанием героев и их восприятием и осмыслением пережитого в эти долгие мучительные годы. Герои лагерных стихов являются типичными героями Солженицына. Это тип таких, как Нержин в «В круге первом» и Костоготов в «Раковом корпусе». Только в лагерных стихотворениях образы и психология героев раскрыты в сжатом виде. Судьба героев, их мышление, как правило, тесно связанные с судьбой России, также отражают жизненные реалии в определенные исторические периоды.

Поэтические произведения Солженицына 1940-1950-х годов, как показал проведенный анализ, имеют следующие отличительные художественные признаки: изображение пути лирического героя как пути правдоискательства, сильное автобиографическое начало, мотив дороги, риторические вопросы, стилистические особенности (например, употребление отрицательной частицы *не* для утверждения), кольцевая композиция и частое использование антитезы, музыкальность, наличие авторского орфографического и пунктуационного оформления стиха, специфическая лексика, ритмическое разнообразие, вставные разностилевые компоненты, графическое выделение слов и фраз (разрядка, курсив). Графическое выделение слов и выражений в тексте поэтических и прозаических произведений Солженицына способствует усилению авторской позиции, активизации читательского восприятия, внедрению дополнительных

СМЫСЛОВ.

Раздумья А.И. Солженицына о судьбе России пронизывают не только стихотворения писателя, они являются неотъемлемой частью всего творческого наследия. Очевидны связь и общие черты между поэтическими и прозаическими произведениями писателя. Это ярко проявляется при сопоставлении лирики 1950-х годов и романа «В круге первом».

В качестве ведущих сюжетных мотивов выступают поиски правды и счастья человека. Писатель, как и в лирических произведениях, обращается к проблеме внутренней свободы личности, творческой свободы художника, сохранению человеческого достоинства и судьбы страны.

Одним из художественных приемов создания особого ментального начала является временно-пространственная характеристика событий. Произведениям А.И. Солженицына свойственен особый тип художественного хронотопа. Основные направления художественных поисков писателя в создании национального колорита времени и места описываемых событий связаны с временно-пространственными координатами, отмечающими важность событий для отдельного человека и их социально-историческое значение в масштабах России.

«Принцип сжатия художественного времени»¹, характерный для малой прозы А.И. Солженицына, реализуется в приемах детализации, типизации и обобщении событий и явлений. Автором используются текстовые единицы, способствующие созданию специфических пространственно-временных связей. Сами названия произведений («Дороженька», «Один день Ивана Денисовича», «Случай на станции Кочетовка») расширяют представления о возможностях пространственно-временной организации прозы.

Раздвигая пространство, время и место действия, А. Солженицын тем самым стремится дать человеку, пусть и в границах художественного произведения, больше свободы, простора. Так происходит расширение

¹ Голубков М.М. А.И. Солженицын // История русской литературы XX века: (20-90-е г.): Основные имена / Отв. ред. С.И. Кормилов. М., 1998. С. 432.

пространственно-временного пласта, что позволяет вывести повествование из строгих рамок определенного времени и места действия.

Ясно ощущается закономерность временной организации действия в произведениях писателя, специальное выделение в ней сроков, обозначающих «временное» и «вечность». Таким образом формируется целостная концепция связи прошлого – настоящего – будущего времени в масштабах жизни одного человека и целого народа.

Природные и историко-социальные явления служат фоновыми планами сюжетного содержания. Важная функция выполняется «вещными» деталями, определяющими особенности отношения героев к окружающему миру. Имматериальные детализированные моменты конкретизируют авторскую концепцию значимости «малых» и «больших» явлений и событий – о великих тайнах и истинах в малых формах жизненных проявлений.

Писатель уделяет большое внимание духовно-нравственной сфере; темы и сюжеты произведений глубоко проникнуты понятием о духовной ценности и состоянии человеческой души. Религиозность раскрывается путем введения в повествование описания церковных зданий, упоминания религиозных праздников и обычаев, символов христианской веры, описания ритуалов и произведений искусства на религиозные темы. Разговоры о вере, Боге сопровождают самые трудные, судьбоносные моменты биографии персонажей, т. к. человек именно в сложные периоды судьбы ищет дополнительной опоры. Богатая внутренняя жизнь героя сопровождается размышлениями о божественном начале бытия.

Образ разрушенных церквей и колоколен символизирует духовное разрушение; писатель концентрирует внимание именно на размышлениях о духовной потере. В этой связи особый интерес представляют образы интеллигентов, постоянно заботящихся о судьбе страны.

Как наследник традиций великой русской литературы писатель создал многообразие ищущих и мыслящих героев; в то же время, судьбы героев отражают судьбы поколений и истории страны. В нашей работе обращено внимание на личность героев и их понимание о смысле жизни; отмечена

жизненная активность индивидуумов, проявленная через пробуждение сознания, внутренний поиск и путь самореализации. Особенно осмыслен путь исканий правды и справедливости героев, в процессе которого предстала непреклонная воля в их многострадальных судьбах и оптимистический взгляд в тяжелых условиях.

Через жизненный путь отдельных героев интерпретировано соотношение между судьбами человека и судьбой страны. Ценные душевные качества героев, такие как способность к терпению, состраданию и самопожертвованию, – качества, не только высоко ценимые в русском культурном контексте, но и проявленные как достойные человеческие качества. Это способствует созданию общей картины уклада русской души и определению сущности ментальности русских людей. Обладающая целостностью духовность представлена в быту и различных сферах активности народа, в природе и в размышлениях интеллигенции о судьбе страны. Через духовное восприятие героев отражается их мнение об определяющих, исторически значимых событиях и явлениях, происходящих в окружающем мире.

Несомненно, что в раннем творчестве Солженицына содержится глубокое духовно-нравственное начало. Писатель многократно подчеркивает значение нравственно-духовного величия русских людей. Духовная жизнь героев представляется через разные ракурсы: христианское мировоззрение, православное верование, быт и бытие русского народа, особенность русской интеллигенции, исторически-общественные события России и русская природа. Для героев Солженицына их духовный запрос отождествляется с поиском, проясняющим их внутренний мир; для писателя размышления о духовности перерастают в поиски корней национального самосознания. Поэтому в произведениях писателя наблюдается особенное духовное и душевное состояние русских людей, несущее в себе особый нравственно-философский и культурно-эстетический состав ментального пространства.

Новые оригинальные решения проблем национального контекста творчества А.И. Солженицына связаны с перспективой исследования этой

проблематики в ракурсе идей писателя, изложенных и сформулированных в его богатейшем публицистическом наследии.

Перспективным представляется изучение аспектов поэтики писателя в культурно-историческом контексте, основанное на систематических подходах к исследованию личности самого писателя и путях развития его творческой деятельности. Подобное исследование раскрывает ракурс, способствующий целостному постижению художественного мироустройства героев. Дальнейшее изучение творчества А.И. Солженицына в избранном ракурсе также позволит расширить общее понятие об особенностях русской характерологии в отечественной литературе XX-XXI веков.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**I.**

1. Солженицын, А.И. Собрание сочинений: в 30-ти т. / А.И. Солженицын; [ред.-сост. Н.Д. Солженицына]. – М.: Время, 2006. Т. 1. Рассказы и Крохотки. – 672 с.
2. Солженицын, А.И. Собрание сочинений: в 30-ти т. / А.И. Солженицын; [подгот. М.Г. Петровой]. – М.: Время, 2011. Т. 2. В круге первом. – 880 с.
3. Солженицын, А.И. Собрание сочинений: в 30-ти т. / А.И. Солженицын. – М.: Время, 2012. Т. 3. Раковый корпус. – 552 с.
4. Солженицын, А.И. Собрание сочинений: в 30-ти т. / А.И. Солженицын. – М.: Время, 2012. Т. 5. Архипелаг ГУЛАГ: Опыт художественного исследования. Части III-IV. М.: Время, 2010. – 560с.
5. Солженицын, А.И. Собрание сочинений: в 30-ти т. / А.И. Солженицын; [ред.-сост. Н.Д. Солженицына]. – М.: Время, 2016. Т. 18. Раннее. – 544 с.
6. Солженицын, А.И. Архипелаг ГУЛАГ 1918-1956. Опыт художественного исследования: в 3 т / А.И. Солженицын; [ред. Н.Д. Солженицына]. – Екатеринбург: У-Фактория, 2006.
7. Солженицын, А.И. Архипелаг ГУЛАГ, 1918-1956: Опыт художественного исследования: сокращённое изд. / А.И. Солженицын; [ред. В.П. Журавлёв]. – М.: Просвещение, 2010. – 512 с.
8. Солженицын, А.И. Богатырь: (К 90-летию со дня рождения А.Т. Твардовского): Из очерков «Угодило зернышко промеж двух жерновов» / А.И. Солженицын // Новый мир. – 2000. – № 6. – С. 129-130.
9. Солженицын, А.И. Бодался телёнок с дубом: очерки литературной жизни / А.И. Солженицын. – М.: Согласие, 1996. – 745 с.
10. Солженицын, А.И. В круге первом / А.И. Солженицын; [подгот. М.Г. Петровой]. – М.: Наука, 2006. – 800 с.
11. Солженицын, А.И. В круге первом / А.И. Солженицын. – Вермонт; Париж: YMCA-Press, 1989. – 401 с.

12. Солженицын, А.И. Дороженька / А.И. Солженицын. – М.: Вагриус, 2004. – 415 с.
13. Солженицын, А.И. Дороженька. Стихи тюремно-лагерных лет (авторское исполнение) [Электронный ресурс]. – М.: Концерн «Группа СОЮЗ», 2010. – 1 электрон, опт. диск (CD-ROM).
14. Солженицын, А.И. Из Евгения Замятина: Из «Лит. коллекции» [Электронный ресурс] / А.И. Солженицын // Новый мир. – 1997. – № 7. – С. 186-201. – URL: [http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1997/10/solgen.html] (дата обращения: 11.12.2015).
15. Солженицын, А.И. Образованщина / А.И. Солженицын // Новый мир. 1991. №5. С. 28-46.
16. Солженицын, А.И. Предпоследний эпизод Российской Революции / А.И. Солженицын // Российский зарубежный съезд. 1926. Париж: документы и материалы / [под общ. ред. Н.Д. Солженицына]. – М.: Русский путь, 2006. С. 6-15.
17. Солженицын, А.И. Протеревши глаза / А.И. Солженицын; [ред. Т.В. Чугунова]. – М.: Изд-во «Наш дом – L' Aged' Homme», 1999. – 368 с.
18. Солженицын, А.И. Прусские ночи: поэма / А.И. Солженицын. – Paris: YMCA-press, 1974. 64 с.
19. Солженицын, А.И. Публицистика: в 3 т. / А.И. Солженицын; [сост. Н.Д. Солженицына]. – Ярославль: Верхняя Волга, 1997. Т.3: Статьи, письма, интервью, предисловия. – 560 с.
20. Солженицын, А.И. Размышления над Февральской революцией / А.И. Солженицын // Родина. – 2017. – № 2. – С. 1-25.
21. Солженицын, А.И. Раковый корпус / А.И. Солженицын. – М.: АСТ, 2014. – 508 с.
22. Солженицын, А.И. Россия в обвале / А.И. Солженицын. – М.: Русский путь, 2006. – 208 с.
23. Солженицын, А.И. «Русский вопрос» к концу XX века [Электронный ресурс] / А.И. Солженицын // Новый мир. – 1994. – №7. – URL:

[http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1994/7/solgen.html] (дата обращения: 04.03.2016).

24. Солженицын, А.И. С Варламом Шаламовым / А.И. Солженицын // Новый мир. – 1999. – № 4. – С. 163-169.
25. Официальный сайт А.И. Солженицына [Электронный ресурс]. – URL: [<http://www.solzhenitsyn.ru>] (дата обращения: 09.04.2017).

II.

26. Александр Исаевич Солженицын: Материалы к биобиблиографии [Электронный ресурс] / [отв. ред. Н.Г. Захаренко]. СПб., 2007. – URL: [<http://www.solzhenitsyn.ru/bibliografiya/>] (дата обращения: 09.04.2017).
27. А.И. Солженицын и русская культура: Науч. докл. / [отв. ред. А.И. Ванюков]. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2004. – 292 с.
28. А.И. Солженицын и русская культура: сборник научных трудов. Вып. 3 / [отв. ред. и сост. Л.Е. Герасимова]. – Саратов: Издательский центр «Наука», 2009. – 204 с.
29. Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина: Посвящается 95-летию со дня рождения А.И. Солженицына / [гл. ред. И.М. Эрлихсон]. – Рязань: Редакционно-издательский центр РГУ имени С.А. Есенина, 2013. №3/40.–191 с.
30. «Ивану Денисовичу» полвека: Юбилейный сборник (1962-2012) / [сост. П.Е. Спиваковский, Т.В. Есина; вступ. ст. П.Е. Спиваковского]. – М.: Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына: Русский путь, 2012. – 744 с.
31. Литературоведение: К 95-летию А.И. Солженицына // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика / [гл. ред. Л.Ю. Коссович]. – 2014. – Т. 14, – Вып. 2. – С. 22-124.
32. Малые жанровые формы в творчестве А. Солженицына: Художественный мир. Поэтика. Культурный контекст: Международный сборник научных трудов / [отв. ред. А.В. Урманов]. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011. – 152 с.

33. Между двумя юбилеями (1998–2003): Писатели, критики и литературоведы о творчестве А.И. Солженицына: Альманах / [сост. Н.А. Струве, В.А. Москвин]. – М.: Русский путь, 2005. – 552 с.
34. Наследие А.И. Солженицына в современном культурное пространство России и зарубежья (к 95-летию со дня рождения писателя): сборник материалов Международной научно-практической конференции (16–17 декабря 2013 г.) / [отв. ред. А.А. Решетова]. – Рязань: Изд-во «Концепция», 2014. – 400 с.
35. Наследие А.И. Солженицына глазами молодых исследователей: сборник материалов Всероссийской студенческой научно-практической конференции с международным участием, 11-12 декабря 2014 года / [отв. ред. А.А. Решетова]. – Рязань, 2015. – 1 электрон, опт. диск (CD-ROM).
36. Проза А. Солженицына 1990-х годов: Художественный мир. Поэтика. Культурный контекст: Международный сборник научных трудов / [отв. ред. А. В. Урманов]. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2008. – 213 с.
37. Путь Солженицына в контексте Большого Времени: сборник памяти: 1918–2008 / [сост., подгот. текста и общ. ред. Л.И. Сараскиной]. – М.: Русский путь, 2009. – 480 с.
38. Слово пробивает себе дорогу. Сборник статей и документов об А.И.Солженицыне. 1962–1974 / [сост. В. Глоцер, Е. Чуковская; вступ. ст. Л. Чуковской]. – М.: Русский путь, 1998. – 496 с.
39. Солженицын: Мыслитель, историк, художник. Западная критика, 1974-2008: сб. ст. / [сост. и авт. вступ. ст. Э.Э. Эрикссон, мл.; коммент. О.Б. Василевской; пер. с англ. и франц.]. – М.: Русский путь, 2010. – 720 с.
40. Солженицынские тетради: Материалы и исследования: альманах. Вып. 1 / Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына; [гл. ред. А.С. Немзер]. – М.: Русский путь, 2012. – 344 с.
41. Солженицынские тетради: Материалы и исследования: альманах. Вып. 2 / Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына; [гл. ред. А.С. Немзер]. – М.: Русский путь, 2013. – 344 с.

42. Солженицынские тетради: Материалы и исследования: альманах. Вып. 3 / Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына; [гл. ред. А.С. Немзер]. – М.: Русский путь, 2014. – 304 с.
43. Солженицынские тетради: Материалы и исследования: альманах. Вып. 4 / Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына; [гл. ред. А.С. Немзер]. – М.: Русский путь, 2015. – 296 с.
44. Солженицынские тетради: Материалы и исследования: альманах. Вып. 5 / Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына; [гл. ред. А.С. Немзер]. – М.: Русский путь, 2016. – 376 с.

III.

45. Абрамов, Ф.А. Кого ждет время. Шолохов и Солженицын: черновые заметки к задуманной статье / Ф.А. Абрамов // Нева. – 2010. – № 4. – С. 140-148.
46. Батюто, А.И. А.И. Солженицын и отечественная литература XIX-XX веков (пиетет, критика, преломление традиций): Записки филолога / А.И. Батюто. – СПб.: СПбИИ РАН Нестор-История, 2006. – 136с.
47. Белопольская, Е.В., Шао Тин. А.И. Солженицын в зеркале современной китайской критики / Белопольская Е.В., Шао Тин. // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – № 4 (2013). – С. 8-15.
48. Бёлль, Г. Боль, гнев и спокойствие: О сборнике рассказов Александра Солженицына «Для пользы дела» / Г. Бёлль; [пер. с нем. В. Хлебникова] // Иностранная литература. – 1989. – № 8. – С. 233-234.
49. Бёлль, Г. Мир под арестом: О романе Александра Солженицына «В круге первом» [Электронный ресурс] / Г. Бёлль; [пер. с нем. Г. Дашевского] // Иностранная литература. – 1989. – № 8. – URL: [http://www.solzhenitsyn.ru/o_tvorchestve/articles/works/index.php?ELEMENT_ID=671] (дата обращения: 26.10.2016).
50. Быков, Д.Л. Другая Россия Александра Солженицына [Электронный ресурс] / Д.Л. Быков // Собеседник. – 2008. 5 авг. – № 30. – URL: [http://www.solzhenitsyn.ru/o_tvorchestve/articles/general/index.php?ELEMENT_ID=718] (дата обращения: 06.06.2016).

51. Вакамия, Л.Р. Риторические конструкции репатриации в произведениях Александра Солженицына [Электронный ресурс] / Л.Р. Вакамия; [пер. с англ. В. Уляшева] // Новое литературное обозрение. – 2010. – № 103. – С. 232-245. – URL: [<http://magazines.russ.ru/nlo/2010/103/li16.html>] (дата обращения: 28.9.2016).
52. Васюточкин, Г.С. «Дороженька» Александра Солженицына [Электронный ресурс] / Г.С. Васюточкин // На перевале тысячелетий: страницы публицистики. – СПб.: Изд-во Александра Сазанова, 2011. – С. 356-363. – URL: [http://www.solzhenitsyn.ru/o_tvorchestve/articles/works/index.php?ELEMENT_ID=1476] (дата обращения: 9. 9. 2016).
53. Васюточкин, Г.С. Поэтическое пространство Александра Солженицына [Электронный ресурс] // На перевале тысячелетий: Страницы публицистики. СПб.: Изд-во Александра Сазанова, 2011. – С. 364-368. – URL: [http://www.solzhenitsyn.ru/o_tvorchestve/articles/general/index.php?ELEMENT_ID=1477] (дата обращения: 9. 09. 2016).
54. Виноградов, И.И. Солженицын-художник / И.И. Виноградов // Духовные искания русской литературы. – М.: Русский путь, 2005. – С.644-658.
55. Винокур, Т.Г. О языке и стиле повести А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» / Т.Г. Винокур // Вопрос культуры речи / Ин-т рус. яз. АН СССР. – 1965. – Вып. 6. – С. 16-32.
56. Вознесенская, Т.Д. Лагерный мир Александра Солженицына: тема, жанр, смысл / Т.Д. Вознесенская // Литературное обозрение. – М., 1999. – № 1. – С. 20-24.
57. Волошинов, А.В., Шиндель С.В. Александр Солженицын и Генрих Белль: диалог культур / А.В. Волошинов, С.В. Шиндель // Обсерватория культуры. – 2008. – № 4. – С.68-77.
58. Гаркавенко, О.В. Мотив покаяния в поэме А.И. Солженицына «Дороженька» / О.В. Гаркавенко // Филологические этюды. – Саратов, 2001. – Вып. 4. – С. 106-109.

59. Геллер, М.Я. Александр Солженицын (К 70-летию со дня рождения) // М.Я. Геллер. – Overseas Publications Interchange Ltd London, 1989. – 117 с.
60. Герасимова, Л.Е. Этюды о Солженицыне / Л.Е. Герасимова. – Саратов.: Новый ветер, 2007. – 130 с.
61. Голованевский, А.Л. Диалоги в романе А.И. Солженицына «В круге первом» / А.Л. Голованевский, К.В. Коваленко // Русская речь. 2009. – № 5. – С.44-48.
62. Голубков, М.М. Александр Солженицын / М.М. Голубков; [зав. ред. Г.М. Степаненко]. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – 111 с.
63. Голубков, М.М. Опыт монографического анализа. О романе «В круге первом» Александра Солженицына / М.М. Голубков // Десять лучших русских романов XX века: Сборник статей. – М.: Луч, 2004. – С.156-181.
64. Голубков, М.М. На изломах. Русский национальный характер в творчестве А.И. Солженицына / М.М. Голубков // История России XIX–XX веков: Новые источники понимания / [под ред. С.С. Секиринского]. – М., 2001. – С. 180-189.
65. Голубков, М.М. Русская литература XX в.: После раскола: Уч. пособие для вузов / М.М. Голубков. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 267 с.
66. Голубков, М.М. Русский национальный характер в эпосе Александра Солженицына / М.М. Голубков // Отечественная история. – 2002. – № 1. – С. 135-146.
67. Голубков, М.М. В пространстве прозы А.И. Солженицына: общие художественные принципы / М.М. Голубков, Е.В. Жуйкова // Филологическая регионалистика. – № 2 (10). 2013. – С.7-15.
68. Голубович, К. Нежность (эскиз) [Электронный ресурс] / К. Голубович // Новое литературное обозрение. – 2013. – № 1 (119). – URL: [http://magazines.russ.ru/nlo/2013/119/gob.html] (дата обращения: 08. 03. 2017).
69. Гулак, А.Т. Служение реальности (О формах повествования в рассказе А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича») / А.Т. Гулак, В.Ю. Юровский // Русская речь. – 2006. – № 1. – С. 39-48.

70. Гуль, Р.Б. А. Солженицын и соцреализм: «Один день Ивана Денисовича» / Р.Б. Гуль // Одвуконь: советская и эмигрантская лит. – Нью-Йорк, 1973. – С. 80-95.
71. Гуськов, В.В. Образная система как объект объёмного и динамического воссоздания в эпопее А.И. Солженицына «Красное Колесо» (на примере образа земли) / В.В. Гуськов // «Красное Колесо» А.И. Солженицына: Художественный мир. Поэтика. Культурный контекст: Международный сборник научных трудов / [отв. ред. А.В. Урманов]. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2005. – С. 89-114.
72. Гуськов, В.В. Своеобразие конфликта в рассказе А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» / В.В. Гуськов // Ученые записки комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. – Благовещенск, 2014. – № 4(20). – С. 36-42.
73. Гуськов, В.В. Урманов А.В. Творчество Александра Солженицына. М.: Флинта: Наука, 2003. – 384 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. Реферативный журнал. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2004. – № 2. – С.129-136.
74. Евтушенко, Е.А. Россиелюбия учитель: Александр Солженицын [Электронный ресурс] / Е.А. Евтушенко // Из антологии Евгения Евтушенко «Десять веков русской поэзии» / [авт.-сост. Е.А. Евтушенко] – URL: [http://www.bigbook.ru/articles/detail.php?ID=5223] (дата обращения: 01.04.2017).
75. Жуков, В.Н. Об «Образованщине» А.И. Солженицына / В.Н. Жуков // Almatmater (Вестник высш. шк.). – 2017. – № 2. – С. 25-29.
76. Заломкина, Г.В. Полумир, розенкрейцеры и госужас: готическая интерпретация советской действительности в романе А. Солженицына «В круге первом» / Г.В. Заломкина // Вестник Самарского государственного университета. – 2005. – № 4. – С. 104-110.

77. Зубов, А. Самосознание народа в творчестве Солженицына / А. Зубов // Культурология: Дайджест. – 2007. – № 2. – С.76-78.
78. Иванова, Е.В. Мемуары А.В. Храбровицкого: «топор в руках судьбы» / Е.В. Иванова // Вопросы литературы. – 2014. – № 1. – С. 261-299 .
79. Китаев, В.А. Солженицын в восприятии Шнемана / В.А. Китаев // Отечественные записки. – 2014. – № 6. – С. 193-206.
80. Климов, А. Роман «В круге первом» и «шпионский» сюжет / А. Климов // Новый Мир. – 2006. – № 11. – С. 202–203.
81. Княжицкий, А.И. «Один день Ивана Денисовича» А.И. Солженицына. Опыт медленного чтения / А.И. Княжицкий // Русская словесность. – 2009. – № 2. – С.34-43.
82. Ковтун, Н.В. Иконическая христианская традиция в «Матренином дворе» А. Солженицына и «Избе» В. Распутина проблема авторского диалога / Н.В. Ковтун // Икона и словесность – русское зарубежье: Сборник статей по материалам Международной научной конференции / [сост. и отв. ред. В.В. Лепяхин]. – М., 2016. – С. 206-228.
83. Ковтун, Н.В. «Неославянофильская» утопия в раннем творчестве А. Солженицына // Деревенская проза в зеркале утопии / Н.В. Ковтун. – Новосибирск: изд-во со РАН, 2009. – С.261-279.
84. Ковтун, Н.В. Тема отлучения от свободы в ранней новеллистике А.И. Солженицына / Н.В. Ковтун // Сибирский филологический журнал. – 2012. – №1. – С. 72-79.
85. Колобаева, Л.А. «Крохотки» / А.Л. Колобаева // Литературное обозрение. – 1999. – № 1. – С. 39-44.
86. Краснов, В.Г. Солженицын и Достоевский: Искусство полифонического романа / В.Г. Краснов. – Люберцы: Вторая типография, 2012. – 230 с.
87. Лакшин, В.Я. Иван Денисович, его друзья и недруги / В.Я. Лакшин // Новый мир. – 1964. – № 1. – С. 223-245.
88. Лакшин, В.Я. Солженицын и колесо истории / В.Я. Лакшин. – М.: Вече: АЗ^Ъ (Знатнов), 2008. – 464 с.

89. Левушкина, О.Н. Образ праведницы в рассказе А.И. Солженицына «Матренин двор» / О.Н. Левушкина // Литература в школе. – 2010. – № 8. – С.13-16.
90. Лопухина-Родзянко, Т.А. Духовные основы творчества Солженицына / Лопухина-Родзянко. – Frankfurt a. Main: Посев, 1974. – 180 с.
91. Лосев, Л.В. Поэзия и правда у Солженицына / Л.В. Лосев // Литературное обозрение. – 1999. – № 1. – С. 30-38.
92. Мартыанова, С.А. Принципы словесной живописи в рассказе А.И. Солженицына *Пасхальный крестный ход* // Икона и словесность – русское зарубежье: Сб. статей по материалам Международной научной конференции / [сост. и отв. ред. В.В. Лепяхин]. – М., 2016. – С. 229-236.
93. Медведев, Р.А. Русский вопрос по Солженицыну / Р.А. Медведев // Отечественная история. – 2002. – № 4. – С.100-115.
94. Михайлик, Е. Один? День? Ивана Денисовича? или Реформа языка / Е. Михайлик // Новое литературное обозрение. – 2014. – № 2. – С. 289-305.
95. Немзер, А.С. В начале: изданы ранние сочинения Александра Солженицына [Электронный ресурс] / А.С. Немзер. – URL: [http://www.ruthenia.ru/nemzer/isaich_rannij.html] (дата обращения: 06.06.2016).
96. Немзер, А.С. Душа и колючая проволока [Электронный ресурс] / А.С. Немзер // Время новостей. – 2003. 11 дек. – С. 10. – URL: [http://www.solzhenitsyn.ru/o_tvorchestve/articles/general/index.php?ELEMENT_ID=802] (дата обращения: 06. 06. 2016).
97. Немзер, А.С. Рождество и воскресение. О романе Александра Солженицына «В круге первом» / А.С. Немзер // При свете Жуковского: очерки истории русской литературы. – Москва, 2013. – С. 796-822.
98. Нива, Ж. Александр Солженицын: борец и писатель / Ж. Нива; [пер. с франц. В.А. Петрова в сотрудничестве с авт.]. – СПб.: Вита Нова, 2014. – 336 с.
99. Нива, Ж. Поэтика Солженицына между «большими» и «малыми» формами [Электронный ресурс] / Ж. Нива // Звезда. – 2003. – № 12.– URL: [http://magazines.russ.ru/zvezda/2003/12/niva.html] (дата обращения: 31.1.2016).

100. Нива, Ж. Солженицын / Ж. Нива; [пер. с франц. С. Маркиш в сотрудничестве с авт.; предисл. И.И. Виноградова]. – М.: Художественная литература, 1992. – 189 с.
101. Никитина, Л.К., Осинцева В.В. Прошлое, настоящее и будущее в рассказе А.И. Солженицын «Пасхальный крестный ход». Опыт интегрированных уроков литературы и истории IX класса / Л.К. Никитина, В.В. Осинцева // Литература в школе. – 2011. – № 8. – С. 31-35.
102. Николсон, М.А. Иван Денисович: мифы происхождения // «Один день Ивана Денисовича» А.И. Солженицына: Художественный мир. Поэтика. Контекст: Сборник научных статей / [под. ред. А.В. Урманова]. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. – С. 3-36.
103. Николсон, М.А. Солженицын на мифотворческом фоне [Электронный ресурс] / М.А. Николсон // Вопросы литературы. – 2003. – № 2. – URL: [http://www.solzhenitsyn.ru/o_tvorchestve/articles/general/index.php?ELEMENT_ID=719] (дата обращения: 07. 05. 2016).
104. Павлов, О. «Один день Ивана Денисовича» как христианское послание миру [Электронный ресурс] / О. Павлов // Перемены: Толстый веб-журнал. – 2013. 15 февр. – URL: [http://www.solzhenitsyn.ru/o_tvorchestve/articles/works/index.php?ELEMENT_ID=1077] (дата обращения: 26. 04. 2016).
105. Павлов, О. Русский человек в XX веке: Александр Солженицын в зазеркалье каратаевщины [Электронный ресурс] / О. Павлов // «Классики и современники» – URL: [http://www.pereplet.ru/text/pavlov17fev.html] (дата обращения: 28. 07. 2016).
106. Пирс, Д. Родственные души: западные собраты Солженицына по перу / Д. Пирс; [пер. с англ. В. Уляшева] // Новое литературное образование. – 2010. – № 103. – С.205-2016.
107. Попова, М.К. «Две России» и художественные формы их отражения в рассказе А. Солженицына «Матренин двор» / М.К. Попова // Национальная

- идентичность и ее отражение в художественном сознании. – Воронеж: Воронежский государственный университет, – 2004. С.125-134.
108. Распутин, В.Г. Жить по правде / В.Г. Распутин // Восточно-Сибирская Правда. – 1998. – № 247/248. – С. 13.
109. Распутин, В.Г. От каких несчастий мы произошли?: беседа с Н. Желноровой [Электронный ресурс] / В.Г. Распутин // Аргументы и факты. – 1998. Окт. – № 42. – URL: [<http://aif.ru/archive/1636409>] (дата обращения: 13.10.2016).
110. Решетовская, Н.А. Александр Солженицын и читающая Россия / А.Н. Решетовская. – М.: Сов. Россия, 1990. – 413 с.
111. Ржевский, Л.Д. Образ Рассказчика в повести Солженицына «Один день Ивана Денисовича» / Л.Д. Ржевский // Прочтение творческого слова: литературоведческие проблемы и анализы. – NewYork; Univ. Press, – 1970. – С. 237-252.
112. Ржевский, Л.Д. Творческое слово у Солженицына / Л.Д. Ржевский // Новый журн. – Нью-Йорк, 1969. – № 96. – С. 76–90.
113. Романов, Д.А. Стилистические традиции Л.Н. Толстого в рассказе А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича»: языковая обрисовка героя / Д.А. Романов // Русский язык в школе. – 2010. – №10. – С.52-55.
114. Сараскина, Л.И. Солженицын / Л.И. Сараскина. – М.: Молодая гвардия, 2008. – 935 с.
115. Сараскина, Л.И. Солженицын / Л.И. Сараскина. – М.: Молодая гвардия, 2009. – 959 с.
116. Сараскина, Л.И. Театр Александра Солженицына / Л.И. Сараскина // Ракурсы / Гос. ин-т искусствознания. – М., 2012. – Вып. 9. – С. 5-22.
117. Сарнов, Б.М. Феномен Солженицына / Б.М. Сарнов. – М.: Эксмо, 2012. – 848 с.
118. Сафронов, А.В. Любовный дискурс в «Раковом корпусе» А.И. Солженицына (рязанский период творчества) / А.В. Сафронов // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. – Рязань, 2015. – №. 4 (49) – С.99-113.

119. Сафронов, А.В. Свободный человек из «Ракового корпуса» (Образ Максима Чалого в повести А.И. Солженицына) / А.В. Сафронов // Вестник Костромского государственного университета. – Кострома, 2016. – Т. 22. – №. 1 – С. 104-108.
120. Солдаткина, Я.В. Русский национальный характер в прозе М.А. Шолохова и А.И. Солженицына. «Судьба человека» и «Один день Ивана Денисовича» / Я.В. Солдаткина // Русская словесность. – 2009. – №. 6. – С.29-32.
121. Солженицына, Н.Д. Весь текст пронизан болью (Вдова писателя рассказала «Родине» о том, как создавалась знаменитая статья «Размышления над февральской революцией») / Н.Д. Солженицына // Родина. – 2017. – № 2. – С. 5-14.
122. Спиваковский, П.Е. Александр Исаевич Солженицын // Современная русская литература. Проза: учебно-методические материалы для иностр. студентов продвинутого этапа обучения / [сост. П.Е. Спиваковский]. – М.: Информационно-учебный центр Гос. инст. рус. языка им. А.С. Пушкина, 2011. – С 6-39.
123. Спиваковский, П.Е. Матрёнин двор / П.Е. Спиваковский // Энциклопедия мировой литературы / [под ред. С.В. Стахорского]. – СПб.: Невская кн., – 2000. – С. 284.
124. Спиваковский, П.Е. Феномен А.И. Солженицына: новый взгляд: (К 80-летию со дня рождения) / П.Е. Спиваковский. – М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 1998. – 135 с.
125. Спиваковский, П.Е. Четыре книги: Новые исследования творчества Александра Солженицына / П.Е. Спиваковский // Вопрос литературы, 2013. – № 5. – С. 460-472.
126. Степанова, В.А. Поэтика экфрасиса в рассказе А.И. Солженицына «Захар-Калита» / А.В. Степанова // Икона и словесность – русское зарубежье: Сборник статей по материалам Международной научной конференции / [сост. и отв. ред. В.В. Лепяхин]. – М., 2016. – С. 237-248.
127. Темпест, Р. Александр Солженицын – (анти)модернист [Электронный ресурс] / Р. Темпест // Новое литературное обозрение. – 2010. – № 103. – С.

- 246-263. – URL: [<http://magazines.russ.ru/nlo/2010/103/te17.html>] (дата обращения: 10.12.2016).
128. Темпест, Р. Солженицын и Наполеон / Р. Темпест // «Красное Колесо» А.И. Солженицына: Художественный мир. Поэтика. Культурный контекст: Международный сборник научных трудов / [под ред. А.В. Урманов]. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2005. – С. 5-16.
129. Трубина, Л.А. Александр Солженицын / Л.А. Трубина // Литературная учеба. – 2003. – № 1. – С. 150-166.
130. Урманов, А.В. Творчество Александра Солженицына: Учебное пособие / А.В. Урманов. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 384 с.
131. Урманов, А.В. Художественное мироздание Александра Солженицына: монография / А.В. Урманов. – М.: Русский путь, 2014. – 624 с.
132. Урманов, А.В. «Один день Ивана Денисовича» как зеркало эпохи ГУЛАГа [Электронный ресурс] / А.В. Урманов;. – URL: [http://www.solzhenitsyn.ru/o_tvorchestve/articles/works/index.php?ELEMENT_ID=1078] (дата обращения: 03. 10. 2015).
(Урманов, А.В. «Один день Ивана Денисовича» как зеркало эпохи ГУЛАГа / А.В. Урманов // «Один день Ивана Денисовича» А.И. Солженицына: Худож. мир. Поэтика. Культурный контекст: Сборник научных статей / [под ред. А.В. Урманова]. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. – С. 37-77.)
133. Чайковская, И. Александр Солженицын с близкого и дальнего расстояния (Размышления над книгой Бенедикта Сарнова) / И. Чайковская // Нева. 2016. – № 1. – С. 212-218.
134. Чалмаев, В.А. Александр Солженицын: Жизнь и творчество: Кн. для учащихся / В.А. Чалмаев. – М.: Просвещение, 1994. – 287 с.
135. Чуковская, Л.К. Счастливая духовная встреча: О Солженицыне / Л.К. Чуковская // Новый мир. – 2008. – № 9. – С. 70-138.
136. Шенкман, В.И. Матренина любовь / В.И. Шенкман // Литература. – 2013. – № 3 (742). – С. 33-35.

137. Шешунова, С.В. Александр Исаевич Солженицын. Жизнь и творчество [Электронный ресурс]. – СПб.: Град Петров, 2008. – 2 электрон, опт. диск (CD-ROM).
138. Шмеман, А.Д. Статьи о Солженицыне // Шмеман А., прот. Собрание статей, 1947-1983 /А.Д. Шмеман; [сост. Е.Ю. Дорман; предисл. А.И. Кырлежева]. – С. 759-822.
139. Щедрина, Н.М. «Красное колесо» А. Солженицына и русская историческая проза второй половины XX века / Н.М. Щедрина. – М.: Памятники исторической мысли, 2010. – 336 с.
140. Щедрина, Н.М. Повесть «Один день Ивана Денисовича» и концепция «Сбережения народа» А. Солженицына (К 50-летию выхода повести из печати) / Н.М. Щедрина // Вестник московского государственного областного университета. Сер.: Русская филология. – 2013. – №1. – С.36-40.
141. Щедрина, Н.М. Пространство и время в «Красном колесе» А. Солженицына / Н.М. Щедрина // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 8: Литературоведение. Журналистика. – 2008. – № 7. – С. 34-40.
142. Щедрина, Н.М. Ритм как художественный прием в романе А.И. Солженицына «Красное колесо» / Н.М. Щедрина // Русская речь. – 2016. – № 6. – С. 39-45.
143. Щетинина, Н.П. Духовно-нравственный потенциал литературного наследия А.И. Солженицына / Н.П. Щетинина // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. – 2013. – № 3 (40). – С. 23-28.
144. Яранцев, В.Н. На пути к «энциклопедии» «Красного колеса» [Электронный ресурс] / В.Н. Яранцев. – URL: [<http://magazines.russ.ru/sib/2011/12/ia11.html>] (дата обращения: 06. 02. 2017).

IV.

145. Архангельская, Н.Н. Представление о мире и человеке в русской прозе рубежа XX-XXI веков: учебное пособие / Н.Н. Архангельская. – Тамбов: издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. – 100 с.

146. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Р. Барт; [пер. с франц.; вступ. ст. Г.К. Косикова]. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
147. Бахилина, Н.Б. История цветообозначений в русском языке / Н.Б. Бахилина; [отв. ред. Ф.П. Филин]. – М.: наука, 1975. – 288 с.
148. Бахтин, М.М. Вопрос литературы и эстетики. Исследование разных лет / М.М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.
149. Бахтин, М.М. литературно-критические статьи / М.М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1986. – 543 с.
150. Бахтин, М.М. Проблема поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. – М.: Советский писатель, 1963. – 364 с.
151. Бахтин, М.М. Формы времени и хронотопа в романе / М.М. Бахтин // Собрание сочинений. Т. 3: Теория романа (1930-1961 гг.) – М.: Языки славянских культур, 2012. – С. 340-512.
152. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1986. – 424 с.
153. Башляр, Г. Избранное: Поэтика пространства / Г. Башляр; [пер. с франц. Н.В. Кисловой и др.; под ред. Л.Б. Комиссаровой]. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 376 с.
154. Бердяев, Н.А. Духовные основы русского народа // Народоправство. – 1918. – № 23-24. – С.3-7.
155. Бердяев, Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н.А. Бердяев. – [Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS, 1955 г.] – М.: Наука, 1990. – 224 с.
156. Бердяев, Н.А. Русская идея / Н. А. Бердяев. – СПб.: Азбука-классика, 2008. – 318 с.
157. Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции / Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, М.О. Гершензон, и др; [под ред. К. Васильева]. – СПб.: Азбука-Аттикус, Авалонь, 2011. – 320 с.
158. Виноградов, В.В. Избранные труды: О языке художественной прозы / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1980. – 362 с.

159. Виноградов, В.В. Проблема авторства и теория стилей / В.В. Виноградов. – М.: Художественная литература, 1961. – 614 с.
160. Виноградов, В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В.В. Виноградов. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 255 с.
161. Вышеславцев, Б.П. Русский национальный характер / Б.П. Вышеславцев // Вопросы философии. – 1995. – № 6. – С. 112-114.
162. Гачев, Г.Д. Содержательность художественных форм. (Эпос. Лирика. Театр) / Г.Д. Гачев. – М.: Просвещение, 1968. – 302 с.
163. Гумилев, Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – 672 с.
164. Елистратова, А.А. Гоголь и проблемы западноевропейского романа / А.А. Елистратова; АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: Наука, 1972. – 304 с.
165. Желтова, Н.Ю. Проза первой половины XX века: поэтика русского национального характера: монография / Н.Ю. Желтова. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2004. – 303 с.
166. Ильин, И.А. Национальная Россия: наши задачи / И.А. Ильин. – М.: Эксмо: Алгоритм, 2011. – 462 с.
167. История русской литературы XX века: (20-90-е г.): Основные имена: Учеб. пособие для филолог. фак. ун-тов / МГУ им. М.В. Ломоносова. Филолог. фак.; [отв. ред. С.И. Кормилов]. – М., 1998. – 477 с.
168. Квятковский, А.П. Ритмология: ритмология русского стиха: статьи и исследования, 1920-1960-х годов: стихотворения / А.П. Квятковский; [сост. И.Б. Роднянской]. – СПб.: ИНАПРЕСС: Дмитрий Буланин, 2008. – 719 с.
169. Кожина, Н.А. Заглавие художественного произведения: онтология, функции, параметры типологии / Н.А. Кожина // Проблемы структурной лингвистики. 1984: сборник статей/ [отв. ред. В. П. Григорьев]. – М.: АН СССР, 1988. – С. 135-149.
170. Колесов, В.В. Русская ментальность в языке и тексте / В.В. Колесов. – СПб: Петербургское Востоковедение, 2006. – 624 с.

171. Компанеец, В.В. Русская социально-философская проза последней трети XX века: монография / В.В. Компанеец. – М.: Флинта: Наука, 2013. – 237 с.
172. Копелев, Л.З. Хранить вечно / Л.З. Копелев. – М.: Вся Москва, 1990. – 687 с.
173. Корман, Б.О. Избранные труды по теории и истории литературы / Б.О. Корман. – Ижевск: изд-во Удм. ун-та, 1992. – 236 с.
174. Красавченко, Т.Н. Американская критика об А.И. Солженицыне (Сводный реферат) / Т.Н. Красавченко // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. Реферативный журнал. – М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2015. – № 4. – С.148-155.
175. Липская, Л.И. Предваряющий дискурс: функции предисловия в современном романе / Л.И. Липская // Вестник Московского университета. Сер. Филология. – 2005. – № 2. – С. 82-91.
176. Лихачев, Д.С. Великое наследие: Классические произведения литературы Древней Руси / Д.С. Лихачев. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – 480 с.
177. Лихачев, Д.С. Заметки о русском / Д.С. Лихачев. – М.: Азбука-Аттикус; КоЛибри, 2014. – 479 с.
178. Лихачев, Д.С. О национальном характере русских: Расширенный текст выступления в телевизионной передаче «Философские беседы» / Д.С. Лихачев // Вопросы философии. – 1990. – № 4. – С. 3-6.
179. Лосев, А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство / А.Ф. Лосев. – М.: Искусство, 1976. – 367 с.
180. Лотман, Ю.М. Анализ поэтического текста: Структура стиха / Ю.М. Лотман. – Л.: Просвещение, 1972. – 272 с.
181. Лотман, Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции рус. дворянства (XVIII-нач. XIX в.) / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПб, 1994. – 412 с.
182. Лотман, Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь / Ю.М. Лотман. – М.: Просвещение, 1988. – 352 с.
183. Лотман, Ю.М. Лекции по структуральной поэтике // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. – М.: Гнозис, 1994. – С. 10-263.

184. Манн, Ю.В. Поэтика Гоголя / Ю.В. Манн. – М.: Художественная литература, 1988. – 413 с.
185. Национальный эрос в культуре: тезисы докладов / [отв. ред. Г.Д. Гачев]. – М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. – 76 с.
186. Орлицкий, Ю.Б. Минимальный текст (удетерон) / Ю.Б. Орлицкий // Орлицкий Ю.Б. Стих и проза в русской литературе. – М.: РГГУ, 2002. – С. 563-609.
187. Островский, А.В. Солженицын: прощание с мифом / А.В. Островский. – 2-е издание, доп. и испр. – М.: Яуза, Пресском, 2006. – 567 с.
188. Полякова, Л.В. Русская литература: индивидуально-творческий колорит: монография / Л.В. Полякова. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. – 576 с.
189. Полякова, Л.В. Солженицын Александра Исаевич // Тамбовская магистраль русской литературы / Л.В. Полякова. – Тамбов: Изд-во Тамбовского отделения ОООП «Литфонд России», 2011. – С.171-184.
190. Полякова, Л.В. Тамбовский колорит русской литературы: к характерологии А.И. Солженицына / Л.В. Полякова // Филологическая регионалистика. – 2011. – №1. – С. 18-24.
191. Полякова, Л.В. Теоретические и методологические аспекты истории русской литературы XX-XXI веков: монография / Л.В. Полякова. – Тамбов, 2007. – 307 с.
192. Русская проза рубежа XX-XXI веков: учебное пособие/ В.В. Агеносов и др.; [под ред. Т.М. Колядич]. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 518 с.
193. Русский Эрос, или Философия любви в России / [сост. и авт. вступ. ст. В.П. Шестаков; коммент. А.Н. Богословского]. – М.: Прогресс, 1991. – 448 с.
194. Сорокина, Н.В. Типология романистики Л.М. Леонова / Н.В. Сорокина. – Тамбов, 2006. – 337 с.
195. Соловьев, В.С. Национальный вопрос в России / В.С. Соловьев. – М.: АСТ: Хранитель, 2007. – 506 с.

196. Старовойтова, А. Русские патриархи XX Века в творчестве Павла Корина [Электронный ресурс] / А. Старовойтова // Журнал «Третьяковская галерея». – 2014. – №. 2 (43). – URL: [<http://www.tg-m.ru/articles/2-2014-43/russkie-patriarkhi-xx-veka-vtvorchestve-pavla-korina>] (дата обращения: 6.6. 2016).
197. Томашевский, Б.В. Теория литературы. Поэтика: учеб. пособие / Б.В. Томашевский. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 334с.
198. Тынянов, Ю.Н. Проблема стихотворного языка / Ю.Н. Тынянов. – М.: Комкнига, 2010. – 176 с.
199. Успенский, Б.А. Поэтика композиции: Структура художественного текста и типология композиционной формы / А.Б. Успенский. – М.: Искусство, 1970. – 256 с.
200. Хализев, В.Е. Ценностные ориентации русской классики / В.Е. Хализев. – М.: Гнозис, 2005. – 432 с.
201. Щепанская, Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX-XX вв / Щепанская. – М.: Индрик, 2003. – 528 с.
- V.**
202. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета. – М.: Российское библейское общество, 2012. – 1376 с.
203. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т / В.И. Даль. – [репринтное издание] – М.: ТЕРРА, 1994.
204. Квятковский, А.П. Поэтический словарь / А.П. Квятковский; [науч. ред. И.Б. Роднянская]. – М.: Советская энциклопедия. 1966. – 376 с.
205. Литературный энциклопедический словарь / [под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева]. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – 752 с.
206. Русская классика в афоризмах. Серебряный век / [сост. В.Г. Носков]. – М.: Мир энциклопедий, Астрель, 2010. – 320 с.
207. Русский словарь языкового расширения / [сост. А.И. Солженицын]. – М.: Русский путь, 2000. – 280 с.
208. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – 3-е издание, испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2004. – 992 с.

209. Христианство: Энциклопедический словарь: в 2 (3) т / [гл. ред. С.С. Аверинцев]. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1993.

VI.

210. Алтынбаева, Г.М. Литературная критика А.И. Солженицына: проблемы, жанры, стиль, образ автора: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Алтынбаева Гульнара Монеровна. – Саратов, 2007. – 19 с.
211. Амджад, Х.Ф. Субъектные и внесубъектные способы выражения авторской позиции в прозе А.И. Солженицына 1960 – первой половины 1970-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Амджад Хамид Фархан. – Воронеж, 2013. – 18 с.
212. Басенко, Ю.Н. Судьба интеллигенции в контексте эпохи в творчестве А.И.Солженицына: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Басенко Юрий Николаевич. – Курск, 2006. – 25 с.
213. Белопольская, Е.В. Роман А.И. Солженицына «В круге первом»: Проблематика и поэтика: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Белопольская Елена Вадимовна. – Ростов-на-Дону, 1996. – 19 с.
214. Гаркавенко, О.В. Христианские мотивы в творчестве А.И. Солженицына: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Гаркавенко Оксана Владимировна. – Саратов, 2007. – 22 с.
215. Гуськов, В.В. Система персонажей исторической эпопеи А.И. Солженицына «Красное колесо» как форма воплощения эстетических принципов и мировоззренческих позиций автора: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Гуськов Вячеслав Владимирович. – Владивосток, 2006. – 27 с.
216. Ким Ын Хи. Формы художественного повествования в «малой прозе» А.И. Солженицына: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Ким Ын Хи. – М., 2000. – 23 с.
217. Кузьмин, В.В. Рассказы А.И. Солженицына: Проблемы поэтики: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Кузьмин Владимир Владимирович. – Тверь, 1997. – 22 с.

218. Лавренов, П.П. Проблемы русского национального характера в творчестве А.И. Солженицына: нравственно-философский аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02 / Лавренов Павел Павлович. – М., 1992. – 19 с.
219. Ли Хси-мэй. Проблема личности в ранней прозе А.И. Солженицына: малые формы: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Ли Хси-мэй. – М., 2008. – 20 с.
220. Прокопова, Е.В. Сюжет и характер в художественной прозе А.И. Солженицына: На материале романа «В круге первом» и повести «Раковый корпус»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Прокопова Елена Владимировна. – М., 1998. – 16 с.
221. Султанова, А.М. Нравственно-философская проблематика романа А.И. Солженицына «В круге первом»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Султанова Альбина Муслимовна. – Махачкала, 2008. – 25 с.
222. Тыщук, О.А. Эстетические функции пейзажа в художественной прозе А.И. Солженицына: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Тыщук Ольга Анатольевна. – Армавир, 2006. – 18 с.
223. Урманов, А.В. Поэтика прозы А.И. Солженицына: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук: 10.01.01 / Урманов Александр Васильевич. – М., 2001. – 44 с.
224. Фатеев, Д.Н. Фольклорные пространственные мотивы в прозе Л. Леонова («Русский лес») и А. Солженицына («Матренин двор»): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Фатеев Дмитрий Николаевич. – М., 2006. – 16 с.
225. Чуриков, Г.А. Герой как объект насильственного воздействия и как субъект ценностного «самостоянья» в творчестве А.И. солженицына 1960-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Чуриков Георгий Александрович. – Воронеж, 2007. – 18 с.
226. Шешунова, С.В. Национальный образ мира в русской литературе: П.И. Мельников-Печерский, И.С. Шмелев, А.И. Солженицын: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук: 10.01.01 / Шешунова Светлана Всеволодовна. – Дубна, 2006. – 42 с.

227. Щедрина, Н.М. Исторический роман в русской литературе последней трети XX века: Пути развития. Концепция личности. Поэтика: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук: 10.01.01 / Щедрина Нэлли Михайловна. – Уфа, 1995. – 45 с.

VII.

228. Brown, D. Aleksandr Solzhenitsyn // Soviet Russian literature since Stalin / D. Brown. – Cambridge University Press, 2008. – С. 310-330.
229. Karlson, I. History and modernity in works of Aleksandr Solzhenitsyn / I. Karlson // Toronto Slavic quarterly. – Toronto, 2016. – N. 54. – P. 12-25.
(Карлсон, И. История и современность в сочинениях Александра Солженицына / И. Карлсон; [пер. с англ. Т.Г. Юрченко] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. Реферативный журнал. – М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2016. – № 3. – С.150-152.)
230. Pearce, J. Solzhenitsyn: A soul in exile / J. Pearce. – San Francisco: Ignatius, 2011. – 471 с.
231. The twentieth century: in search of new ways, 1953-80 by Geoffrey Hosking // The Cambridge history of Russian literature / [edited by Moser. C]. – Cambridge University Press, 2008. – С.520-594.
232. Genette, G. Palimpsestes. La Littérature au secondedegrè. – Paris, 1982.
(Женетт, Ж. Палимпсесты. Литература во второй степени / Женетт Ж.; [пер. с франц. И.В. Арнольда]. – Париж, 1982).
233. 索尔仁尼琴传 / (俄罗斯) 萨拉斯金娜著; 任光宣译。北京: 人民文学出版社, 2013年。– 1062页。
234. 索尔仁尼琴—回归故里的流亡者 / 张晓强著。长春: 长春出版社, 1996年。– 282页。
235. 文学的殉道者: 索尔仁尼琴 / 李小驹著。北京: 外语教学与研究出版社, 2006年。– 177页。